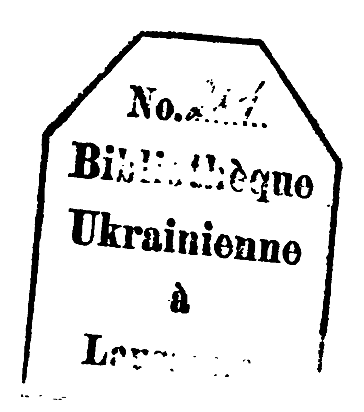
РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

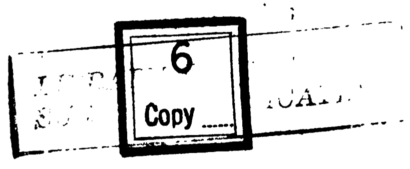
ВЛ. АКИМОВЪ. МАТЕРЬЯЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗВИТІЯ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ. ЖЕНЕВА 1905 г.

University of
Michigan
Libraries

Makhnovetz, Vladimir Petrovich

АКИМОВЪ. МАТЕРЬЯЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗВИТІЯ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ. ЖЕНЕВА 1904 г.

6
Copy

Весною 1901 года въ русской общественной жизни совершился фактъ огромной важности. Тысячи и десятки тысячъ народа, людей „всѣхъ званій и состояній", являлись во многихъ городахъ въ опредѣленное время и въ опредѣленное мѣсто, чтобы выразить свое недовольство самодержавнымъ правительствомъ.

„Мартовскія событія" возникли не неожиданно. Имъ предшествовалъ въ теченіе зимы рядъ общественныхъ явленій, которыя были вызваны совершенно случайными и пустяшными инцидентами. Редакторъ одной газеты, распространявшей цѣлую четверть вѣка реакціонныя идеи, праздновалъ свой юбилей; публицистъ, измѣнившій своему либеральному прошлому, ставилъ въ своемъ театрѣ пьесу, расжигавшую національную вражду; два студента „бѣлоподкладочника" совершили безчестный поступокъ во время своего ночного кутежа и за это были исключены изъ университета.

Все это случалось такъ часто и раньше — но только теперь это вызвало отвѣтъ. Въ Харьковѣ противъ дома Юзефовича была устроена враждебпая ему демонстрація и ему съ его именитыми гостями пришлось прекратить торжество; въ Петербургѣ, въ театрѣ Суворина, публика не дала окончить антисемитскую пьесу „Контрабандисты" и оказала сопротивленіе полиціи, пытавшейся вывести самыхъ шумныхъ протестантовъ; въ Кіевѣ студенты собрали сходку, чтобы выяснить прнчину исключенія коллегъ. Выяснивъ, они нашли ее вполнѣ основательной, но при этомъ въ принятой сходкою резолюціи выразили свое рѣзко-враждебное отношеніе къ тому политическому режиму, который лишаетъ

возможности студенческую среду воздѣйствовать морально на своихъ членовъ и, наоборотъ, самъ воспитываетъ антипатичный типъ въ студенчествѣ.

За рѣчи на этой сходкѣ правительство наказало нѣсколькихъ студентовъ. Товарищи устроили имъ сочувственную демонстрацію, провожая ихъ на вокзалѣ. За это 183 студента были сданы въ солдаты.

Правительство надѣялось, а революціонеры опасались, что эта кара задушитъ духъ протеста, но она, наоборотъ, возбудила его. Началось общерусское студенческое движеніе. Правительство отвѣчало новыми репрессаліями; оно сдало въ солдаты 28 студентовъ въ Петербургѣ, готовилось сдать 300 въ Москвѣ.

Но одинъ бывшій студентъ явился въ Петербургъ и убилъ министра народнаго просвѣщенія. Можно было разсчитывать, что выстрѣлъ Карповича вызоветъ и другіе, но что на массовое движеніе онъ долженъ повліять отрицательно, что общество испугается тѣхъ рѣзкихъ формъ, которыя приняла борьба. Но и эти соображенія оказались ошибочными. Рѣшительно всѣ отнеслись къ поступку Карповича сочувственно, а молодежь даже восторженно и массовое движеніе не утихло, а наоборотъ, достигло высшей точки въ „Мартовскіе дни“.

Мартовскія событія произвели громадное впечатлѣніе на всѣ слои нашего общества и народа и на выразителей всевозможнѣйшихъ направленій русской политической мысли. Однихъ волновало негодованіе къ нарушителямъ „общественной тишины и спокойствія“, быть можетъ опасеніе за свое собственное спокойствіе; другихъ — радостная надежда на то, что, наконецъ, пришла долгожданная пора, о которой цѣлое столѣтіе мечтали лучшіе люди нашего отечества, — пора политической свободы, за которую въ теченіе вѣка столько ужасныхъ и драгоцѣнныхъ жертвъ принесло наше общество.

Въ частности и для соціалдемократическаго движенія мартовскіе дни были „историческимъ поворотомъ“, оно вступило въ новую фазу своего развитія, яркимъ выразителемъ которой явилась газета Искра.

Эта фаза безусловно знаменуетъ прогрессъ и отличается отъ предыдущихъ двумя признаками: рѣзкимъ проведеніемъ политическихъ задачъ нашей партіи и стремленіемъ создать единую партійную организацію.

Мои замѣтки, какъ я надѣюсь, покажутъ, что эти признаки явились результатомъ всего предыдущаго десятилѣтняго развитія соціалдемократіи.

Кромѣ этихъ двухъ положительныхъ признаковъ, которые наше движеніе должно сохранить и въ будущемъ, эта фаза имѣла и отрицательный. Онъ внесенъ въ соціалдемократію тѣми общими условіями русской жизни, при которыхъ были выдвинуты нашей партіей ея политическія задачи.

Подъ вліяніемъ общаго подъема политическаго радикализма во всѣхъ слояхъ общества ближайшая политическая задача нашей партіи — задача низвергнуть самодержавіе — политиче-

цѣликомъ все вниманіе товарищей, какъ нѣкогда его поглощала цѣликомъ экономическая борьба пролетарьята; задача поэтому была невѣрно рѣшена.

Въ борьбѣ съ крайностями предыдущаго періода развитія нашей партіи, такъ наз. экономизма, было осмѣяно и отброшено то, что было въ немъ здороваго — его чисто пролетарскія тенденціи.

Я дѣлаю попытку изложить событія нашей революціонной жизни, какъ процессъ развитія соціалдемократической партіи въ Россіи, потому что только съ этой точки зрѣнія, на мой взглядъ, могутъ быть вѣрно поняты и оцѣнены и факты прошлаго, и наше настоящее, и задачи ближайшаго будущаго.

По мѣрѣ того какъ стихійно возникшее движеніе среди рабочихъ приводило передовые слои русскаго пролетарьята къ сознанію своихъ все болѣе и болѣе широкихъ интересовъ, измѣнялись всѣ пріемы борьбы и формы организаціи русской соціалдемократіи, стремившейся, согласно своимъ принципамъ, быть лишь сознательной выразительницей этого стихійнаго движенія.

Первоначально движеніе слабо проявлялось на поверхности общественной жизни, не было массовымъ. Сознательнымъ идеологамъ пролетарьята оставалось лишь самимъ готовиться для будущей борьбы и заниматься подготовкою отдѣльныхъ рабочихъ, чтобы создать кадры сознательныхъ соціалдемократовъ для того момента, когда въ нихъ будетъ нуждаться массовое движеніе. Это былъ періодъ культивированія отдѣльныхъ личностей въ кружкахъ, стадія кружковщины.

Потомъ, когда стихійное недовольство массъ ихъ экономическимъ положеніемъ привело ихъ въ движеніе, соціалдемократы быстро измѣнили свою тактику и сумѣли стать вожаками пролетарьята въ этой его борьбѣ. Это была стадія экономизма.

Далѣе, когда эта борьба развилась, рабочіе увидѣли, что они лишены элементарныхъ общественныхъ правъ, которыя бы могли облегчить имъ ихъ экономическую борьбу и сдѣлать ее продуктивною. Такимъ образомъ, отъ сознанія своихъ матерьяльныхъ интересовъ пролетарьятъ — въ процессѣ борьбы — пришелъ къ сознанію интересовъ правовыхъ. Соціалдемократія являлась передовымъ отрядомъ пролетарьята и въ эту стадію, — стадію общественно-правовой борьбы рабочаго класса, которая получила названіе „такъ называемаго экономизма".

Къ началу 1901 года движеніе въ разныхъ концахъ Россіи стало принимать единообразный характеръ; борьба *съ* правительствомъ за права личной и общественной свободы поставила передъ пролетарьятомъ задачу борьбы *противъ* правительства, задачу борьбы за право участія во власти, политической борьбы. Это была стадія „искризма".

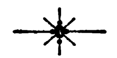
Я считаю „искризмъ" только стадіей въ развитіи нашего движенія. Будущее нашей партіи представляется мнѣ синтезомъ, въ которомъ политическія и организаціонныя задачи соціалдемократіи, поставленныя движеніемъ въ настоящей стадіи, будутъ

Матерьялы, которые мнѣ удалось собрать, очень не велики, и отрывочны. Думается однако, что они могутъ быть полезны для товарищей, потому что наша литература въ этомъ отношеніи очень бѣдна. Матерьялы эти я изложилъ съ точки зрѣнія „теоріи стадій", много разъ поруганной и осмѣянной „Искрою".

Три центра рабочаго движенія въ Россіи представляются особенно типичными, характерными и наиболѣе явственно прошедшими въ своемъ развитіи всѣ стадіи его: Вильна, Петербургъ, Кіевъ. Послѣдующія главы поэтому посвящены каждому изъ этихъ центровъ и для каждаго изъ нихъ я описываю его стадіи: кружковщины, экономизма и такъ называемаго экономизма.

Каждая стадія развитія соціалдемократіи была несомнѣннымъ шагомъ впередъ. Про нашу партію можно сказать словами одного французскаго историка великой революціи: „колесница исторіи подвигается все впередъ среди тысячей препятствій; здѣсь она опрокидываетъ того, кто хотѣлъ ее остановить, тамъ — того, кто еще вчера, казалось, хорошо правилъ ею, но кто сегодня плохо справился со своею задачей. Она все движется впередъ."

Девизомъ моихъ замѣтокъ я избираю слова Энгельса, сказанныя имъ въ предисловіи къ его статьямъ о Феербахѣ и характеризующія революціонное значеніе Гегелевской діалектики: „Каждая ступень необходима въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ, которымъ она обязана своимъ происхожденіемъ, и въ этомъ заключается ея оправданіе. Но она лишается своего значенія и своего оправданія при новыхъ условіяхъ, постепенно развивающихся въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Діалектическая философія сама является лишь простымъ отраженіемъ этого процесса въ мыслящемъ мозгу. У нея есть, безъ сомнѣнья, и своя консервативная сторона: каждая данная ступень развитія науки или общественныхъ отношеній оправдывается ею въ виду обстоятельствъ даннаго времени, но не больше. Ея консерватизмъ относителенъ, ея революціонный характеръ безусловенъ!"

ВИЛЬНА.

I

Въ 85 г. былъ основанъ въ Вильнѣ кружокъ съ революціонными цѣлями. Хотя онъ состоялъ изъ молодыхъ людей, но цѣликомъ принялъ старую народовольческую программу. Она сводилась къ двумъ основнымъ задачамъ борьбы: съ одной стороны распространять въ массѣ населенія идеи соціализма путемъ пропаганды и путемъ устройства артелей, съ другой стороны, вести непосредственную борьбу съ абсолютизмомъ путемъ террора.

Если непосредственная дѣятельность этого кружка не имѣла успѣха, то тѣмъ не менѣе онъ воспиталъ цѣлую группу молодыхъ людей впослѣдствіи оказавшихъ огромныя услуги соціалдемократіи не только Зап. Кр., но и всей Россіи. Средой для его пропаганды являлась мѣстная интеллигенція, главнымъ образомъ ученики среднихъ учебныхъ заведеній, въ особенности учительскаго института и оремъ-бохеры, ешивэ-бохеримъ—молодые люди, готовящіеся стать раввинами.

Устройство артелей шло неуспѣшно. Самымъ крупнымъ предпріятіемъ въ этомъ отношеніи была организація чулочницъ зимою 85-86 г. Однако и эта артель просуществовала всего 3-4 мѣсяца.

Въ 86-87 г. наѣзжалъ въ Вильну изъ Минска т. Абрамовичъ. Онъ прожилъ нѣсколько времени заграницей и позже работалъ въ Кіевѣ. Онъ привезъ съ собою „Наши Разногласія“ Плеханова, и поднялъ горячіе споры съ виленскими революціонерами, защищая соціалдемократическіе принципы, которые уже стремился провести въ жизнь минскій кружокъ, гдѣ кромѣ Абрамовича былъ вернувшійся изъ ссылки Гурвичъ и его сестра.

Виленскіе народовольцы, конечно, не были переубѣждены Абрамовичемъ, но ихъ молодые товарищи порвали со своими учителями и положили начало первой въ Вильнѣ соціалдемократической организаціи. Организованные ими кружки изъ гимназистовъ, гимназистокъ, реалистовъ и учениковъ учительскаго института прежде всего занялись самообразованіемъ. Читали Писарева, Миртова, Михайлова, Дрэпера и, наконецъ, принимались за „Наши Разногласія“.

Изучали русскую жизнь: расколъ, общину, артель, капитализмъ; въ 90-мъ году перешли къ Лассалю и Марксу. Книгами пользовались изъ библіотеки легальныхъ и нелегальныхъ книгъ, собранной еще кружкомъ народовольцевъ.

Передъ новыми соціалдемократами стоялъ вопросъ, какимъ образомъ приступить къ непосредственной революціонной дѣятельности? Сущность новой политической программы, воспринятой

черезъ Абрамовича, сводилась къ тому, чтобы пробудить классовое сознаніе рабочихъ и тѣмъ вызвать къ политической борьбѣ широкіе слои пролетарьята.

Исканіе и приспособленіе методовъ борьбы, формулъ, могущихъ стать боевымъ кличемъ для самыхъ широкихъ слоевъ пролетарьята, составляетъ содержаніе послѣдующей агитаціонной и организаціонной работы соц.-дем. зап. края. Черезъ восемь лѣтъ эта цѣль революціонеровъ соц.-демократовъ была достигнута съ появленіемъ въ 97-г. Бунда. Но въ ту эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, въ этомъ направленіи были сдѣланы еще только первые шаги. - Въ это время не только нельзя было думать о руководствѣ рабочимъ классомъ, но надо было еще установить связи хотя бы съ отдѣльными изъ рабочихъ: соц.-дем. организація не только не была выразительницей рабочаго класса, его авангардомъ, неразрывно съ нимъ связаннымъ— но эти двѣ части будущаго цѣлаго стояли обособленно, не имѣя даже точекъ соприкосновенія.

Первымъ дѣломъ естественно представлялось отыскать эти точки соприкосновенія, установить чисто личныя связи между отдѣльными соціалдемократами и отдѣльными рабочими.

У еврейскихъ рабочихъ была тогда потребность изучать русскій языкъ; революціонеры стали имъ предлагать свои услуги, учили ихъ грамотѣ,ариѳметикѣ. Ради практики въ чтеніи давали имъ „Бесѣды о природѣ“ Зобова и между прочимъ разсказывали вообще по батаникѣ и зоологіи; затѣмъ, сблизившись, читали своимъ ученикамъ романы „Два брата“, „Безъ исхода“ „Хроника села Смурина“, „Одинъ въ полѣ не воинъ“, „Эмма“, „Что дѣлать“ и сказки Щедрина. Раздавали книги эти и на домъ. Наконецъ, когда кружокъ казался достаточно подготовленнымъ, появлялся Дикштейнъ, „Кто чѣмъ живетъ“. На второй очереди стоялъ „Наемный трудъ и капиталъ“ Маркса. На него считалось нужнымъ уроковъ двадцать, потому что требовались безконечные комментаріи. Вмѣсто заключительнаго слова давалась „Программа Работниковъ“ Лассаля въ напутствіе ученику, который могъ уже самъ стать учителемъ. Кромѣ русскихъ книгъ стали появляться изрѣдка американскія изданія на жаргонѣ.

Въ польской литературѣ былъ высказанъ упрекъ, что еврейскіе интеллигенты того времени являлись руссификаторами польскаго края. „Мы не задавались тогда національнымъ вопросомъ, говорилъ мнѣ П., одинъ изъ товарищей, и потому не были сознательными руссификаторами, но, конечно, вносили русскую культуру. Мы пользовались русской литературой для выработки отдѣльныхъ революціонеровъ, потому что еврейской литературы не существовало и мы сами были чужды еврейству. Польскій языкъ не могъ намъ быть полезнымъ потому, что населеніе стремилось изучать не польскій, а русскій языкъ и этимъ стремленіемъ мы пользовались, чтобы завязать связи“.

Это былъ подготовительный процессъ въ развитіи соціалдемократическаго рабочаго движенія въ западномъ краѣ (85-92 г. г.). Рабочій классъ играетъ въ это время чисто пассивную роль: съ одной стороны исключительныя условія быта рабочаго формируютъ въ

немъ характерную психологію пролетарія, съ другой стороны интеллигентные идеологи пролетарьята, революціонеры соціалдемократы выхватываютъ изъ его среды отдѣльныхъ лицъ, подготовляя въ нихъ будущихъ агитаторовъ. Группа интеллигентовъ, получившая революціонное крещеніе отъ народовольцевъ и принявшая затѣмъ соц.-дем. принципы, пытается вызвать рабочій классъ къ политической жизни путемъ пропаганды своихъ идей въ кружкахъ рабочихъ. Это средство оказалось недѣйствительнымъ: широкіе слои рабочаго класса остались недоступны пропагандѣ.

II

92-й годъ можетъ считаться началомъ массоваго рабочаго движенія въ Зап. краѣ. Непосредственнымъ поводомъ для его проявленія послужило, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, очень маловажное событіе.

Виленскій городской Голова, въ пику ремесленной управѣ приказалъ расклеить по городу объявленіе, что по закону Екатерины II рабочій день долженъ продолжаться въ ремесленныхъ заведеніяхъ не дольше двѣнадцати часовъ. Ремесленники повсюду заговорили о сокращеніи рабочаго дня до законныхъ предѣловъ, обсуждали вопросъ, какъ-бы воспользоваться этимъ забытымъ закономъ. Подавленные невѣроятно долгимъ рабочимъ днемъ и безисходною нуждой — нуждой, которой теперь нѣтъ равной даже въ средѣ русскихъ рабочихъ, которая напоминаетъ картины русскаго рабочаго быта лишь 60-хъ и 70-хъ годовъ въ яркихъ и потрясающихъ описаніяхъ Флеровскаго — несчастные еврейскіе паріи вдругъ точно встрепенулись, вдругъ почувствовали, что у всѣхъ у нихъ есть общій интересъ, что они могутъ улучшить свою ужасную судьбу, солидарно поддерживая другъ-друга. Стихійное движеніе, словно вѣтеръ, налетѣло и всколыхнуло тѣ слои еврейскаго общества, которые называются „низами“ и которые казались неподвижными и неспособными двигаться, такъ точно, какъ неспособными они казались воспринять и руководиться какой-бы то ни было сознательной идеей. Люди, къ которымъ еврейское общество не могло и не желало примѣнять терминъ „порядочный человѣкъ“, (a balabatischer Id) вдругъ заговорили о своихъ правахъ и даже стали добиваться ихъ огражденія: рабочіе устроили нѣсколько маленькихъ отрядовъ, обходили въ 7 часовъ вечера городъ, требовали отъ хозяевъ мастерскихъ прекратить работу, грозили протоколомъ. Между тѣмъ революціонеры соціалдемократы были внѣ этого движенія; они не шли дальше устройства кружковъ пропаганды. Они не предлагали никакихъ конкретныхъ средствъ для улучшенія быта рабочихъ и ко всякимъ планамъ улучшенія его при современномъ режимѣ относились скептически.

Если въ первомъ фазисѣ движенія, по отношенію къ великой культурной миссіи, которую хотѣли выполнить еврейскіе соціалдемократы предъ своимъ народомъ, они могли сказать устами товарища П., что они были чужды еврейству, то въ этотъ моментъ они были чужды также рабочему классу, и потому ихъ страстное желаніе вести еврейскій пролетарьятъ къ его великимъ задачамъ не могло не остаться тщетнымъ.

Случилось однако такъ, — и иначе не могло случиться — что сознательные идеологи рабочаго класса встрѣтились лицомъ къ лицу съ представителями стихійнаго пролетарскаго движенія и это привело къ самымъ счастливымъ результатамъ.

У спропагандированныхъ рабочихъ явилась мысль устроить кассы взаимопомощи и стачечной борьбы. Пропагандисты, настроенные противъ всякихъ ассоціацій, однако не отклонили этого плана, надѣясь, что если кассы и не достигнутъ своей цѣли — взаимопомощи и борьбы—то, по крайней мѣрѣ, создадутъ среду, изъ которой удобно будетъ вербовать новыхъ членовъ въ кружки пропаганды.

Это различіе въ мотивахъ, по которымъ рабочіе и интеллигенты пришли къ рѣшенію поддерживать и создавать рабочія кассы, объясняется долгимъ историческимъ прошлымъ тѣхъ соціальныхъ группъ, къ которымъ принадлежали эти соціалдемократы.

Общественное движеніе среди еврейской интеллигенціи началось гораздо раньше описываемаго времени. Уже въ 40-хъ годахъ появилось среди еврейства прогрессивное движеніе, которое знаменовало собою историческое пробужденіе въ Россіи національной еврейской мысли, казалось, остановившейся, застывшей и хранившей двѣ тысячи лѣтъ завѣты старины, какъ святыню, безъ критики, безъ анализа, безъ попытки идти впередъ. Подъ вліяніемъ русской и польской демократической литературы появились въ 50-хъ годахъ разсказы и романы изъ еврейскаго быта Леванды, Багрова, Іосифа Рабиновича, Абраама Мапу и другихъ; въ 60-хъ годахъ началъ издаваться даже органъ на древнееврейскомъ языкѣ, ратовавшій за національное обновленіе, боровшійся противъ замкнутости евреевъ. Это было еврейское „западничество“. Дѣятельность кружка чайковцевъ въ Россіи вызвала себѣ подражаніе среди еврейской интеллигенціи. Это культурное движеніе впослѣдствіи только, развиваясь, стало дифференцироваться и постепенно пришло къ тому, что мы видимъ теперь, къ раздѣленію на демократическое, буржуазно-националистическое движеніе, избравшее своимъ девизомъ сіонизмъ и соціалистическое, сливающееся съ движеніемъ еврейскаго пролетарьята. Еще въ 80-хъ годахъ, когда революціонные элементы еврейской интеллигенціи цѣликомъ поглощались русскимъ освободительнымъ движеніемъ, еще и тогда культурная работа въ западномъ краѣ, изданіе книгъ для народа, устройство легальныхъ библіотекъ и школъ, казалось, соединяла всю еврейскую интеллигенцію на общемъ дѣлѣ. Оремъ-бохеры были той средою, которая привлекала особенно къ себѣ тогда вниманіе революціонныхъ элементовъ; вотъ почему, ко времени возникновенія соціалдемократическаго

движенія, именно они выдвинули адептовъ новаго теченія, которое увлекло ихъ къ пролетарьяту и заставило обратиться къ популярнымъ среди рабочихъ профессіональнымъ организаціямъ.

Рабочее еврейское движеніе еще болѣе стараго происхожденія чѣмъ движеніе среди интеллигенціи. Среди рабочихъ изстари существовали кассы для поддержки борьбы противъ хозяевъ за улучшеніе условій труда; можетъ быть даже эти организаціи ведутъ свое начало отъ временъ существованія въ Польшѣ и Германіи цеховъ, въ которые не принимались еврейскіе рабочіе; по крайней мѣрѣ нѣкоторые обычаи этихъ кассъ напоминаютъ цехи: торжественный обрядъ принятія новыхъ членовъ, ежегодный цеховой праздникъ, храненіе въ глубокой тайнѣ всѣхъ дѣлъ общества. Одинъ свѣдующій въ этомъ вопросѣ писатель нашелъ въ Могилевѣ очень старыя кассовыя книги, принадлежавшія организаціи, не допускавшей въ свои члены хозяевъ. Одинъ мой товарищъ встрѣтилъ въ Житомірѣ старую тайную организацію рабочихъ, которымъ удалось добиться значительнаго улучшенія своего быта долгой, упорной борьбой, исторія которой свято хранится въ преданіяхъ; когда къ нимъ явились пропагандисты-соціалисты, они были встрѣчены очень враждебно. Въ Лодзи старая профессіональная организація „Ахдусъ“ („солидарность“) пользовалась такою репутаціей, что это имя стало нарицательнымъ для организованныхъ рабочихъ и даже вообще для всѣхъ сознательныхъ рабочихъ.

Эти кассы стали создаваться при синагогахъ. Въ каждомъ городѣ есть одна общая синагога для всѣхъ евреевъ, которая называется древнимъ именемъ, вѣроятно древнееврейскимъ, — очевидно лингвистически заимствованнымъ у арабовъ — Beis-Medres (Медресъ — высшая духовная школа у арабовъ и вообще магометанъ), но рядомъ съ этимъ существуютъ синагоги у каждаго ремесла; это — молельни и школы въ то же время; они очевидно новаго происхожденія, судя по ихъ нѣмецкимъ названіямъ: stibl (маленькая комнатка), schul (школа). Здѣсь собираются евреи одной профессіи, какъ рабочіе, такъ и хозяева. Но рабочіе тайно отъ хозяевъ образовали при этихъ синагогахъ кассы, для поддержки пострадавшихъ отъ хозяевъ товарищей; такимъ образомъ тайные кассы были давно знакомымъ дѣломъ для еврейскихъ рабочихъ.

Вотъ почему, когда въ цѣляхъ революціонной пропаганды соціализма понадобилось сгруппировать рабочихъ, интеллигентные рабочіе и революціонная интеллигенція разными путями пришли къ мысли о необходимости поддержать рабочія кассы.

Въ 89 и 90 году кассы эти быстро растутъ, собранія ихъ членовъ становятся все оживленнѣе. Самыя задачи кассъ начинаютъ расширяться, они начинаютъ принимать боевой характеръ. Лучше другихъ были кассы ювелировъ и заготовщиковъ, успѣвшія объединить въ Вильнѣ почти всѣхъ рабочихъ своего ремесла; поддерживая товарищей пострадавшихъ за общее дѣло и грозя хозяевамъ стачкой, они вынуждали ихъ на уступки.

Но чѣмъ больше въ кассы проникалъ духъ стихійнаго рабочаго движенія, тѣмъ больше теряли въ нихъ почву спропаган-

дированные рабочіе, представители сознательныхъ идеологовъ пролетарьята.

И это понятно: въ то время, какъ неспропагандированные рабочіе, выразители стихійныхъ стремленій рабочаго класса, аргументировали на собраніяхъ непосредственными интересами массы, рабочіе спропагандированные, выразители сознательнаго идейнаго движенія революціонной соціалдемократіи, дорожили кассой только какъ средствомъ пропаганды, и, будучи подъ вліяніемъ своихъ учителей, придавали слишкомъ мало значенія кассамъ, какъ средству улучшить положеніе рабочихъ.

При такихъ условіяхъ „массовой человѣкъ" не только не могъ пойти за спропагандированнымъ рабочимъ, но, не зная его затаенныхъ плановъ, просто таки въ толкъ не могъ взять, чего собственно тотъ хочетъ.

Конечно, постоянныя пораженія затрагивали самолюбіе спропагандированныхъ рабочихъ и они стали настаивать, чтобы ихъ учителя сами являлись на собранія кассы, для защиты своихъ взглядовъ.

Мирный пропагандистъ великой идеи далекаго соціалистическаго строя, прилежный учитель кружка рабочихъ былъ приведенъ и поставленъ передъ толпою. Сознательный революціонеръ стоялъ передъ революціонною стихіей, которая не желала слушаться его научно обоснованныхъ совѣтовъ, которая не могла угадать и понять его отдаленныхъ великихъ цѣлей....

Здѣсь-то, наблюдая движеніе, которое въ это время росло въ спокойныхъ на видъ народныхъ массахъ, и прислушиваясь впервые къ голосу стихіи, сознательный революціонеръ, идеологъ пролетарьята долженъ былъ признать свою ошибку, опредѣлявшую поведеніе спропагандированныхъ рабочихъ на массовыхъ собраніяхъ. И тутъ было сказано слово, облетѣвшее затѣмъ всю Россію: *„мы ошибались!"*

„Русская Соц.-Дем. стала на ложный путь", заявили наши еврейскіе товарищи въ брошюрѣ „Объ агитаціи". Она замкнулась въ кружки. Она должна прислушиваться къ біенію пульса толпы, уловить его, стать на шагъ впереди толпы и вести ее. Вести рабочую массу можетъ и должна соціалдемократія потому, что стихійная борьба пролетарьята ведетъ его неизбѣжно къ тому самому исходу, который сознательно выбралъ себѣ революціонеръ, соціалдемократъ, и призналъ своимъ идеаломъ.

Но для этого надо было измѣнить всю программу дѣятельности. Интеллигентскій русскій языкъ сталъ непригоденъ — массѣ нуженъ жаргонъ. Научныя книги и толстые романы недоступны массѣ, ей нужна брошюрка. Планы идеолога, политическаго агитатора, надо было защищать съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ массы. Рядомъ съ конспиративной политической организаціей революціонеровъ пришлось признать демократическую экономическую организацію рабочихъ.

Такъ развился второй фазисъ движенія. Прогрессъ экономическаго развитія страны создалъ стихійное массовое рабочее движеніе, классовую борьбу на почвѣ экономическихъ интересовъ;

революціонеры соціалдемократы пришли къ мысли, что ихъ цѣль — вовлеченіе широкихъ слоевъ пролетарьята въ классовую борьбу — можетъ быть достигнута, если они возьмутъ на себя руководство повседневной, чисто экономической борьбой рабочихъ. Создалась сложная сѣть примитивныхъ боевыхъ организацій въ формѣ стачечныхъ кассъ рабочихъ, руководимыхъ тайной для нихъ организаціей революціонеровъ.

Второй фазисъ охватываетъ періодъ времени между 92 и 95 г.

III

Экономическая агитація явилась живою связью между революціонной организаціей и рабочимъ классомъ и тѣмъ не менѣе революціонная организація далеко не была организованнымъ пролетарьятомъ. Среди рабочихъ шло какое-то броженіе, свидѣтельствовавшее о томъ, что ихъ не удовлетворяетъ дѣятельность ихъ идеологовъ, учителей.

Спропагандированные рабочіе съ Абрамомъ, рѣзчикомъ, во главѣ объясняли свое недовольство переходомъ революціонеровъ къ агитаціи. Они не поняли глубокаго смысла этого измѣненія тактики, имъ казалось, что, отказываясь отъ кружковой пропаганды, интеллигенція оставляетъ свою культурную роль, хочетъ воспользоваться безсознательнымъ стихійнымъ движеніемъ массы, смотритъ на рабочихъ, какъ на „пушечное мясо“. Мало того: кружковые рабочіе оказались менѣе демократичны, чѣмъ революціонеры изъ интеллигенціи; они чувствовали себя выше массы и ихъ коробило появленіе на сходкахъ некультурнаго рабочаго; поэтому отъ движенія устранились цѣлые ремесла, какъ напр. наборщики, которые прежде были впереди. *)

Развитіе движенія, какъ фатумъ, отодвигало на второй планъ культурническую работу революціонеровъ и „оппозиція“ должна была отступить передъ агитаціонною дѣятельностью виленскихъ соціалдемократовъ; но нельзя не признать, что она являлась протестомъ противъ односторонняго увлеченія агитаціей, противъ съуженія задачъ соціалдемократіи ради возможности руководить широкими массами пролетарьята.

Недовольство новой тактикой выразилось однако не только въ идеализаціи предыдущаго періода кружковщины. Недовольны ею были также и предвозвѣстники новой фазы движенія. Они находили, что экономическая борьба не должна являться исключительнымъ предметомъ заботъ соціалдемократіи, что надо также пользоваться каждымъ случаемъ для „политической“ агитаціи.

---

*) Вторично касса наборщиковъ организована была только въ 96 году, и упрочилась лишь въ 99 году.

Подобно тому какъ 1-го мая 92 г. одна только рѣчь изъ четырехъ, рѣчь работницы, знаменовала начало новой, второй стадіи въ развитіи соціалдемократіи, точно также 1-е мая 95 года должно быть признано „поворотнымъ пунктомъ“ къ третьей стадіи еврейскаго рабочаго движенія.

Всѣ требованія, выставленныя соціалдемократами въ этотъ день были чисто экономическими; на красномъ знамени было написано только: „мы боремся за 10 часовой рабочій день, за повышеніе платы, за лучшее обращеніе!“ Изъ четырехъ рѣчей только одна была „политическаго“ характера. Но именно эта рѣчь совершенно неожиданно была встрѣчена восторженно. На другой же день „рѣчь къ агитаторамъ“ закрѣпила эту новую побѣду соціалдемократіи.

1 мая 96 г. уже были выставлены „политическія“ требованія: „мы боремся за свободу стачекъ, собраній, слова и печати“; рѣчи ораторовъ были приспособлены къ этимъ требованіямъ написаннымъ на красномъ знамени.

1-го мая слѣдующаго года была предпринята въ Вильнѣ — впервые соціалдемократами въ Россіи — попытка организаціи манифестаціи, чтобы самымъ фактомъ открытаго собранія протестовать противъ отсутствія права собраній!

И это именно рабочіе требовали внесенія „политическаго“ элемента въ агитацію соціалдемократовъ; это они настаивали на томъ, чтобы обличать предъ рабочими русскій политическій строй, выяснять безправіе народа, формулировать интересы рабочаго-гражданина. Но организація революціонеровъ, руководившая рабочимъ движеніемъ съ цѣлью направить его въ сторону соціалдемократическихъ идеаловъ опасалась, что не будетъ понята массой рабочаго люда, что потеряетъ свое вліяніе, если выставитъ теперь же *свои* требованія „политическихъ“ правъ, какъ требованія пролетарьята. Достаточно ли уже граждански воспитанъ рабочій классъ, чтобы оцѣнить, сознать эти свои интересы? Вожаки въ этомъ не были увѣрены и медлили.*)

Въ августѣ 97 г. въ Варшавѣ появился первый номеръ газеты

---

*) „Не будемъ выставлять такой программы, которая могла бы испугать борющуюся массу. Не уклоняясь ни на іоту — будемъ однако ловкими. Мы хотимъ сгруппировать всѣ силы пролетарьята. Чтобы достигнуть этого мы должны назвать нашу партію „Рабочей“, а не соціалистической.“ Вольдерсъ.—„Слово соціализмъ пугаетъ многихъ рабочихъ, поэтому слово это является препятствіемъ“. де-Папъ.—(Compte rendu du congrés de Parti ouvrier Belge de 1891 p. 42). Правы или нѣтъ были эти бельгійскіе соціалисты, во всякомъ случаѣ они это говорили не въ качествѣ тредьюніонистовъ. — „Соціалистическое движеніе въ Америкѣ ведетъ свое лѣтосчисленіе съ появленія знаменитой книги Беллами „Черезъ 100 лѣтъ“. Свою теорію авторъ назвалъ націонализмомъ, чтобы не пугать американцевъ страшнымъ тогда словомъ „соціализмъ“. Мурановъ. Раб. Д. № 10 II стр. 1.

Arbeiterstimme. Это было настолько неожиданнымъ для варшавскихъ еврейскихъ соціалдемократовъ, что они нашли нужнымъ немедленно запросить виленскихъ товарищей, откуда взялось это изданіе и какъ относиться къ его издателямъ. Оказалось, что группа рабочихъ на свой рискъ и страхъ предприняла изданіе „политическаго“ органа, не дождавшись исполненія своихъ желаній отъ организаціи революціонеровъ. *)

Несправедливо винить революціонную соц.-демократическую интеллигенцію, будто она шла въ хвостѣ стихійнаго раб. движенія: какъ только появлялись первые признаки того, что рабочій классъ, подготовленный предыдущимъ движеніемъ, способенъ понять призывъ къ борьбѣ за болѣе широкіе интересы, интеллигенція тотчасъ же расширяла свою агитацію, выставляла новыя требованія и такимъ образомъ все время шла впереди движенія.

Но еще болѣе несправедливо утверждать, будто бы рабочій классъ самъ не способенъ дойти до правильнаго и широкаго пониманія своихъ классовыхъ идеаловъ — соціализма. Конечно, нельзя сказать про рабочій классъ, въ его цѣломъ, что онъ сознательно идетъ къ соціалистическимъ идеаламъ. Но еврейское рабочее движеніе подъ знаменемъ соціалдемократіи быстро, органически развивалось; въ немъ стихійно выдвигались запросы все болѣе и болѣе приближающіе его къ идеаламъ сознательныхъ соціалистовъ. Идеологамъ пролетарьята оставалось только сократить муки родовъ новаго міровоззрѣнія пропагандой, обличеніями и руководствомъ массовой борьбой. Подобно тому, какъ на картинѣ „Марсельеза“ мощная и вдохновенная фигура аллегорической женщины является вождемъ народныхъ массъ, но отдѣльныя лица изъ увлекаемой ею толпы опережаютъ ее саму, предугадывая въ своемъ стихійномъ порывѣ тотъ ближайшій шагъ, который она сдѣлаетъ на сознательно ею выбранномъ пути — подобно этому отдѣльные рабочіе, усвоивъ идеалы своихъ учителей, опережали ихъ въ своемъ нетерпѣливомъ стремленіи осуществить на дѣлѣ свои мечты.

Въ предыдущей стадіи движенія — экономической агитаціи (92-95 г.г.) — такъ точно какъ и въ первой стадіи — кружковщины — тактика революціонеровъ, сослуживъ движенію огромную службу, однако не вполнѣ достигла своей цѣли: сдѣлать сознательное меньшинство, идеологовъ рабочаго класса, выразителями стихійнаго пролетарскаго движенія. Что же новаго въ этомъ отно-

---

*) Впрочемъ, это не было первой попыткой издавать листки, затрагивающіе новые, болѣе широкіе, чѣмъ въ прокламаціяхъ, вопросы. Въ Вильнѣ выходили бюллетени, въ которыхъ сообщались факты изъ общественной жизни Россіи; въ Минскѣ, еще въ концѣ 96 г., вышло нѣсколько номеровъ „Минскаго Листка“. Но очевидно, что этого типа изданія не соотвѣтствовали запросамъ движенія въ то время. Какъ только одна изъ такихъ попытокъ показала, что положеніе дѣла измѣнилось, она была энергично поддержана.

Тѣ права, которыхъ требовали до сихъ поръ революціонеры и рабочіе подъ именемъ политическихъ правъ, не касались вопроса о государственной власти. Можетъ или не можетъ самодержавіе дать гражданамъ свободу слова, собраній, стачекъ и организацій — прокламаціи, рѣчи ораторовъ и даже надписи на знаменахъ требовали этихъ правъ. Имѣя симптоматически огромное политическое значеніе, требованія эти сами по себѣ не были политическими, потому что не касались вопроса объ участіи во власти новыхъ общественныхъ силъ.

Можетъ или не можетъ самодержавіе дать гражданамъ свободу слова, собраній, стачекъ и организацій — это отдѣльные теоретики могли безповоротно для себя рѣшить въ ту или другую сторону. Но масса убѣждается лишь доводомъ событій и потому, чтобы придать рабочему движенію политическій характеръ казалось необходимымъ, чтобы правительство своими дѣйствіями доказало рабочимъ, что они не могутъ надѣяться на реформы и должны готовиться къ революціи т. е. къ *завоеванію политической власти* и прежде всего къ *низверженію самодержавія*.

И въ силу историческаго рока, точно Эдипъ, который, сознательно убѣгая отъ предсказанныхъ ему несчастій, именно потому и наталкивался на нихъ, русское правительство спѣшило повсюду въ Россіи выполнить актъ, повидимому необходимый именно для того, чего оно боялось — для того, чтобы придать массовому рабочему движенію политическій характеръ.

Точно боясь, что факты совершившіеся въ одномъ концѣ обширной страны не будутъ убѣдительны для политически отсталаго народа въ другихъ ея концахъ, спѣшило оно въ Ярославѣ и Екатеринославѣ, въ Кіевѣ и Вильнѣ пустить въ ходъ политическую власть для подавленія тогда еще мирнаго общественнаго или даже только экономическаго движенія.

Аресты 97 г. впервые носятъ въ Западномъ краѣ не мѣстный, не случайный характеръ. Въ Вильну назначается новый жандармскій полковникъ Васильевъ, который заявляетъ однако, что уже поздно остановить движеніе. Тогда въ Вильну командируется выдающійся по своимъ способностямъ чиновникъ Зубатовъ для изученія дѣла.

Тревога правительства объясняется тѣми формами, которыя принимаетъ движеніе. Послѣ первой манифестаціи въ апрѣлѣ 97 г. этотъ способъ заявленія требованій начинаетъ примѣняться все чаще и удачнѣе.

Въ 97 г. Виленскіе рабочіе сошлись въ городской садъ въ назначенное время и молча сидѣли на лавочкахъ или ходили стройною массою по аллеямъ. Съ тѣхъ поръ манифестаціи стали въ Западномъ краѣ явленіемъ для всѣхъ знакомымъ, ихъ активный характеръ возросталъ, онѣ устраивались послѣ выдающихся общественныхъ событій, по поводу набора новобранцевъ, по поводу отсылки политическихъ, при похоронахъ товарищей.

Въ майскихъ прокламаціяхъ появляются требованія конституціи. Уже 1-го мая 99 г. на манифестаціи было поднято красное

знамя, пропѣта Марсельеза, раздавались крики „долой самодержавіе!“ и толпа встрѣчала ихъ дружнымъ и громкимъ ура!

Но мало того, что конституціонныя требованія стали достояніемъ прокламацій, мало того, что противоправительственныя заявленія встрѣчаются сочувственно толпою, — масса уже не хочетъ терпѣть полицейскаго гнета и демонстраціи принимаютъ буйный характеръ.

Въ началѣ мая 1900 г. толпа, возмущенная арестомъ нѣсколькихъ товарищей въ Новомъ Городѣ подъ Вильной бросилась къ стану пристава, гдѣ содержались арестованные, и пыталась освободить ихъ. Затѣмъ, послѣ неудачи, была устроена засада и, когда заключенныхъ вывели, толпа по знаку часовыхъ вышла изъ засады и напала на конвой. Городовые пустили въ ходъ шашки и ранили двухъ рабочихъ; въ отвѣтъ на это изъ толпы раздались выстрѣлы; арестованные были отбиты, а ихъ временная тюрьма, домъ пристава, разгромленъ.

Рабочее движеніе стало политическимъ. Оно росло подъ соціалдемократическимъ знаменемъ и потому должно быть признано соціалдемократическимъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ всякое стихійное массовое движеніе называется именемъ доктрины, составляющей основу міровоззрѣнія ея вожаковъ, девизъ ея знамени. Поэтому организованный пролетарьятъ долженъ былъ отождествиться съ организаціей революціонеровъ соціалдамократовъ.

И „Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Литвѣ и Польшѣ“, основанный осенью 97 г., осуществилъ эту исторически выдвинувшуюся задачу. Это была четвертая стадія въ развитіи еврейскаго рабочаго движенія, стадія организованной политической борьбы.

V

„Представляя самъ прочную организованную силу, съ успѣхомъ руководя соціалистической борьбою еврейскаго пролетарьята въ Россіи, организованный еврейскій пролетарьятъ (Бундъ) съ нетерпѣніемъ ждалъ результатовъ второго съѣзда Партіи.“ Такъ говорится въ № 3 „Вѣстника Бунда“. Понятіе „Бундъ“ здѣсь отождествляется съ понятіемъ „организованный еврейскій пролетарьятъ“.

Какъ уже сказано выше, таково было именно историческое назначеніе Бунда. Но, конечно, не сразу онъ достигъ этой цѣли.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ въ Литвѣ и Польшѣ развивалось соціалдемократическое еврейское рабочее движеніе, формы и проявленія котораго имѣли все время очень много общаго съ движеніемъ въ остальной Россіи, но всегда опережали его на нѣсколько

лѣтъ. Поэтому состояніе еврейскаго рабочаго движенія въ данный моментъ представляетъ для русскихъ рабочихъ большой интересъ не только какъ поучительный опытъ нашихъ еврейскихъ товарищей, дѣйствующихъ при тѣхъ же политическихъ условіяхъ какъ и мы, но, до нѣкоторой степени, и какъ прообразъ тѣхъ формъ, которыя должно принять въ непосредственномъ будущемъ и наше русское рабочее движеніе.

Довольно точнымъ отраженіемъ дѣятельности еврейской соціалдемократіи являются „Послѣднія Извѣстія“, издаваемыя еженедѣльно заграничнымъ комитетомъ Бунда. За послѣдніе 1½-2 года характеръ этой дѣятельности значительно измѣнился, что становится явственно видимымъ изъ корреспонденцій „Послѣднихъ Извѣстій“. Если прежде эти корренспонденціи носили отпечатокъ чисто мѣстной работы, то въ настоящее время эта работа производитъ впечатлѣніе, дружнаго отклика на призывы и заявленія центральнаго комитета Бунда; говорю—впечатлѣніе, потому что на самомъ дѣлѣ, наоборотъ, Ц. К. Бунда является лишь дѣйствительнымъ выразителемъ и представителемъ еврейскаго пролетарьята.

Поражаетъ громадное количество собраній, организуемыхъ изъ многихъ десятковъ, иногда нѣсколькихъ сотенъ рабочихъ въ различныхъ концахъ района дѣятельности Бунда. На нихъ обсуждаются всѣ главнѣйшія событія политической и общественной жизни Россіи, а также внутренней жизни Бунда. За послѣдній годъ на этихъ собраніяхъ перебывало 70.000 рабочихъ. Такимъ образомъ сознательный еврейскій пролетарьятъ постепенно превращается въ единый коллективный организмъ съ массою пульсирующихъ центровъ и единымъ сердцемъ, начинаетъ реагировать какъ цѣлое, какъ классъ.

Это по типу совершенное проявленіе классовой жизни еврейскаго пролетарьята тѣмъ болѣе поражаетъ наблюдателя, что система организаціи Бунда остается скрытой и незамѣтной.

Я хотѣлъ бы, чтобы мой опытъ — формулировать основные принципы организаціи Бунда, послужилъ поводомъ для дальнѣйшаго изученія этого вопроса. Говорю это потому, что, на мой взглядъ, до сихъ поръ не было сдѣлано попытки изложить исторію Бунда съ точки зрѣнія его развитія, не было стремленія абстрагировать общія черты отдѣльныхъ формъ и такимъ образомъ выяснить общіе организаціонные принципы и тенденціи развитія Бунда. Прагматическая исторія его была довольно полно изложена въ докладѣ Международному Парижскому Соціалистическому Конгрессу и вышла въ изданіи Союза Русскихъ Соціалдемократовъ; довольно подробные матерьялы были также опубликованы въ заграничномъ изданіи журнала Жизнь; о послѣднихъ годахъ имѣются свѣдѣнія въ брошюрахъ Бунда „О четвертомъ съѣздѣ“, „О пятомъ съѣздѣ“, „Дѣятельность Бунда за послѣдніе два года“, и въ „Отчетѣ делегаціи Бунда второму съѣзду Партіи“. Но не только въ этихъ изданіяхъ нѣтъ обобщающей мысли, нѣтъ ея, какъ мнѣ кажется, и въ сознаніи товарищей изъ Бунда.

Самъ я не знакомъ, къ сожалѣнію, съ еврейскимъ языкомъ и

никогда не дѣйствовалъ и не жилъ среди евреевъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я старался разспрашивать у товарищей, работавшихъ въ западномъ краѣ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, объ ихъ работѣ, я записывалъ ихъ разсказы, сопоставляя ихъ, пытался сдѣлать выводы, снова провѣрялъ и испытывалъ. Думается, что мнѣ удалось такимъ образомъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ ходомъ развитія Бунда, но въ моихъ обобщеніяхъ не только не помогали мнѣ товарищи изъ Бунда, но самыя мои попытки обобщать факты они считали безплодной и наивной затѣей.

Въ этомъ я вижу безусловный недостатокъ Бунда: у еврейскаго пролетарьята нѣтъ теоретиковъ. На второмъ съѣздѣ Партіи делегація Бунда и не пыталась даже внести что нибудь въ дѣло выработки программы и приняла ее также безропотно, какъ и всѣ другіе делегаты.

Инстинктивно предчувствуя рѣзкое противорѣчіе между организаціонными принципами „Искры„ и Бунда, его делегація однако не съумѣла противопоставить тенденціямъ „Искры" свои формулированныя тенденціи. Делегація Бунда такимъ образомъ оказалась не въ силахъ увѣнчать историческія заслуги Бунда передъ нашей партіей и стать во главѣ ея чисто-пролетарскаго теченія.

Еврейское пролетарское движеніе, идетъ по совершенно правильному, широкому пути, но, лишенное теоретиковъ, оно безсильно указать путь другимъ. Оно идетъ, но не ведетъ.

Высшимъ органомъ Бунда являются съѣзды, которые должны созываться, по установившемуся обычаю, не рѣже раза въ два года, но до сихъ поръ созывались чаще, всего пять разъ въ теченіе шести лѣтъ (1897-1903). Съѣздъ созывается Ц. К. по его иниціативѣ или по требованію 2/3 комитетовъ. „Обычнымъ правомъ" не предусмотрены случаи, когда бы съѣздъ оказался не законнымъ за неприбытіемъ части делегатовъ. „Это потому, отвѣчаютъ товарищи на мои разспросы, что совершенно невозможенъ случай, чтобы сколько нибудь значительное число делегатовъ не пріѣхало на съѣздъ. Не будетъ данъ условный знакъ съѣзжаться, если подготовительная работа не обезпечила для всѣхъ делегатовъ возможности присутствовать на съѣздѣ; только случайный арестъ въ послѣдній моментъ кого нибудь изъ делегатовъ можетъ задержать его".

Съѣздъ избираетъ тайною подачею голосовъ трехъ членовъ Ц. К., изъ которыхъ одного открыто объявляютъ послѣ выбора представителемъ Ц. К. Эти трое кооптируютъ себѣ столько товарищей, сколько найдутъ нужнымъ. Ц. К. руководитъ дѣятельностью мѣстныхъ комитетовъ согласно резолюціямъ съѣздовъ; онъ обращается отъ своего имени ко всѣмъ еврейскимъ рабочимъ съ прокламаціями, которыя обязаны распространять мѣстные ко-

митеты; онъ издаетъ центральный органъ Бунда, который, такимъ образомъ, совершенно теряетъ значеніе свободной трибуны, необходимой для исканія истины, но за то становится сильнымъ орудіемъ въ рукахъ Ц. К. для проведенія въ жизнь его рѣшеній.

Мѣстные комитеты дѣйствуютъ совершенно автономно въ предѣлахъ своей мѣстности и руководствуются инструкціями съѣздовъ. *)

Такимъ образомъ общій характеръ этихъ двухъ учрежденій Бунда — Ц. К. и М. К-овъ — и ихъ взаимныя отношенія рисуются въ слѣдующемъ видѣ:

I. — Ц. К. Бунда принялъ форму самостоятельнаго органа, вооруженнаго всѣми выработанными всемірнымъ опытомъ средствами воздѣйствія на жизнь партіи, которой онъ руководитъ. II. Мѣстные комитеты являются автономными организаціями, ведущими совершенно самостоятельно всю партійную работу въ предѣлахъ района ихъ дѣятельности. III. Взаимное отношеніе между Ц. К. и М. К. есть кооперація, въ которой ни одинъ изъ этихъ двухъ органовъ Бунда не можетъ подавить другой.

И дѣйствительно.

I. Ц. К. Бунда надѣленъ огромными правами. По уставу Бунда Ц. К. имѣетъ право исключить изъ мѣстнаго комитета отдѣльнаго члена по собственному своему усмотрѣнію и точно также назначить туда новаго члена; мѣстные комитеты обязаны представлять регулярные отчеты Ц. К. объ ихъ дѣятельности, объ ихъ планахъ; члены Ц. К. могутъ во всякое время являться и входить во всѣ организаціи мѣстнаго комитета. При такихъ условіяхъ Ц. К. имѣетъ фактическую возможность быть въ курсѣ дѣла мѣстнаго комитета и проявлять тамъ свое эффективное вліяніе. Онъ указываетъ общія цѣли Бунда, которымъ долженъ служить и не можетъ противодѣйствовать мѣстный комитетъ въ отдѣльныхъ актахъ своей дѣятельности. Обращеніе Ц. К. съ прокламаціями къ самымъ широкимъ кругамъ Бунда обезпечиваетъ за нимъ непосредственное вліяніе на массы, а передача въ его руки Ц. О.

---

*) Одинъ товарищъ изъ Ц. К. Бунда, прослушавъ эти послѣднія строки замѣтилъ мнѣ: „Вашъ умъ склоненъ мыслить бюрократически! Основная Ваша ошибка состоитъ въ томъ, что Вы хотите формулировать такія явленія, которыя не могутъ быть уложены ни въ какія формулы. Конечно, то, что вы здѣсь написали, также вѣрно, какъ то, что мы съ Вами ходимъ на двухъ ногахъ. Но Ваша формулировка подразумѣваетъ ограниченіе вліянія Ц. К. на мѣстные комитеты, а этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ въ жизни Бунда. Живое дѣло не укладывается въ рубрики."

Я, однако, не согласился съ мнѣніемъ товарища. Мнѣ кажется, что нѣтъ въ мірѣ такихъ явленій, которыя было бы невозможно формулировать и трудность, дѣла не можетъ заставить отказаться отъ попытокъ.

Формулировать же общіе принципы организаціи Бунда не только возможно, но и необходимо для того, чтобы сознательно поддерживать тенденціи его здороваго развитія и сознательно ликвидировать пережитки стараго.

создаетъ ему могучее средство моральнаго воздѣйствія на мѣстныхъ дѣятелей. По сравненію съ различными центральными учрежденіями въ международной соціалдемократіи полномочія Ц. К. Бунда чрезвычайно велики.

II. — Мѣстные комитеты могутъ выпускать безъ всякаго на то спеціальнаго разрѣшенія какія имъ угодно мѣстныя изданія; всѣ рѣшенія, принимаемыя М. К., ни въ какихъ утвержденіяхъ не нуждаются; М. К. самъ вырабатываетъ уставъ своей организаціи и регламентъ своей дѣятельности; фактически, конечно, выработался единообразный типъ мѣстной организаціи, но онъ для М. К. не обязателенъ; М. К. самъ кооптируетъ себѣ новыхъ членовъ: если бы М. К. замѣтилъ, что Ц. К. вводитъ въ его составъ новаго члена для того, чтобы провести свои нежелательныя для М. К. тенденціи, онъ имѣетъ возможность принять въ свой составъ еще одного члена съ желательными для себя взглядами и такимъ образомъ парализовать усиліе Ц. К.; распускать М. Комитеты Ц. К. не уполномоченъ и никогда такого прецедента не было.

III. — Если въ мѣстныхъ дѣлахъ возникаетъ конфликтъ между Ц. К. и однимъ изъ М. К., — поскольку акты мѣстной дѣятельности являются проявленіемъ партійной работы — онъ долженъ быть улаженъ путемъ взаимныхъ уступокъ, какъ это дѣлается въ парламентахъ верхнею и нижнею палатами. Въ дѣлахъ же общепартійныхъ Ц. К. дѣйствуетъ совершенно самостоятельно указанными въ Уставѣ способами, и тогда М. К. являются простыми исполнителями его воли.

Во время моихъ разспросовъ товарищей изъ Бунда мнѣ не могли привести примѣровъ, когда-бы пререканія между Ц. К. и М. К. привели къ подчиненію послѣдняго первому. Въ Бѣлостокѣ, напр., во время стачки ткачей Б. К. составилъ прокламацію, которая очень не понравилась Ц. К. и онъ отказался ее напечатать въ своей типографіи, но Б. К. все таки ее издалъ. Ц. К. объявилъ, что онъ ее рѣзко раскритикуетъ въ „Arbeiterstimme“, но, насколько мнѣ извѣстно, и этого не сдѣлалъ. — Лодзинскій комитетъ передалъ въ Ц. К. для напечатанія одинъ изъ №№ „Freisglok“. Ц. К. призналъ его очень неудачнымъ и рекомендовалъ его передѣлать, особенно передовицу. Л. К. не соглашался и послалъ номеръ для печатанія заграницу. Такимъ образомъ и здѣсь Ц. К. не счелъ умѣстнымъ своею властью заставить М. К. уступить. Характерно, что Заграничный Комитетъ тоже нашелъ передовицу очень неудачною и передѣлалъ ее, хотя и не имѣлъ на это никакого права; однако Л. К. не протестовалъ противъ этого.

„Вообще говоря — говорилъ мнѣ товарищъ изъ Ц. К. Б. — Ц. К. „рекомендуетъ“, „предлагаетъ“ свои мнѣнія М. Комитету. Юридически ему не дано права приказывать, но фактически его слушаютъ. Я не знаю даже, можно ли сказать, что Ц. К. не вмѣшивается въ дѣло М. К.? Мнѣ извѣстенъ такой случай, когда Ц. К., обсудивъ въ своей коллегіи дѣятельность одного мѣстнаго комитета, принялъ рѣшеніе, что въ этомъ городѣ слѣдуетъ провести рядъ реформъ; Ц. К. указалъ ихъ М. К., и всѣ онѣ были

проведены. М. Комитеты имѣютъ право начать издавать, безъ особаго на то согласія Ц. К., свой органъ, но они не предпринимаютъ такого важнаго дѣла безъ согласія Ц. К. Одно время очень многіе М. К. завели свои органы. Ц. К. былъ противъ этого и находилъ нужнымъ сократить число ихъ; онъ достигъ своей цѣли: теперь нѣтъ ни одного мѣстнаго органа, но ни одинъ изъ нихъ не былъ прекращенъ насильно. Характернѣе всего именно то, что у насъ не поднимается вопроса о „правахъ“ въ отношеніяхъ между Ц. К. и М. К. *Конечно никакой приказъ со стороны Ц. К. не былъ-бы возможенъ.* Ц. К. имѣетъ право вводить новыхъ членовъ въ М. К., но еслибы М. К. былъ противъ кандидата Ц. К., то, *конечно,* Ц. К. не ввелъ бы такого новаго члена въ М. К., потому что мы знаемъ, что дружная работа въ М. К. возможна только при взаимномъ уваженіи всѣхъ членовъ его. Нашъ основной принципъ — веденіе дѣла по взаимному довѣрію и въ силу моральнаго вліянія.“

Послѣднія слова товарища, мнѣ кажется, уже являются формулой, которая, выражая фактическое положеніе дѣла, можетъ стать и нормой организаціонныхъ отношеній.

Постараюсь теперь нарисовать въ общихъ чертахъ тотъ аппаратъ, при помощи котораго дѣйствуетъ Бундъ на мѣстахъ.

Мѣстныхъ комитетовъ у Бунда четырнадцать: въ Варшавѣ, Лодзи, Бѣлостокѣ, Гроднѣ, Вильнѣ, Двинскѣ, Ковнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гомелѣ, Могилевѣ, Бердичевѣ, Житомірѣ и Ригѣ; кромѣ того на положеніи комитетовъ находятся междугородніе союзы щетинщиковъ и кожевенниковъ. Тамъ, гдѣ еврейское рабочее движеніе еще не достаточно развито и не пустило еще глубокихъ корней, организаціи Бунда не носятъ названія комитетовъ и не пользуются ихъ правами. Такія организаціи существуютъ въ Пинскѣ, Сѣдлецахъ, Петроковѣ, Плоцкѣ, Брестъ-Литовскѣ, Вилькомірѣ, Прилукахъ, Рѣжицѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Бобруйскѣ и въ безчисленномъ рядѣ мѣстечекъ.

Въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣется комитетъ, создаются организаціи слѣдующихъ типовъ: I Фаховыя сходки, II Революціонныя группы, III Пропагандистскія сходки, IV Интеллигентскія сходки, V Интеллигентскія дискуссіи и IV Агитаторскія сходки.

I. Фаховая сходка имѣетъ цѣлью вести дѣятельность Бунда въ томъ или иномъ ремеслѣ. Въ ней бываетъ обыкновенно отъ 5 до 10 человѣкъ, и такихъ сходокъ въ городѣ существуетъ нѣсколько, иногда до десятка. Члены ихъ назначаются „сверху“; точно также представитель сходки, черезъ посредство котораго сходка ведетъ свои сношенія съ комитетомъ, не избирается ею, а назначается агитаторскою сходкой. Собранія сходки устраиваются регулярно, періодически. Сходка обсуждаетъ и изучаетъ всѣ вопросы, относящіеся къ ея ремеслу (напр. о посредничествѣ, объ ученикахъ, о положеніи дѣлъ на фабрикахъ), сходкѣ сообщаетъ комитетъ о предполагаемыхъ манифестаціяхъ, черезъ нее созываетъ рабочихъ

на массовыя собранія; члены фаховой сходки подыскиваютъ новыхъ людей для кружковъ пропаганды, раздаютъ литературу и собираютъ деньги; на фаховую сходку приходитъ представитель сходки агитаторовъ и пропагандистъ, „руководитель“ сходки, который долженъ быть не только образованнымъ, но и очень опытнымъ и практичнымъ человѣкомъ. Въ нѣсколькихъ мелкихъ и близкихъ между собою ремеслахъ работу ведетъ одна фаховая сходка. Въ суммѣ въ фаховыхъ сходкахъ Бунда повидимому участвуетъ около 2.000 рабочихъ; они входятъ также и въ другія организаціи, но, какъ кажется, именно фаховыя сходки должны быть признаны основною единицею всей сѣти организацій; они развились исторически изъ стачечныхъ кассъ начала 90-хъ годовъ и постепенно взяли на себя функціи соціалдемократической организаціи, дѣйствующей среди рабочихъ даннаго ремесла. Это—будущіе синдикаты и имъ прійдется рано или поздно дать право кооптаціи къ себѣ новыхъ членовъ и право выбора своихъ представителей въ „агитаторскую сходку“. Бундъ считаетъ, что число рабочихъ группирующихся и поддающихся его вліянію черезъ посредство фаховыхъ сходокъ можетъ быть принято за тридцать тысячъ.

II. Революціонныя группы включаютъ въ себя наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ и носятъ дискуссіонный характеръ; здѣсь обсуждаются различные теоретическіе и программные вопросы; число членовъ бываетъ обыкновенно больше 15, иногда до 30; работами группы руководитъ представитель отъ комитета, члены же группы назначаются сходкою агитаторовъ; въ городѣ такихъ группъ можетъ быть нѣсколько и составъ ихъ бываетъ довольно текучимъ. Этотъ типъ организаціи былъ признанъ желательнымъ пятой конференціей Бунда, „въ періодъ ломки“, когда у Бунда была тенденція — на мой взглядъ, соотвѣтствовавшая періоду искризма въ русскомъ движеніи — перестроить базисъ своей организаціи, покоившейся на „экономическихъ“ организаціяхъ рабочихъ, ремесленныхъ кассахъ. Интерфаховая сходка „сознательныхъ соціалдемократовъ“ была тогда противопоставлена „профессіональной организаціи рабочихъ“. Но пролетарскій характеръ еврейскаго движенія былъ уже настолько развитъ, что созданныя вновь организаціи не уничтожили фаховыхъ сходокъ, а явились къ нимъ въ высшей степени важнымъ дополненіемъ. Подобно кружкамъ саморазвитія эти группы состоятъ изъ рабочихъ приблизительно одного уровня развитія и фаховой рабочій, переходя изъ группы въ группу проходитъ какъ бы цѣлый курсъ, цѣлую школу.

III. Пропагандистская сходка обсуждаетъ вопросы о веденіи пропаганды. Въ нее входятъ пропагандисты и, слѣдовательно, попреимуществу интеллигенты. Такая сходка имѣется одна въ каждомъ городѣ, и въ ней бываетъ рѣдко менѣе 8, чаще около 12 человѣкъ. Сходка вырабатываетъ программу и систему занятій въ кружкахъ, готовитъ рефераты по отдѣльнымъ вопросамъ, подготовляетъ и посылаетъ въ кружки пропагандистовъ. Фаховыя

сходки составляютъ списки лицъ, которыхъ надо помѣстить въ кружки саморазвитія и прилагаетъ характеристику развитія этихъ лицъ. Пропагандистская сходка размѣщаетъ этихъ лицъ по своимъ кружкамъ.

IV. Интеллигентская сходка завѣдуетъ работой среди интеллигенціи. Въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ она имѣетъ огромное значеніе; на ней присутствуетъ членъ комитета. Сходка ведетъ пропаганду среди интеллигентной молодежи, распространяетъ литературу, собираетъ деньги, устраиваетъ группы для оказанія комитету конспиративныхъ услугъ.

V. Интеллигентскія дискуссіи содѣйствуютъ изученію теоретическихъ вопросовъ и цѣлямъ самообразованія лицъ, которыя желаютъ подготовиться для работъ въ разныхъ организаціяхъ.

VI. Агитаторская сходка объединяетъ работу всѣхъ организацій среди рабочихъ. Развившись изъ центральной сходки представителей ремесленныхъ кассъ, но подвергнувшись вліянію идеи, желавшей сгруппировать въ организаціяхъ лишь профессіональныхъ революціонеровъ, она въ настоящее время едвали представляетъ собою вполнѣ сложившійся типъ главнѣйшей мѣстной организаціи. Еще недавно сходки эти были довольно многочисленными; въ нихъ принимали участіе тридцать, сорокъ и болѣе человѣкъ. По словамъ товарищей, въ послѣдніе два года — послѣ пятой конференціи — эти сходки проявили тенденцію концентрироваться, ограничить свой составъ; но тогда онѣ потеряли бы свое прежнее значеніе выразителей настроенія широкихъ круговъ Бунда. Поэтому комитетамъ приходится въ вопросахъ особо важныхъ созывать сходку агитаторовъ, которая шире „агитаторской сходки" — фактическое положеніе дѣла начинаетъ противорѣчить юридическимъ формамъ и тѣмъ обнаруживаетъ ошибочность тенденцій „періода ломки". Такъ было напр. въ вопросѣ о резолюціяхъ по поводу выхода Бунда изъ партіи: въ „Послѣднихъ извѣстіяхъ" сообщалось о цѣломъ рядѣ сходокъ агитаторовъ въ разныхъ городахъ изъ 40, 50 и даже 60 человѣкъ. *) Агитаторская сходка должна быть компетентною въ дѣлахъ всѣхъ фаховыхъ сходокъ, этихъ ячеекъ Бунда; прежде это достигалось тѣмъ, что ея члены были представителями ремесленныхъ кассъ; въ настоящее время новые члены сходки принимаются путемъ кооптаціи и сама сходка заботится о томъ, чтобы сосредоточить въ себѣ всѣ лучшія революціонныя силы. Это не даетъ тѣхъ гарантій для достиженія цѣли, какъ выборное представительство фаховыхъ сходокъ. Новые члены принимаются простымъ большинствомъ голосовъ, т. е. демократическимъ способомъ. Сходка выбираетъ мѣстный комитетъ. Иногда избираются непосредственно сходкою тайной подачей голосовъ три члена комитета, изъ которыхъ одинъ объявляется представителемъ; его имя сообщается сходкѣ, и черезъ

---

*) Всего въ этихъ сходкахъ приняли участіе болѣе 2.500 чел.

него комитетъ ведетъ свои сношенія со сходкою; иногда же сходка избираетъ особую комиссію для назначенія комитета; но и въ этомъ случаѣ одинъ изъ членовъ комитета объявляется всѣмъ. Послѣдній случай превращенія мѣстной организаціи Бунда въ комитетъ былъ полтора года тому назадъ въ Ригѣ. Комитетъ былъ тамъ не назначенъ Центральнымъ Комитетомъ, а выбранъ мѣстной организаціей. Были случаи, напр. въ Двинскѣ, Гомелѣ, когда комитетъ неугодный сходкѣ былъ насильственно смѣщенъ и замѣненъ другимъ; это не вызвало протеста ни съ чьей стороны.

Такимъ образомъ право мѣстныхъ агитаторскихъ сходокъ избирать свой комитетъ существуетъ несомнѣнно. Но агитаторскія сходки рѣдко пользуются этимъ правомъ потому, что комитетъ избирается безсрочно и, по мѣрѣ ареста отдѣльныхъ его членовъ, пополняется кооптаціей. Пока работа Бунда идетъ спокойно, это не вызываетъ никакихъ неудобствъ. Но съ „усложненіемъ жизни", съ возникновеніемъ внутри Бунда новаторскихъ теченій, это дастъ себя почувствовать. Необходимо открыть доступъ въ комитетъ возникающимъ теченіямъ; для этого необходимо, чтобы члены комитетовъ избирались на опредѣленный срокъ.

Отношенія между сходкою и комитетомъ не регламентированы точно. Но то обстоятельство, что комитетъ можетъ проявлять свое вліяніе на массу лишь чрезъ посредство агитаторской сходки и ведетъ со сходкою свои дѣла чрезъ выбраннаго ею товарища, какъ кажется, обезпечиваетъ сходкѣ достаточную фактическую зависимость комитета отъ сходки.

Комитетъ поэтому является какъ бы отвѣтственнымъ министерствомъ агитаторской сходки.

ПЕТЕРБУРГЪ.

I

Однажды въ началѣ девяностыхъ годовъ я былъ на Кавказѣ и ѣхалъ верхомъ узкою горной тропинкой по берегу моря. Кругомъ высились огромные дубы, кедры и кипарисы, покрывшіе склоны горъ непроходимымъ лѣсомъ. Мой знакомый встрѣтилъ меня около своей усадьбы: онъ принималъ балки, привезенные ему моремъ на филюгахъ.

„Какъ! — спросилъ я — здѣсь, среди дѣвственнаго лѣса, Вы нуждаетесь въ деревѣ?“ — „Конечно, — отвѣчалъ мнѣ кавказецъ — эти балки куплены за сто верстъ отсюда; они стоили бы мнѣ очень дорого, если бы я хотѣлъ взять ихъ изъ моего лѣса: слишкомъ трудно и долго прокладывать горную, лѣсную дорогу черезъ густыя поросли.“

Мнѣ подумалось тогда, что въ сущности въ такихъ же условіяхъ приходилось „строить“ въ Петербургѣ намъ, соціалдемократамъ. Мы знали, что единственной силой, способной осуществить наши идеалы, является пролетарьятъ; мы жили въ городѣ, гдѣ работаютъ болѣе ста тысячъ пролетаріевъ; но какія невѣроятныя трудности приходилось намъ преодолѣть для того только, чтобы встрѣтиться съ рабочими, заговорить съ ними какъ съ друзьями, сойтись, разсказать о нашихъ идеалахъ, увлечь вмѣстѣ съ нами на борьбу за общее дѣло.

Желая завязать связи съ рабочими, одинъ мой товарищъ сталъ ходить каждый день въ далекій и грязный кабачекъ въ рабочемъ кварталѣ; онъ просиживалъ тамъ цѣлые часы, всматривался въ лица посѣтителей, знакомился съ рабочими, старался стать для нихъ обычнымъ трактирнымъ завсегдатаемъ и такимъ образомъ войти въ кругъ ихъ интересовъ, сдѣлаться для нихъ своимъ человѣкомъ.

Другой товарищъ отправлялся лѣтомъ ночевать въ поле, за городъ, и тамъ встрѣчался съ безработными — голодными и усталыми людьми, которымъ, конечно, не думалось, что случайный товарищъ ихъ убогаго ночного пріюта въ заброшенныхъ кирпичныхъ сараяхъ — студентъ-пропагандистъ.

Такъ приходилось искать встрѣчъ съ рабочими.

Первая соціалдемократическая группа въ Петербургѣ возникла еще въ 85 году. Уже въ январѣ вышелъ первый номеръ ея „Газеты Русскихъ Соціалдемократовъ“, „Рабочій“; второй номеръ вышелъ въ іюлѣ того же года, въ немъ были статьи Плеханова и Аксельрода между прочими.

Признавъ соціалдемократическіе принципы, кружокъ однако не могъ сразу измѣнить тактику русскихъ соціалистовъ и въ

значительной степени сохранилъ старые пріемы пропаганды. Но именно потому, что тактика его соотвѣтствовала не молодому, едва возникавшему пролетарскому соціализму, а предыдущей эпохѣ развитія соціалистическаго движенія въ Россіи, уже вполнѣ сложившагося народовольчества, именно поэтому она кажется теперь болѣе разностороннею, чѣмъ слѣдующіе шаги русскихъ соціалдемократовъ.

Группа „Рабочій“ вела пропаганду среди юнкеровъ и солдатъ, пыталась завязать сношенія съ крестьянами, признавала терроръ, въ рабочихъ видѣла лишь наиболѣе революціонный матерьялъ для дѣятельности и потому охотно мѣнялась своими рабочими кружками съ народовольческими пропагандистами. Соціалдемократія должна была еще пересмотрѣть всѣ теоретическія посылки соціализма, „переоцѣнить всѣ цѣнности знанія“, для того, чтобы создать свою собственную тактику и прійти къ постановкѣ тѣхъ же задачъ, что и соціалисты 80-хъ годовъ, но инымъ, своимъ собственнымъ путемъ. Только въ настоящее время передъ соціалдемократіей выдвинулась задача и создалась возможность пропаганды въ войскахъ, въ крестьянствѣ, стали необходимы пріемы вооруженной борьбы, а тогда попытки разрѣшить эти задачи являлись лишь пережитками прошлаго.

Соціалдемократы сознавали необходимость прочнаго обоснованія своего міросозерцанія и потому отдавали главную часть своихъ силъ теоретическимъ работамъ и спорамъ съ соціалистами стараго теченія. Типичнымъ представителемъ этого новаго теченія соціалистической мысли можетъ служить такъ рано умершій Н. В. Водовозовъ. Извѣстно, какъ горячо отнесся къ нему чуткій художникъ В. Г. Короленко, его противникъ по возрѣніямъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ за этимъ „новымъ человѣкомъ“ Шелгуновъ въ послѣдніе годы своей жизни, съ какою любовью относились къ нему его товарищи по убѣжденіямъ.*)

Теоретическіе споры постепенно все больше и больше охватывали студенчество. Собравшись тайно, точно заговорщики, студенты и курсистки спорили страстно и рѣзко цѣлыя ночи на пролетъ о значеніи экономическаго фактора въ исторіи, о судьбѣ общины, о роли крестьянства и пролетарьята. Въ разсказѣ Чирикова „Инвалиды“ отразилось, какъ блѣдный отблескъ, то нервное настроеніе, которое создали эти споры въ рядахъ русскихъ революціонеровъ; и кажется, будто бы знаменитая картина Рѣпина, „Вечеринка“, выхватившая сцену изъ временъ народничества, изображаетъ жизнь молодежи начала девяностыхъ годовъ, и переломъ въ развитіи соціалистической мысли отъ народовольчества къ соціалдемократизму.

Группа „Рабочій“ была арестована 27 янв. 86 г. Взяты были В. Харитоновъ, студентъ университета, умершій въ ссылкѣ отъ чахотки, Бутковъ, Теселкинъ, князь Кугушевъ, братья Катаевы,

---

*) Воспоминанія о немъ см. въ „Новомъ Словѣ“.

инженеръ технологъ Артаумовъ. Взята была также ихъ типографія на Ропщенской улицѣ.*)

Сизифову работу созданія новыхъ кружковъ среди рабочихъ пришлось начать сначала. За это взялся кружокъ студентовъ технологическаго института съ Брусневымъ во главѣ. У него было еще много общихъ чертъ съ группою „Рабочій". Хотя его члены и считали себя соціалдемократами, но по способу пропаганды своихъ идей они являлись, въ сущности, соціалистами-культурниками. Народовольческая тактика уже была оставлена, соціалдемократическая еще не была выработана; оставлена была мысль о непосредственной борьбѣ и началась подготовительная работа, распространеніе идей. Брусневъ и его товарищи предполагали расширить свою организацію, завели сношенія со многими городами Россіи, но въ апрѣлѣ 92-го года были арестованы.

Событія 91-го года — голодъ, и затѣмъ холера — сильно подняли общественное возбужденіе въ Россіи. Соціалдемократическія теоріи вовсе не диктовались логикой этихъ событій. Но народное бѣдствіе пробудило всѣ живыя силы націи, заставляло такъ или иначе, но опредѣленно отвѣтить на вопросъ, что же дѣлать? Естественно, что каждый началъ дѣлать то, что онъ считалъ необходимымъ и такимъ образомъ проявились всѣ воззрѣнія, которыя еще сохранились или уже возникли въ обществѣ; началась борьба мнѣній и одолѣло то, которое болѣе соотвѣтствовало историческому моменту — соціалдемократія.

Въ 91-омъ году въ Петербургѣ образовалась новая группа народовольцевъ. Во главѣ ея стоялъ Мих. Степ. Александровъ. Ея великолѣпныя прокламаціи писалъ Астыревъ. Прежде всего она выпустила старую программу Народной Воли съ небольшими измѣненіями, ослаблявшими ея рѣзко террористическій характеръ; затѣмъ былъ выпущенъ Летучій Листокъ № 1, позже № 2 и нѣсколько мелкихъ изданій. У группы была своя типографія и, кромѣ того, она организовала рядъ кружковъ пропаганды среди студентовъ и среди рабочихъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ.

Въ то же приблизительно время была основана „Партія Народнаго Права", считавшая необходимымъ отодвинуть на второй планъ всѣ спорные вопросы русской революціонной мысли ради „насущнаго вопроса" нашего времени, низверженія самодержавія, вопроса, который долженъ объединить всѣхъ революціонеровъ

---

*) Кольцовъ, въ приложеніи къ Туну, сообщаетъ о Петербургѣ вотъ что: „Въ 84 г. уже можно было организовать с. д. группу, которая и начала работать. Съ 85 г. эта группа, выработавши свою программу, приступила къ практической дѣятельности, т. е. къ пропагандѣ нашихъ с. д. взглядовъ между рабочими и интеллигенціей, преимущественно въ студенческихъ кружкахъ и даже въ „обществѣ". Группа тогда состояла изъ 15—16 человѣкъ студентовъ и студентокъ, одного инженера архитектора, одного журналиста и двухъ старыхъ черно-передѣльцевъ, нелегальныхъ."

безъ различія направленій. Во главѣ этой группы стоялъ старый соціалистъ Маркъ Андр. Натансонъ. Ихъ типографія была поставлена въ Смоленскѣ. Обѣ группы понесли тяжелые удары во время арестовъ въ апрѣлѣ 1894 г.

Соціалдемократы также продолжали свою работу. Послѣ ареста Бруснева и его друзей рабочіе кружки были снова устроены ихъ товарищами, студентами Технологическаго Института. Это была замкнутая группа чистой пропаганды и ея кружки напоминали собою тайную школу. Народовольцы жаловались, что имъ приходится заниматься въ рабочихъ кружкахъ курсами физики и естественной исторіи. „Конечно, — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, Ѳ.—рабочимъ куда интереснѣе слушать разсказы о цвѣточкахъ, чѣмъ заниматься революціонной работой! Ничего не подѣлаешь: соціалдемократы завели эту моду и намъ приходится съ этимъ считаться, чтобы не потерять вліянія въ рабочей средѣ.

Дѣйствительно: вся тактика соціалдемократовъ была направлена на то, чтобы выработать изъ среды рабочихъ рядъ сознательныхъ и вліятельныхъ личностей, сгруппированныхъ въ кружки. Рѣчь одного рабочаго перваго мая 91-го года характеризуетъ эту тактику очень ярко. Нашъ товарищъ говорилъ: „Въ настоящее время намъ остается только возможность заняться развитіемъ и организаціей рабочихъ, возможность, которою, надѣюсь, мы и воспользуемся, не смотря ни на какія угрозы и препятствія нашего правительства. А для того, чтобы наша дѣятельность оказалась плодотворною, намъ необходимо какъ можно болѣе стараться умственно и нравственно развивать самихъ себя и другихъ и болѣе энегично дѣйствовать для того, чтобы окружающіе насъ люди смотрѣли на насъ, какъ на людей умныхъ, честныхъ и смѣлыхъ и потому съ большимъ довѣріемъ относились бы къ намъ и ставили бы насъ въ примѣръ себѣ и другимъ“. *)

---

*) См. выпускъ шестой Рабочей Библіотеки: „Четыре рѣчи рабочихъ, произнесенныхъ въ Петербургѣ“. Женева 1892 г. Чрезвычайно интересно сравнить эти рѣчи съ „Четырьмя рѣчами еврейскихъ рабочихъ“, произнесенныхъ на годъ позже, 1-го мая 1892 г., въ Вильнѣ.

Въ Петербургѣ рѣчи рабочихъ 'отражаютъ еще періодъ кружковщины, въ Вильнѣ онѣ уже дышатъ готовностью къ экономической борьбѣ. Насколько вышеприведенныя слова являются типическими для петербургскихъ рѣчей, настолько для виленскихъ характерны слѣдующія слова работницы: „Мы должны бороться съ нашими врагами. Но, конечно, каждый человѣкъ долженъ измѣрять свои силы, онъ не долженъ браться за то, чего онъ не въ состояніи сдѣлать. Мы хорошо знаемъ, что все сразу мы передѣлать не можемъ; поэтому мы должны бороться пока съ нашими ближайшими врагами, съ которыми намъ приходится сталкиваться каждый день, а именно — съ нашими хозяевами.“ Соціалдемократическая Библіотека. Четыре рѣчи. Женева. 1893 г.

Такимъ образомъ личное вліяніе въ то время признавалось единственнымъ средствомъ распространенія идей соціалдемократіи. Сгруппировать по нѣскольку подающихъ надежды лицъ въ кружки и путемъ систематическихъ занятій передать имъ свои взгляды — таковъ былъ планъ дѣятельности первыхъ соціалдемократовъ. Среди милліоновъ и милліоновъ населенія страны, среди многихъ сотенъ тысячъ пролетаріевъ, какъ песчинка, терялась горсточка первыхъ соціалдемократовъ. Что же иное они могли сдѣлать своимъ символомъ, какъ ни искорку, которая свѣтится во мракѣ и изъ которой возгорается пламя! Вотъ психологія, которую создалъ періодъ кружковщины у своихъ лучшихъ дѣятелей. И интересно слѣдить, какъ психологія эта сохраняется до сихъ поръ въ теченіе годовъ, пока мракъ еще окутываетъ широкіе слои пролетарьята, хотя уже явились кадры, которымъ не нужна больше искра; интересно слѣдить, какъ возникаетъ новый типъ вожака пролетарскихъ массъ, вожака съ иною психологіей, и какъ развивается конфликтъ между этими двумя настроеніями въ рядахъ соціалдемократіи!

Періодъ кружковщины еще не зналъ этихъ разногласій: надо было сквозь бурьянъ и терніи проложить путь въ чащу дубовъ и кедровъ, изъ которыхъ будетъ построенъ нашъ храмъ! Такъ представлялось дѣло субъективно, намъ интеллигентамъ; объктивно же это наше пониманіе нашихъ задачъ имѣло то значеніе, что, къ моменту самопроизвольнаго возникновенія стихійнаго массового движенія, въ средѣ пролетарьята уже были сознательные интеллигентные рабочіе.

Эта субъективная переоцѣнка значенія нашей работы была, быть можетъ, психологически неизбѣжной: очень дорогою цѣной приходилось добывать эти первые, необходимые, но по своему непосредственному значенію слишкомъ малые результаты долгаго, кропотливаго и опаснаго труда.

II

На далекой Колымѣ поэтъ-революціонеръ изливалъ свою скорбь о томъ, что никто не внемлетъ его призыву, что ни откуда не слышитъ онъ отвѣта на свою пѣснь:

Во мракѣ я пою, средь непробудной ночи....
Кто слышитъ голосъ мой? Кто есть вблизи живой?
Напрасно я во тьму вперилъ пытливо очи!....
Я поднялъ высоко протянутыя руки....
Кто видитъ обликъ мой? Откликнись!....
. . . .
Во мракѣ я пою!...

Такъ и намъ не было отклика! И что было сдѣлать, чтобы вызвать его, чтобы заставить пролетарьятъ отвѣтить на призывъ къ борьбѣ? Отъ времени до времени, правительство запирало въ тюрьму пропагандистовъ; ихъ ученики упрямо и безстрашно продолжали работу, но и они были такъ же одиноки, какъ ихъ учителя. „Кружковщина" не достигала цѣли. Что же, какое слово зажжетъ душу пролетарьята, расколышетъ стихію рабочаго движенія? Мы искали его.

„Лѣтомъ 94 года, разсказывалъ мнѣ товарищъ Ч., я ѣздилъ въ качествѣ технолога-практиканта на паровозѣ помощникомъ машиниста. Я близко познакомился съ нѣсколькими рабочими желѣзной дороги, которые показались мнѣ симпатичными и очень неглупыми людьми; я подолгу говорилъ съ ними и ждалъ только удобнаго повода, чтобы перевести разговоръ на политическую тему. Скоро представился случай, казавшійся мнѣ самымъ подходящимъ. По какому-то поводу нижегородскій губернаторъ Барановъ объявилъ, что онъ выпоретъ того, кто будетъ распространять въ народѣ тревожные слухи (о холерѣ, кажется). Мнѣ представилось, что Барановъ можетъ выполнить свою угрозу, и это глубоко задѣло во мнѣ чувство безсилія русскаго гражданина противъ возможнаго насилія надъ его личностью. Я подѣлился своими соображеніями съ моими знакомцами. Пока я говорилъ о безправіи русскаго гражданина, о насиліяхъ властей, всѣ со мной соглашались. Но когда я для иллюстраціи разсказалъ объ угрозѣ Баранова, они расхохотались. Меня это поразило, и я спросилъ, чего же они смѣются.

„Какъ же! Скажешь что-нибудь въ трактирѣ, тебя разложатъ и всыпятъ!... Очень просто!... и всыпятъ! Что же съ ними подѣлаешь? Начальство!"

„Я пришла однажды — разсказывалъ мнѣ другой товарищъ Ю. — къ вязальщицѣ шелковыхъ чулокъ. Это была еще молодая дѣвушка, но изнуренная, больная, съ воспаленными глазами. Я стала разспрашивать ее о ея жизни. Главную часть своего заработка она получала отъ княжны Санъ-Донато которой вязала тонкіе, бальные чулки. Чулки были очень дорогіе, каждую пару приходилось вязать подолгу часто они нужны были къ спѣху, чулочница сидѣла ночи надъ мелкими петлями шелковой нитки и погубила свои глаза. Княжна же надѣвала каждую пару только одинъ разъ и потомъ отдавала ее, какъ старье, своей горничной. Контрастъ между нищетой и расточительностью билъ въ глаза, и я съ жаромъ стала говорить о несправедливости общественныхъ тоношеній. Но несчастная чулочница вдругъ воодушевилась и заговорила съ восторгомъ: „ахъ, если бы вы знали, какая она красавица! какая богатая, какая граціозная, какое у ней обращеніе! А мы, что? Намъ, конечно, знай, чулки вяжи! Я, какъ надѣну ей мой чулокъ, глазъ не могу оторвать отъ ея ножки..."

Какъ я уже сказалъ, въ это время сознательнымъ соціалдемократамъ приходилось имѣть дѣло не съ массою рабочаго люда, а лишь съ отдѣльными рабочими. Соціалдемократы пытались вы-

звать отклик, указывая рабочимъ на бьющую въ глаза несправедливость существующаго строя. Но факты, казалось, самые вопіющіе, не вызывали у рабочихъ протеста.

Пропагандистовъ приводило въ отчаяніе это отношеніе „середняка“, неспропагандированнаго рабочаго, къ окружающему его міру. А рабочіе спропагандированные относились къ нему прямо съ презрѣніемъ.

Одинъ изъ рабочихъ, произнесшій прекрасную рѣчь 1 мая 91 года, говорилъ впослѣдствіи, уже въ ссылкѣ, одному моему пріятелю: „Листки—это пустая затѣя. Ну, что можно объяснить въ одномъ листкѣ? Книжку надо давать рабочему, а не листокъ; учить его надо. Въ кружокъ его!“

Но тѣ рабочіе, которые продолжали послѣ 94 года революціонную работу, были неудовлетворены также и кружковщиной.

„Зимой 94 года — пишетъ т. Петербуржецъ — работа по организаціи рабочихъ кружковъ и культивированію отдѣльныхъ личностей продолжалась. Но въ ней было замѣтно уже нѣкоторое разочарованіе. Чего то недостаетъ“ (стр. 12). „Въ средѣ нѣкоторыхъ сознательныхъ и развитыхъ рабочихъ, называвшихъ себя соціалдемократами, сталъ раздаваться протестъ противъ“ кружковщины. „Нѣтъ, говорили они, успѣхъ дѣла лежитъ въ рабочемъ движеніи; а для того, чтобы создать сознательное рабочее движеніе, необходимы дѣятели, спеціально для этой цѣли подготовленные. Рабочій пропагандистъ и организаторъ долженъ тонко знать всѣ окружающія условія его рабочей жизни“ (стр. 6).

Между тѣмъ среди рабочихъ массъ шло глухое броженіе, расло еще не сознанное недовольство, которое проявлялось то здѣсь, то тамъ отдѣльными вспышками, не организованными, разрозненными протестами — у Семянникова, въ Порту, у Воронина возникаютъ безпорядки. При такихъ условіяхъ попадаетъ въ Петербургъ изъ Вильны рукопись брошюры „Объ агитаціи“.

„Тотъ не соціалдемократъ — говорилось тамъ — кто своею дѣятельностью не содѣйствуетъ росту классоваго сознанія и революціонныхъ требованій пролетарьята. Между тѣмъ содѣйствовать тому или другому можно, только взявшись непосредственно за возбужденіе въ массѣ движенія на экономической почвѣ, и каждый шагъ въ этомъ направленіи будетъ облегчать дальнѣйшее движеніе, будетъ устранять одно за другимъ тѣ препятствія, которыя теперь кажутся неустранимыми, которыя мѣшаютъ даже кружковой, культурной въ сущности, работѣ и которыя для послѣдней, дѣйствительно, неустранимы. Въ виду всего этого мы признаемъ необходимымъ для соціалдемократическихъ кружковъ перейти... (стр. 23) къ постоянной агитаціи среди фабричныхъ рабочихъ на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій. Вызванная такой агитаціей борьба пріучитъ рабочихъ отстаивать свои интересы, подниметъ ихъ мужество, дастъ имъ увѣренность въ своихъ силахъ, сознаніе необходимости единенія, въ концѣ концовъ поставитъ передъ ними болѣе важные вопросы. Классовая борьба въ этомъ, болѣе сознательномъ видѣ, создастъ почву

для политической агитаціи, цѣлью которой будетъ измѣненіе существующихъ политическихъ условій въ пользу рабочаго класса. Дальнѣйшая программа соціалдемократіи ясна сама собою (16 стр.). Возбужденіе, вѣчная неудовлетворенность, вѣчное стремленіе къ улучшенію своего положенія и борьба за это улучшеніе, въ то же время широкое пониманіе уже достигнутыхъ побѣдъ — къ этому долженъ вести массу агитаторъ" (стр. 22).

Девизъ былъ найденъ. Начался въ Петербургѣ періодъ экономической агитаціи. И агитаторы не получавшіе отклика, когда они обличали существующій политическій и общественный строй, увидѣли, что не только рабочіе, съ которыми они имѣли дѣло, но и широкіе слои рабочаго класса, къ которымъ не было непосредственнаго доступа, дружно и смѣло откликнулись на ихъ призывъ къ борьбѣ экономической. Такимъ образомъ здѣсь повторилось то самое, что раньше случилось и въ Вильнѣ.

„Я пріѣхалъ въ Петербургъ, разсказывалъ мнѣ еще одинъ товарищъ К., въ январѣ 95 года, вскорѣ послѣ того, какъ тамъ была выпущена первая прокламація по поводу стачки у Семянникова*). Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ и волненіемъ ея результатовъ: агитація посредствомъ прокламацій была дѣломъ совсѣмъ новымъ и трудно было предвидѣть, къ чему приведетъ этотъ опытъ".

Опытъ оказался очень удачнымъ. Между тѣмъ броженіе среди рабочихъ все расло. На масляницѣ произошла стачка въ Порту, затѣмъ забастовка на бумагопрядильнѣ Воронина; осенью заволновались у Торнтона.

„Послѣдній мѣсяцъ" (ноябрь 1895 года) „былъ полонъ событіями въ нашей жизни—читаемъ мы въ прокламаціи Союза Борьбы**) „Трижды поднимались въ теченіе мѣсяца петербургскіе рабочіе противъ хозяйскихъ притѣсненій, трижды пытались борьбой добиться лучшихъ условій жизни. „Первыми встали ткачи на суконной фабрикѣ Торнтона. Всѣ, вѣроятно, знаютъ, какъ круто пришлось въ послѣднее время ткачамъ сукна, какъ благодаря страшному паденію заработной платы они обнищали и разорились. Долго подготовляемое недовольство наконецъ вспыхнуло, и ткачи возстали противъ новаго пониженія платы. Почти въ тоже время

---

*) „На скорую руку была изготовлена агитаціонная брошюрка въ видѣ тетради съ изложеніемъ положенія рабочихъ на Семянниковскомъ заводѣ. Прочитанная на собраніи нѣскольких рабочихъ, она была напечатана съ помощью гектографа и распространена по заводу, хотя и не особенно удачно. Этотъ новый пріемъ соціалдемократовъ, хотя еще пока въ видѣ отдѣльнаго случая, обратилъ на себя вниманіе рабочихъ".—Петербуржецъ, стр. 14.

**) Прокламація относится, повидимому, къ декабрю 95 г. Даты на ней нѣтъ. Озаглавлена: „Ко всѣмъ Петербургскимъ рабочимъ". Подпись: „Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса"—такъ назвала себя въ это время группа петербургскихъ соціалдемократовъ.

произошли безпорядки на табачной фабрикѣ Лафермъ. Тутъ точно также долго испытывали терпѣніе работницъ, пуская въ ходъ самые мошенническіе пріемы, чтобы урвать нѣсколько грошей изъ голодной платы... Терпѣнію насталъ конецъ, и работницы задали таки страху товариществу Лафермъ, разгромивъ всю фабрику и избивъ ненавистнаго приказчика. Третій случай былъ на фабрикѣ Товарищества механическаго производства обуви. Это богатѣйшее товарищество, не довольствуясь законнымъ грабежомъ и притѣсненіями, не стѣсняется донимать рабочихъ самыми противозаконными средствами; 40 рабочихъ въ отдѣльной мастерской устроили стачку, требуя отмѣны строгой браковки и такъ какъ они, бросивъ работу, вызвали остановку всей фабрики, то хозяева уступили послѣ трехдневной стачки".

„Первые встали ткачи Торнтона". И Союзъ Борьбы тотчасъ же примѣнилъ свою новую тактику.

„Послѣ цѣлаго ряда собраній въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ" — пишетъ т. Петербуржецъ — и послѣ горячаго спора представителей группы рабочихъ района Невской заставы съ представителями отъ группы интеллигентовъ, „было рѣшено начать примѣнять новую тактику массовой агитаціи на основаніи насущныхъ потребностей рабочихъ той или иной фабрики. Агитація должна была вестись путемъ печатанія и разбрасыванія по фабрикамъ листковъ съ изложеніемъ положенія рабочихъ той или иной фабрики и съ ихъ требованіями опредѣленныхъ перемѣнъ. Листки съ изложеніемъ положенія дѣлъ и требованій торнтоновскихъ рабочихъ были разбросаны по мастерскимъ и корпусамъ фабрики и произвели огромное впечатлѣніе на рабочихъ" (стр. 19).

На ряду съ Союзомъ Борьбы въ это время работала въ Петербургѣ группа „молодыхъ". Она возникла отдѣльно не потому, чтобы у нея были принципіальныя разногласія со старой группой, а единственно въ силу условій работы. Рабочихъ кружковъ было мало, увеличить ихъ число было дѣломъ не легкимъ, и поэтому даже старые члены первой группы не всѣ были заняты. Нѣкоторымъ приходилось ждать очереди. Между тѣмъ среди студентовъ было уже довольно много соціалдемократовъ, желавшихъ вести революціонную работу, и такъ какъ „старики" не давали имъ ея, они ее искали сами.

„Я познакомился случайно съ однимъ рабочимъ осенью 94 г. — говорилъ мнѣ одинъ изъ „молодыхъ" — и началъ съ нимъ ходить къ другимъ рабочимъ. Я пытался устроить кружокъ, но это не удавалось; больше трехъ разъ никто изъ рабочихъ не приходилъ на бесѣды".

Дѣло „молодыхъ" наладилось только лѣтомъ 95 года, когда, вслѣдствіе отъѣзда на каникулы „старыхъ", кружковые рабочіе прибѣгли къ помощи „молодыхъ". Скоро обѣ группы „старыхъ" и „молодыхъ" встрѣтились въ рабочихъ кружкахъ. Старики во всемъ выступали какъ люди руководящіеся сложившимися правилами; „молодые", наоборотъ, пытались чисто опытнымъ путемъ выработать новую тактину, которая позволила бы имъ стать

выразителями и руководителями рабочихъ. Поэтому и прокламаціи „молодыхъ“*) не нравились „старымъ“.

Лѣтомъ 95 года, по поводу стачки въ Порту, „молодые“ составили прокламацію ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ, начинавшуюся словами: „Рабочіе! На Галерномъ островкѣ стачка“. Въ ней развивалась мысль, что всѣ рабочіе должны поддержать сборами товарищей въ Порту, потому что побѣда на Галерномъ островкѣ будетъ побѣдой рабочаго класса. Указывалось на необходимость организаціи рабочихъ для борьбы съ капиталистами. Обрисовавъ тяжелое положеніе рабочихъ и указавъ на организованность промышленниковъ, прокламація оканчивалась такъ: „на синдикаты предпринимателей мы отвѣтимъ своими синдикатами“.

Рукопись была передана для напечатанія на миміографѣ „старикамъ“, но тѣ нашли ее неудачной: „Эта прокламація переведена изъ Vorwärts'а — отвѣтили они — и не примѣнима къ русскимъ условіямъ. Прокламаціи надо писать по поводу конкретныхъ событій и условій работы, а о синдикатахъ въ Россіи еще нечего говорить“. **) „Молодые“ однако отпечатали ее на гектографѣ, переписавъ рукою, и она имѣла большой успѣхъ, хотя была изготовлена только въ 70 экземплярахъ.

Въ другой прокламаціи, на шпалерной фабрикѣ, ***) хотя и говорится только о мѣстныхъ дѣлахъ, но указывается, что „нашъ фабрикантъ служитъ намъ нагляднымъ примѣромъ отношенія капиталистовъ къ рабочимъ“. Далѣе говорилось: „Мы должны выставить на первый разъ такія требованія, добиться которыхъ мы сумѣемъ; мы должны испытать свои силы. Стачка не принесетъ намъ золотыхъ горъ, но она укрѣпитъ въ насъ чувство единодушія и тѣснѣе соединитъ насъ для борьбы съ врагомъ“.

Эта прокламація была тоже признана „стариками“ неудачной: „Вы обливаете холодной водою надежды рабочихъ, призывая ихъ къ стачкѣ“.

И въ организаціонныхъ вопросахъ происходили споры. Въ ноябрѣ 95 г. у „молодыхъ“ составился кружокъ модельщиковъ. Модельщики являются самыми интеллигентными рабочими, они всѣ знаютъ другъ друга и разсѣяны по всѣмъ механическимъ заводамъ. Поэтому, при помощи организаціи модельщиковъ можно было получить доступъ на всѣ заводы. Но „старики“ находили типъ профессіональной организаціи рабочихъ буржуазнымъ.

Однако „молодые“ постепенно освоились съ тактикой чисто экономической агитаціи, ихъ прокламаціи въ ноябрѣ 95 года на Путиловскій заводъ были уже чисто экономическими. Въ это время

*) Прокламаціи этой группы выходили безъ всякой подписи.

**) Подлинника этой прокламаціи у меня нѣтъ; я записалъ все вышеприведенное со словъ ея автора, товарища М.

***) Она имѣлась въ архивѣ Союза.

представлялось возможнымъ объединить обѣ группы, если бы не недовѣріе Союза къ одному изъ молодыхъ, Н. Н. Михайлову, впослѣдствіи, дѣйствительно, оказавшемуся провокаторомъ.

* * *

Я подробнѣе остановлюсь на группахъ 95 г. потому, во-первыхъ, что о нихъ имѣется очень мало данныхъ въ литературѣ, и, во-вторыхъ, потому, что этотъ періодъ возникновенія и развитія экономизма совершенно ошибочно выставляется Ленинымъ, въ его книжкѣ „Что дѣлать", какъ нѣчто діаметрально противоложное экономизму.

Для экономизма характерны два признака: 1) отсутствіе въ прокламаціяхъ указаній на то, что рабочимъ необходимо бороться не только противъ капиталистовъ, но и противъ правительства. Рабочіе призывались бороться съ хозяевами, *несмотря* на поддержку послѣднихъ правительствомъ. 2) Возникновеніе *параллельно* съ заговорщицкой организаціей революціонеровъ чисто экономическихъ организацій рабочихъ. Первый признакъ явственно виденъ въ дѣятельности обѣихъ группъ 95-го года, второй едва намѣчается.

По поводу этого моего опредѣленія мнѣ писалъ товарищъ Т. слѣдующее: „Что за странное противоположеніе заговорщицкой организаціи чисто экономической. Что подразумѣваете Вы подъ чисто экономической и очевидно не заговорщицкой организаціей рабочихъ? Я берусь утверждать, что таковыхъ прямо не существовало. Кое кто изъ насъ противополагалъ чисто интеллигентской центральной организаціи Союза желаемую нами чисто рабочую организацію Союза же. Я утверждаю, что мы не знали ни чисто политической заговорщицкой организаціи Союза, ни чисто экономической, незаговорщицкой организаціи рабочихъ. Рабочая организація была по необходимости нашихъ политическихъ условій организаціей тайной и, слѣдовательно заговорщицкой и занималась далеко не одною экономикой, ибо деньги рабочей кассы, въ большинствѣ случаевъ, шли и на политическую литературу и на помощь политическимъ арестованнымъ товарищамъ".

Дѣйствительно, въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, не дѣлалось такого разграниченія и дѣло представлялось такъ, что борьба идетъ между рабочими и интеллигентами изъ за мѣстъ въ „Союзѣ". Но такое объясненіе внутри-партійной борьбы въ 95-мъ году также поверхностно, какъ объясненіе т. Ленина современной намъ борьбы борьбою изъ за мѣстъ въ Ц. К. и Ц. О. Если люди борятся изъ за мѣстъ, то не потому, что имъ хочется занять эти мѣста, или по крайней мѣрѣ не только потому. Борющіеся полагаютъ, что они различно будутъ вести дѣло, если будутъ руководить имъ. За борьбою личностей необходимо увидѣть борьбу принциповъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ хотя у рабочихъ кассъ и у Союза Борьбы былъ общій признакъ—именно они были всѣ тайными—всеже необходимо отличать ихъ по тѣмъ цѣлямъ, которыя

они себѣ ставили и по тѣмъ методамъ борьбы которые они принимали. Кассы имѣли единственною цѣлью своей—экономическую борьбу, они помогали товарищамъ пострадавшимъ въ *этой* борьбѣ, они покупали запрещенныя книжки для пропаганды *этой* борьбы. Съ точки зрѣнія правительства все это было политическимъ преступленіемъ; это и на самомъ дѣлѣ имѣло огромное значеніе для дѣла политической свободы и для дѣла соціализма. Но этого значенія не сознавали сами участники кассъ или — нѣкоторые изъ нихъ, очень немногіе — сознавали смутно и считали свои тайныя организаціи лишь органами экономической борьбы рабочаго класса Въ этомъ смыслѣ объясняли имъ значеніе ихъ борьбы и прокламаціи. *)

У Союза Борьбы была своя особая, болѣе широкая цѣль, для которой вся эконом. борьба рабочихъ была лишь средствомъ: создавая и поддерживая рабочія кассы, Союзъ имѣлъ въ виду не ихъ непосредственные результаты, а ихъ значеніе въ дѣлѣ развитія классовой борьбы пролетарьята. Но свою цѣль — ниспроверженіе существующаго порядка — Союзъ не высказывалъ ни въ прокламаціяхъ ни на собраніяхъ кассъ. Это придавало Союзу Борьбы характеръ заговорщицкой организаціи желавшей опираться на рабочія массы **), это отличало его отъ организацій массъ, отъ стачечныхъ кассъ.

И это усложненіе типа революціонной организаціи, эта дифференціація соціалдемократическихъ группъ является не только типичной для стадіи экономизма, но и обусловливающей второй ея признакъ, отсутствіе политическихъ заявленій въ прокламаціяхъ.

*) См. „Что такое соціалисты? Соціалисты это тѣ люди, которые стремятся къ освобожденію угнетеннаго народа изъ подъ ярма капиталистовъ хозяевъ." См. также и написанный Ленинымъ „Отвѣтъ царскому правительству", тамъ сказано между прочимъ „Соціалистическій—поддерживающій рабочихъ въ борьбѣ съ капиталомъ". — Т. Троцкій говоритъ въ „Задачахъ" (стр. 22), что „если теоретики и публицисты „экономизма" безпощадно урѣзывали соціалистическое знамя, то группа „Зари" и „Искры" въ такомъ грѣхѣ противъ духа святого совершенно неповинна". Т. Троцкій забылъ только добавить, что „теоретики и публицисты экономизма" и члены „группы Зари и Искры"—это одни и тѣ же лица на разныхъ стадіяхъ ихъ развитія. Онъ это забылъ вѣроятно потому, что самъ онъ принадлежитъ къ числу этихъ лицъ, какъ авторъ ультра-экономическаго отчета изъ Николаева съ одной стороны и какъ публицистъ Искры съ другой.

**) См. Ленина „Что дѣлать", стр. 81: „Теперь русскій революціонеръ, опираясь на стихійно пробуждающійся классъ, можетъ наконецъ—наконецъ!—выпрямиться во весь свой ростъ, и развернуть всѣ свои богатырскія силы". См. также его „Шагъ впередъ..." стр. 140: „Якобинецъ неразрывно связанный съ организаціей пролетарьята и есть революціонный соц. демократъ".

Т. Плехановъ, а затѣмъ т. Ленинъ, относятъ возникновеніе „экономизма“ къ 97-мъ году. Ленинъ ставитъ „экономистамъ“ въ образецъ Союзъ Борьбы 95-го года. Между тѣмъ начало „экономизма“ положила дѣятельность именно Союза Борьбы 95-го года. 97-ой годъ, какъ мы увидимъ позднѣе, былъ, наоборотъ, годомъ конца стадіи экономизма.

Въ брошюрѣ Шиппеля „О профессіональныхъ союзахъ“ т. Кольцовъ дѣлаетъ, на стр. IX, слѣдующее примѣчаніе „для читателей двадцать перваго вѣка“: „Въ лѣто отъ Рождества Христова 1901 „экономистами“ (въ кавычкахъ) назывались не тѣ, которые занимались изученіемъ экономическихъ наукъ, а тѣ, которые утверждали, что рабочіе не должны преслѣдовать другихъ цѣлей, кромѣ экономическихъ.“

Это примѣчаніе есть искаженіе исторической истины въ полемическихъ цѣляхъ. Въ Россіи совершенно никогда не было такихъ соціалдемократовъ, которые отрицали бы необходимость политической борьбы; даже самый крайній органъ такъ называемаго экономизма, „Рабочая Мысль“, никогда не отрицалъ въ принципѣ политической борьбы рабочаго класса. Ссылаются обыкновенно на знаменитое Credo. Авторъ „Credo“ былъ крайнимъ политикомъ; высказывая увѣренность, что рабочій классъ не въ силахъ низвергнуть самодержавіе, онъ призывалъ соціалистовъ примкнуть въ дѣлѣ ихъ борьбы съ самодержавіемъ не къ рабочему классу, а къ „интеллигенціи“. Но это Credo двухъ лицъ не встрѣтило сочувствія ни въ одной соціалдемократической группѣ, и не только не было выраженіемъ, но явилось противоположеніемъ тенденціямъ „экономистовъ“, требовавшихъ отъ соціалдемократовъ отдаться цѣликомъ и исключительно рабочему дѣлу и видѣвшихъ въ пролетарской борьбѣ исчерпывающее значеніе*).

---

*) Такъ какъ „Искра“ совершенно исказила историческую оцѣнку Credo, то будетъ не безполезно здѣсь отмѣтить его исторію. Нѣсколько частныхъ лицъ, (кажется, четыре) случайно сошлись въ редакціи одного петербургскаго журнала. Въ разговорѣ нѣкто N., высказалъ мысль, которую я выше привелъ. Присутствующіе нашли эту мысль ошибочной и просили говорившаго формулировать ее письменно, что тотъ и исполнилъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей по партіи, въ руки котораго попала эта запись, снабдилъ ее громкимъ именемъ Credo и послалъ своимъ знакомымъ. Тѣ, собравшись въ числѣ 17-ти, рѣзко раскритиковали это Credo и послали свою критику для напечатанія въ Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ за-границею. Рабочее Дѣло, напечатавъ эту критику-протестъ, присоединило и свои слова протеста. Авторъ Credo никогда ни къ одной дѣйствующей въ Россіи соціалдемократической организаціи не принадлежалъ. Онъ—бывшій народоправецъ. Правда, онъ былъ одно время членомъ *стараго* Союза за-границею и, слѣдовательно, былъ принятъ въ соціалдемократическую организацію Группою Освобожденія Труда. Но къ мо-

Если же „экономистами“ называть соціалдемократовъ, считавшихъ необходимымъ въ теченіе нѣкотораго времени по тактическимъ соображеніямъ не говорить въ *прокламаціяхъ* о политическихъ задачахъ пролетарьята, то первыми „экономистами“ и единственными дѣйствительными „экономистами“ были именно члены Союза Борьбы 1895-го года, впослѣдствіи рѣзкіе обличители экономизма, основатели газеты „Искра“.

И если члены будущей группы Искра сами являлись въ то время теоретиками и практиками „экономизма“, то и Группа Освобожденія Труда — считавшая ихъ дѣятельность неудовлетворительной—однако не только не рѣшалась указать въ печати на ихъ ошибки, но напротивъ одобряла ихъ. Въ заключеніе къ брошюрѣ: „Десятилѣтіе Морозовской Стачки“ В. И. Засуличъ писала: „Осенью 1895-го года основался „Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ и уже зимой рабочій вопросъ стоялъ передъ правительствомъ во весь ростъ, а въ началѣ лѣта 1896 г. о русскомъ рабочемъ движеніи заговорилъ весь міръ. И что же дѣлалъ въ началѣ этотъ Союзъ Борьбы? Онъ записывалъ подъ диктовку рабочихъ всякія подробности злоупотребленій со стороны хозяевъ, всякія злыя хитрости и обманы насчетъ расцѣнокъ, вычетовъ, браковки, растягиванія безъ конца рабочаго дня, — печаталъ это все въ своихъ листкахъ и распространялъ среди рабочихъ, приглашая ихъ защищаться отъ такихъ фабричныхъ порядковъ, которыхъ не могъ бы не признать дурными и самъ Государственный Совѣтъ.“

Такимъ образомъ В. И. Засуличъ видѣла, что Союзъ Борьбы ограничивался агитаціей лишь экономической. Но въ докладѣ Лондонскому Международному Конгрессу 1896 г. русская делегація заявила, что „Союзъ Борьбы не упускалъ случая дискредитировать въ глазахъ рабочаго царское правительство.“ (стр. 10) Этого, какъ я покажу выписками изъ прокламацій, не было, и составители доклада здѣсь пріукрасили дѣйствительность. Это было не хорошо съ ихъ стороны, но это показываетъ, что самихъ ихъ эта дѣйствительность неудовлетворяла. Но они этого не говорили въ слухъ, очевидно, „по дипломатическимъ соображеніямъ“.

Позже я докажу, что тенденціи Рабочей Мысли были шире тенденцій Союза Борьбы 1895 г. Теперь же я утверждаю, что ни въ одной прокламаціи Союза Борьбы 95-го года не было политическихъ тенденцій.

Въ прокламаціи у Торнтона 10-го ноября ничего не говорится ни о правительствѣ, ни даже о „начальствѣ“; въ прокламаціи „Ко всѣмъ С. П. Б. рабочимъ“ въ ноябрѣ 95-го года говорится о „начальствѣ въ лицѣ фабричнаго инспектора“ и о томъ, что „власти“ прислали батальонъ солдатъ къ фабрикѣ Торнтона;

лодому Союзу никакого отношенія не имѣлъ и даже не присутствовалъ на съѣздѣ, гдѣ былъ основанъ этотъ Союзъ. Поэтому только тенденціозные критики „экономизма“ могли поставить Credo ему на счетъ.

„Господинъ генералъ фонъ-Валь позволилъ себѣ укорять работницъ“; въ прокламаціи на фабрику Лебедева говорилось, что „правительство“ помогаетъ хозяевамъ держать рабочихъ въ подчиненіи; это — изданія „старыхъ“. У „молодыхъ“ было сказано въ прокламаціи на фабрику „механическаго производства обуви“, что „правительство подъ одной шапкой съ хозяевами“. Вотъ всѣ политическіе намеки тогдашнихъ прокламацій. Но ни „старые“, ни „молодые“ не указывали на то, что рабочимъ, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, придется бороться и *противъ правительства.*

По поводу арестовъ съ 8 на 9 декабря была выпущена прокламація Союза Борьбы экономическаго направленія. Она приведена у Петербуржца на стр. 22.

Въ высшей степени любопытна еще одна прокламація, подписанная Союзомъ Борьбы. По обыкновенію обѣихъ тогдашнихъ группъ на ней нѣтъ даты. Если не ошибаюсь, она написана однимъ рабочимъ и выпущена 1-го января 1896 г. Она озаглавлена такъ: „Что такое соціалистъ и политическій преступникъ“. Казалось бы, что невозможно въ такой прокламаціи скрыть свои политическія тенденціи, а, между тѣмъ, это типично „экономическая“ прокламація! „Насъ грабитъ хозяинъ — сказано тамъ — сторону котораго держитъ правительство. Соціалисты это тѣ люди, которые стремятся къ освобожденію угнетеннаго народа изъ подъ ярма капиталистовъ хозяевъ. Называютъ же ихъ политическими преступниками потому, что они идутъ противъ цѣлей нашего варварскаго правительства, которое защищаетъ интересы фабрикантовъ.“ Боритесь съ хозяевами не смотря на то, что имъ помогаетъ правительство, — вотъ лозунгъ экономизма!

Ленинъ приводитъ въ „Что дѣлать“ заглавія статей изъ оставшагося неизданнымъ № 1 журнала Союза Борьбы 95-го года для доказательства политическаго характера дѣятельности Союза. Рукопись этого журнала „можетъ быть лѣтъ черезъ тридцать извлечетъ какая-нибудь „Русская Старина“ изъ архивовъ департамента полиціи“, добавляетъ онъ. Тогда только можно будетъ судить объ этихъ статьяхъ; заглавія не говорятъ ничего объ ихъ содержаніи, потому что Союзъ Борьбы 95-го года даже понятія „соціалистъ“ и „политическій преступникъ“ находилъ нужнымъ объяснять, не указывая на политическія задачи русскаго пролетарьята. Во всякомъ случаѣ останется фактъ, что въ тѣхъ изданіяхъ, которыя Союзъ успѣлъ выпустить, онъ не касался политическихъ задачъ рабочаго класса.

* * *

Въ ночь съ 8-го на 9-е декабря 1895 г. произошли аресты членовъ обѣихъ группъ. Аресты продолжались весь декабрь и январь 96-го года и частью въ февралѣ. Союзъ Борьбы пострадалъ особенно сильно, потому что его членовъ забрали сразу,

хотя и не всѣхъ, аресты же „молодыхъ" растянулись и тѣхъ, кого взяли позже, успѣли передать дѣло вновь привлеченнымъ лицамъ. Поэтому работа съ января 96 г. легла преимущественно на группу „молодыхъ". Связи были на Алекс. заводѣ, у Паля, Семянникова, въ Варшавск. маст., Валынковской мануфакт., у Кенига, на Россійской Резиновой, на фабрикѣ механич. производства обуви, на Путиловскомъ зав., у Берта на Пряжкѣ, на Балтійск. зав., въ Порту, на Шпалерной фабрикѣ. Словомъ у группы „молодыхъ" было гораздо больше связей съ рабочими, чѣмъ у Союза. Поэтому Союзъ сдѣлалъ попытку соглашенія. Вопросъ этотъ обсуждали два делегата отъ одной группы и два отъ другой. Союзъ указывалъ на то, что прокламаціи молодыхъ написаны слабо, и требовалъ, чтобы редактированіе ихъ было передано ему, тѣмъ больше, что у него хорошо поставлена техника; но на это не соглашались молодые. Съ своей стороны они требовали, чтобы, въ случаѣ соглашенія, было избрано новое имя для организаціи; на это не соглашался Союзъ, указывая на то, что имя его уже пріобрѣло популярность. Соглашеніе поэтому тогда не произошло. Но черезъ два мѣсяца событія заставили всѣхъ работавшихъ въ СПБ. соціалдемократовъ дѣйствовать сообща; это объединило ихъ и съ осени они выступили какъ единая организація, принявшая старое имя Союза Борьбы. Весною 96 г. кромѣ двухъ группъ, о которыхъ шла рѣчь, дѣйствовала также группа, ведшая свое происхожденіе отъ группы рабочихъ Невскаго завода и имѣвшая большое вліяніе и еще одна организація создавшаяся около одной воскресной школы. Обѣ онѣ тоже примкнули къ Союзу Борьбы.

Я не буду описывать событій лѣта 96 г. и январскихъ 97 г. Они, хотя и кратко, но обстоятельно описаны у Петербуржца и представляютъ собою очень умѣлое проведеніе въ жизнь тѣхъ самыхъ тактическихъ и организаціонныхъ принциповъ, которые уже вполнѣ опредѣлились въ 95 г.

Отмѣчу только, что по поводу циркуляра Витте 15 іюня 96 г. Союзъ выпустилъ отвѣтъ министру финансовъ, опять таки чисто экономическій, хотя только что передъ тѣмъ было издано воззваніе къ обществу, политическаго характера; обществу указывалось политическое значеніе борьбы рабочихъ и оно приглашалось помочь этой борьбѣ. Позже, въ ноябрѣ, Союзу была передана прокламація, написанная Ленинымъ въ тюрьмѣ: „Царскому правительству". Она была издана. Это замѣчательно интересный документъ. Въ немъ очень обстоятельно и рѣзко говорится о правительствѣ, доказывается, что правительство всегда стоитъ противъ рабочихъ и на сторонѣ капиталистовъ. Но не только не указывается никакихъ политическихъ задачъ и тѣмъ болѣе задачи низверженія этого правительства, но даже вообще не сказано, что рабочимъ надо, или будетъ надо бороться и *противъ* правительства.

Напротивъ, указывая на задачи экономической борьбы, авторъ, отмѣчаетъ, что этимъ уже рабочіе борются и съ правительствомъ- „какъ это показало само правительство, выступивъ противъ рабочихъ: это только и констатировали соціалисты въ своихъ

листкахъ“. И изъ листковъ, на которые ссылается авторъ этой прокламаціи, видно, что соціалисты не призывали рабочихъ къ борьбѣ противъ правительства и лишь констатировали трудность борьбы рабочихъ благодаря поддержкѣ, которую оказываетъ правительство хозяевамъ. Все это дѣлала и Рабочая Мысль, но она кромѣ того дѣлала и нѣчто большее, какъ это я покажу позже.

Какъ видно изъ всего изложеннаго, первый признакъ, характеризующій на мой взглядъ стадію экономизма, указаніе въ прокламаціяхъ лишь на борьбу за экономическіе интересы рабочихъ съ удивительною выдержанностью сохранялся въ изданіяхъ соціалдемократовъ 1895—97 гг. Обратимся ко второму признаку этой стадіи къ факту возникновенія экономическихъ организацій рабочихъ. И въ Петербургѣ, какъ и въ Западномъ Краѣ, созданные организаціей революціонеровъ организаціи рабочихъ брали на себя только часть работы соціалдемократовъ, и потому рядомъ съ ними, но независимо отъ нихъ, должна была существовать заговорщицкая организація революціонеровъ; она и существовала.

Возникновеніе рабочихъ организацій дало поводъ Петербуржцу назвать весь періодъ 96-97 гг. „организаціоннымъ.“ Но организаціонныя попытки рабочихъ 96 г. были лишь первыми шагами. Изъ документовъ, опубликованныхъ Петербуржцемъ, именно видно, что мечты „организаторовъ“ не летѣли дальше Петербурга и касались только экономической борьбы. Точь-въ-точь какъ въ Западномъ краѣ въ соотвѣтственный періодъ развитія движенія.

Организаціонныя требованія рабочихъ въ высшей степени характерны именно для этой стадіи движенія: рабочіе не требовали, чтобы имъ было передано веденіе всѣхъ дѣлъ соціалдемо кратической организаціи, какъ это произошло въ СПБ. въ 1901 г. и какъ это произошло на соотвѣтственной стадіи развитія движенія повсюду; нѣтъ, они знали о существованіи центральной организаціи революціонеровъ и охотно предоставляли ей центральныя функціи; но организаціи руководящія непосредственно экономической борьбой они желали построить по демократическому принципу*).

„Въ самомъ Союзѣ — пишетъ Петербуржецъ — велись споры о томъ, чтобы допустить рабочихъ въ центральную организацію. Споры относительно лучшей постановки организаціоннаго дѣла Союза и допущенія рабочихъ къ дѣятельному участію въ его организаціи кончились тѣмъ, что въ концѣ февраля 1897 г. было рѣшено принять въ центральную группу Союза двухъ рабочихъ, представителей агитаціонной группы или, какъ еще называли эту группу, рабочаго комитета. Но не успѣла центральная группа Союза собраться на общее собраніе въ новомъ составѣ, какъ произошелъ провалъ, унесшій съ собою (въ мартѣ 97 г.) изъ Союза всѣхъ

---

*) См. интересные документы, опубликованные въ брошюрѣ Петербуржца стр. 65 и слѣд., а для Москвы Работникъ № 3—4

сторонниковъ участія рабочихъ въ его внутренней организаціи. Все пошло по старому, силы Союза на время ослабѣли, участіе рабочихъ въ центральной группѣ Союза на время сдѣлалось недоступнымъ и было осуществлено лишь въ позднѣйшее время.“

* * *

Говоря о событіяхъ 96 г. въ Петербургѣ, необходимо упомянуть о „группѣ 4-го листка“.

13-го іюля на Лахтѣ была взята типографія Народовольцевъ. Дѣятельность ея показываетъ, какъ въ теченіе 90-хъ годовъ соціалдемократія захватывала всѣ активные и революціонные элементы русскаго соціалистическаго движенія.

Типографія эта, уцѣлѣвшая отъ разгрома 19 апрѣля 94 года принадлежала Народовольческой группѣ М. С. Александрова и была передана вновь организованной группѣ Народовольцевъ докторомъ Фейтомъ, который въ это время продолжалъ переговоры, начатые передъ разгромомъ 19 апрѣля о соединеніи группы Народовольцевъ съ группой Народоправцевъ. Листокъ, выпущенный новой группой былъ помѣченъ № 3, какъ продолженіе первыхъ двухъ, но онъ встревожилъ Народовольцевъ своимъ новымъ направленіемъ. Рядъ брошюръ, изданныхъ послѣ этого, рѣзко отличается отъ изданій старой группы и носитъ соціалдемократическій характеръ. Этими брошюрами группа оказала неоцѣнимыя услуги рабочему движенію.

Наконецъ весною 96 года вышелъ № 4 Листка подъ редакціей Бѣлевскаго. Онъ произвелъ громадное впечатлѣніе по всей Россіи, по всей Сибири до Якутки включительно. Онъ явно склонялся къ соціалдемократическимъ принципамъ. Кіевская группа Народовольцевъ послѣ него прекратила свои сношенія съ „группой 4-го листка“, какъ всѣ стали называть петербургскую группу Народовольцевъ. Въ Петербургѣ былъ выпущенъ протестъ народовольцевъ противъ 4-го листка, но онъ своимъ содержаніемъ и своимъ видомъ точно имѣлъ цѣлью засвидѣтельствовать пораженіе старыхъ идей. Неразборчиво написанный на листкѣ писчей бумаги, сложенномъ въ восьмеро, скопированный на гектографѣ, онъ боролся противъ технически великолѣпно выполненнаго изданія и негодуя на новыя идеи, провозглашенныя подъ народовольческимъ знаменемъ, самъ не пытался внести поправку въ осужденную жизнью старую программу. Насколько помнится, это было послѣднее народовольческое изданіе.

Захваченная волною движенія 96 г., „группа 4-го листка“ издала печатную прокламацію къ рабочимъ, произведшую фуроръ. Рабочіе подсмѣивались надъ писаннымъ объявленіемъ градоначальника: «наши прокламаціи — печатныя».

Групна предлагала немедленно созвать съѣздъ соціалдемократическихъ организацій въ Россіи, сорганизоваться въ партію и передать въ ея [illegible] типографію. Разгромъ помѣшалъ этому

Восемеро товарищей получили по 2 года одиночнаго заключенія и по 8 лѣтъ ссылки. Нѣсколько десятковъ другихъ отправлены въ Сибирь на разные сроки. Ихъ предалъ провокаторъ М. И. Гуровичъ.

Союзъ Борьбы тоже понесъ тяжелыя потери лѣтомъ 96 года. Послѣ январскихъ стачекъ 97 года онъ былъ снова разгромленъ 21 марта, когда была взята также типографія на Сергіевской улицѣ, только что поставленная и имѣвшая цѣлью обслуживать Союзъ. На лѣто наступило затишье.

III

Затишье, наступившее лѣтомъ 97 года, конечно, было только на поверхости общественной жизни. Въ глубинѣ ея, напротивъ, шла упорная работа мысли, готовившая новую фазу въ развитіи соціалдемократическаго движенія въ Петербургѣ. Въ этой новой фазѣ чисто рабочее движеніе выдвигало требованія общественныхъ правъ и нуждалось въ демократической организаціи. Но во главѣ ослабленнаго разгромами Союза, формально стояли не тѣ товарищи, которые руководили борьбою 96-го и начала 97-го года, а „старики", члены Союза Борьбы 95-го года. Тогда они сами вступили на путь экономической агитаціи, но теперь то самое пролетарское движеніе, которое они стремились вызвать, заставляло ихъ принять лозунги борьбы, которые не могли ихъ удовлетворить. „Старики", не хотѣли считаться со вновь возникшими запросами рабочаго движенія; поэтому новыя задачи неизбѣжно должны были вызвать къ жизни другія организаціи; такъ и случилось. Появилось нѣсколько маленькихъ группъ, которыя начали работать на свой рискъ и страхъ, мотивируя это тѣмъ, что участіе въ Союзѣ создаетъ лишь помѣхи для работы. Союзъ потерялъ почти всѣ связи въ рабочей средѣ.

Петербургское движеніе расло въ ширь и въ глубь такъ быстро, что неизбѣжно должна была создаться дифференціація различныхъ элементовъ, затронутыхъ пропагандою: для широкихъ слоевъ пролетарьята, едва вовлеченныхъ въ движеніе, необходимо было придерживаться тактики агитаціи на почвѣ повседневныхъ экономическихъ интересовъ и это дѣлала съ большимъ успѣхомъ Рабочая Мысль, задавшаяся цѣлью быть ничѣмъ инымъ какъ отпечаткомъ мысли широкихъ слоевъ рабочихъ. Но для небольшого слоя рабочихъ, уже достаточно воспитанныхъ многолѣтней борьбой, выдвигались сами собой уже болѣе широкія задачи; на ихъ запросы надо было тоже отвѣтить и это брала на себя группа Рабочаго Знамени.

Если бы Союзъ Борьбы былъ достаточно силенъ и понялъ свои задачи осенью 97-го года онъ „считался бы съ уровнемъ развитія различныхъ слоевъ пролетарьята". Но въ Союзѣ Борьбы даже среди „молодыхъ" въ это время не было полнаго единства, онъ не могъ объединить въ своихъ рукахъ работу во всѣхъ слояхъ и

потому два крайніе слоя выдвинули выразителей своихъ собственныхъ запросовъ.

Но этотъ фактъ знаменуетъ собой не возникновеніе „экономическаго теченія“, а какъ разъ наоборотъ, я это докажу: возникновеніе болѣе широкихъ общественно-правовыхъ тенденцій въ широкихъ слояхъ до тѣхъ поръ однороднаго пролетарскаго движенія. Аресты 21 марта 97 года могутъ служить датою перехода одной фазы движенія въ другую, и я постараюсь прежде всего намѣтить дальнѣйшій ходъ организаціонныхъ событій.

* * *

Уже лѣтомъ сложилась группа рабочихъ „Рабочая Мысль“, выпустившая въ октябрѣ первый номеръ своей газеты. Осенью же образовалась „группа технологовъ“, вышедшихъ изъ Союза; она вступила въ сношенія съ бѣлостокской группой „Рабочихъ Революціонеровъ“ — оппозиціей Бунда, и послѣ этого назвалась группой Рабочаго Знамени. Группа Рабочихъ Революціонеровъ издала къ этому времени брошюру „Задачи Рабочей Партіи“, переизданную въ 1903 году т. Куклинымъ и разсказъ „Шпіонъ“. Весною 98 года вышелъ „Боевой кличъ“ — оттискъ изъ 1-го номера „Рабочаго Знамени“, а въ іюнѣ и самый номеръ газеты. И группа Рабочей Мысли и группа Рабочаго Знамени пытались сойтись съ Союзомъ, но это не удалось именно потому, что старые члены Союза не поняли новыхъ задачъ организаціи и не хотѣли терпѣть тѣхъ тенденцій, которыя выставлялись Рабочей Мыслью съ одной стороны и Рабочимъ Знаменемъ съ другой. Между тѣмъ въ Союзѣ было не мало молодыхъ силъ, которыя тоже не мирились со старыми его членами, и въ руки именно этихъ молодыхъ скоро перешла вся работа Союза. Такимъ образомъ осенью 97 года въ СПБ. выступили три самостоятельныя группы, и затишье 97-го года окончилось съ наступленіемъ 98-го.

Въ это время главная работа велась „молодыми“ Союза. Они распадались на двѣ группы — назову ихъ А и Б, которыя обѣ не ладили со „стариками“.

Группа А имѣла связи главнымъ образомъ на Александровскомъ заводѣ, у Паля и вообще на Шлиссельбургскомъ тракту; группа Б. въ Колпинѣ, въ Порту, въ Екатерингофской и Самсоніевской мануфактурахъ и у Гука. Прокламаціи обѣихъ группъ выходили за подписью Союза.

19-го апрѣля повсюду въ Петербургѣ, гдѣ только были связи, были распространены въ большомъ количествѣ майскіе листки, „Сонъ подъ первое мая“ и „Стачка лжи“ — изданія заграничнаго Союза. На Галерномъ островкѣ — въ Порту — 1-го мая была вызвана забастовка.

Рабочіе собрались на заводѣ, но черезъ часъ-два бросили работу; произошли бурныя объясненія съ начальствомъ, рабочіе сами дали свистокъ, хлынули огромной толпой на улицу, и направились къ Новому Адмиралтейству, чтобы и тамъ вызвать

стачку. Новое Адмиралтейство приняло видъ осажденной крѣпости: подъемный мостъ былъ поднятъ, ворота заперты, у воротъ стояли портовыя власти. Такимъ образомъ пріостановить работу въ Н. Адмиралтействѣ не удалось. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій съ начальствомъ толпа разошлась по домамъ. Черезъ нѣсколько дней двое рабочихъ были уволены и арестованы, и на рабочихъ нѣкоторыхъ мастерскихъ наложенъ штрафъ за прогулъ 1 мая. Ко дню получки Союзъ выпустилъ большой листокъ, почти брошюрку, по поводу увольненія двухъ рабочихъ и вообще о положеніи рабочихъ въ Порту; подробно выяснялась сложная и запутанная система расплаты, имѣвшая цѣлью пониженіе заработка рабочихъ, система разсчета сверхъ-урочныхъ работъ, страшная эксплуатація на казенныхъ заводахъ.

Прокламація начиналась словами: „Въ мутной водѣ, говорятъ, хорошо рыба ловится!“ Затѣмъ разъяснялось, что бѣды рабочихъ происходятъ отъ того, что они не понимаютъ ясно, кто ихъ врагъ, выяснялась противоположность интересовъ пролетарьята и буржуазіи, говорилось, что буржуазія опирается на силу „шпіоновъ, войска и жандармовъ“, но, что пролетарьятъ *не смотря на это* долженъ вести свою борьбу съ хозяевами. *)

Прокламація вызвала сильное броженіе, готова была вспыхнуть стачка, но начальство предупредило ее отмѣнивъ штрафы и открыто приступивъ къ изслѣдованію злоупотребленій, указанныхъ въ листкѣ.

У Гука прокламація тоже вызвала забастовку. Броженіе давно уже подготовляло ее. **) Рабочіе отправились въ контору и добились удовлетворенія главнаго требованія. Собственно, предполагалось стачку вызвать тотчасъ послѣ прокламаціи, но, какъ только она была распространена, явилась масса полиціи и жандармовъ. „Имѣя на рукахъ прокламаціи — разсказываетъ одинъ рабочій — мы не рѣшились продолжать агитацію и притихли“. Черезъ два дня полиція была уведена и рабочіе отправились въ контору. Они добились установленія минимума, наименьшаго предѣла заработной платы. Это, кажется, единственный случай требованія минимума заработной платы у ткачей. Черезъ недѣлю

---

*) „Мы, рабочіе, открыто передъ лицомъ всѣхъ братски протягиваемъ другъ другу руки и говоримъ вамъ: „идемъ на васъ“... Вы же трусливо прячетесь за спины шпіоновъ, войска, жандармовъ — вашихъ вѣрныхъ слугъ... Смотрите, всюду колышется рабочее море, его волны поднимаются все выше и выше... Вашему царству настанетъ конецъ, — царству зла, мрака, нищеты и насилія... Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! Пойдемъ на чистоту! Мы требуемъ: 1) возвращенія уволенныхъ товарищей, 2) отмѣны штрафа за 1 мая...“ затѣмъ слѣдовалъ рядъ другихъ экономическихъ требованій. (Записано со словъ товарища Л.)

**) См. въ 9—10 Листка Работника описаніе борьбы рабочихъ Гука за празднованіе 2 февраля.

такимъ же способомъ они добились исполненія всѣхъ другихъ требованій прокламаціи.

Въ Колпинѣ прокламація появилась по поводу сильно пониженныхъ расцѣнокъ *). Въ Колпинѣ работаютъ машины для Порта. Командиръ Порта Верховскій давно пользовался ненавистью рабочихъ и пониженіе расцѣнокъ только было послѣдней каплей, переполнившей терпѣніе. Перваго мая началась забастовка. Группы рабочихъ ходили по улицамъ, распѣвая революціонныя пѣсни. Появились казаки и произошло нѣсколько столкновеній. Было арестовано до 400 человѣкъ, изъ нихъ 46 были отправлены въ Петербургъ въ „домъ предварительнаго заключенія".

На Александровскомъ заводѣ были выпущены два листка. Рабочіе рѣшили прійти 1-го мая на работу и затѣмъ всѣмъ гурьбою бросить ее. Но ворота были заперты и дворъ запруженъ полиціей и жандармами. Прокламаціи были распространены и въ другихъ мѣстахъ; броженіе появилось у Паля по поводу праздниковъ, у Воронина**), на газовомъ и костеобжигательномъ заводахъ, у Гольдарбейтера ***).

Такъ проявлялся Союзъ въ лицѣ своихъ молодыхъ членовъ, группы Б. и группы А. Рабочая Мысль тоже имѣла уже связи на Путиловскомъ заводѣ, на Обуховскомъ и въ Колпинѣ. Но главная ея работа была отдана газетѣ—готовился третій номеръ. Группа Рабочаго Знамени всѣ силы направила на свои изданія; весною выпустила она майскую прокламацію, хорошо составленную и напечатанную. Вдругъ стало извѣстно, что произошелъ партійный съѣздъ (мартъ 98 г.). Вышелъ манифестъ и партійная майская прокламація. На съѣздѣ были представители изъ Петербурга только отъ „стариковъ", т. е. всѣ активныя группы были обойдены при его созывѣ.

Формальное обединеніе партіи не отозвалось на Петербургскихъ фракціонныхъ отношеніяхъ. Попытку объединить всѣ группы, сдѣлали не агенты съѣзда, а „Молодые", не смотря на серьезныя потери, которыя были причинены разгромомъ съ 11 на 12 марта, группамъ удалось сговориться и осенью предполагалось начать совмѣстную работу. Предполагавшееся соглашеніе можно было формулировать такъ: агитація будетъ вестись на почвѣ экономической борьбы, но въ пропагандисткихъ изданіяхъ будутъ развиваться политическія требованія.

Лѣтомъ работа продолжалась, связи расширялись, но прокламаціи не выходили. Появился только № 3 Раб. Мысли. 29 іюля произошли новые аресты. Провалилось главнымъ образомъ Рабочее Знамя. Въ Бѣлостокѣ была взята кромѣ того типографія; аресты коснулись и Бунда, при чемъ погибъ петербургскій путь

*) Апрѣль 1898 г. см. Листокъ Работника 9—10.

**) „Бабій бунтъ", Листокъ Работника № 7.

***) Бумаго-ткацкая фабрика. См. Листокъ Работника № 9—10, стр. 21 и прокламацію 21 января 97 г.

для транспорта; пострадала и Рабочая Мысль; изъ Союза были взяты элементы, соединявшіе его группы.

Осенью пришлось снова начать собираніе силъ; группа А постепенно совершенно сблизилась съ Рабочимъ Знаменемъ. Группа же Б. вступила въ сношенія съ Рабочей Мыслью и фактически работала параллельно съ нею.

Но, даже и въ это время, эти два теченія шли настолько близко, что группа А и группа Б. формально оставались въ одной организаціи въ Союзѣ и снова начали переговоры объ объединеніи всѣхъ группъ. Существованіе разногласій признавалось фактомъ, но предполагалось возможнымъ удовлетворить обѣ фракціи внутри одной организаціи не путемъ компромисса, а путемъ раздѣленія функцій. Предполагалось издавать два органа: Рабочую Мысль для широкихъ круговъ рабочихъ и Рабочее Знамя съ ярко политической окраской для передового слоя. Центральную организацію предполагалось составить такъ: 2 члена отъ Союза (фактически группы Б), 2 отъ Рабочаго Знамени съ группой А, 2 отъ Рабочей Мысли и 1 отъ „стариковъ".

Такимъ образомъ Союзъ, въ лицѣ своихъ „молодыхъ" членовъ явился снова носителемъ идеи демократическаго объединенія. Формула выработанная какъ разъ въ это время (октябрь 98 г.) заграничнымъ союзомъ и гласившая, что въ нашей деятельности мы должны „считатся съ уровнемъ развитія отдѣльныхъ слоевъ пролетарьята", была осенью 98 г. и въ Петербургѣ ясно сознаннымъ положеніемъ, вокругъ котораго велась объединительная политика и работа молодого Союза.

Старики отстаивали за собою право безконтрольнаго рѣшенія и завѣдыванія всѣми дѣлами Союза. Молодые, группы А. и Б., выставили въ борьбѣ со стариками „демократическіе принципы организаціи", (именно этотъ терминъ и употреблялся), отвѣтственность центральной группы передъ всѣми членами организаціи, подконтрольность, выборное начало, участіе въ центральной группѣ активныхъ членовъ, имѣющихъ связи съ рабочими группами и слѣдовательно могущихъ хоть съ какимъ нибудь правомъ представлять рабочее движеніе; ставилось цѣлью при ростѣ силъ ввести въ центральную группу самихъ рабочихъ. Со стороны рабочихъ борьба велась всю осень и кончилась побѣдой молодыхъ.

Рабочее Знамя достигло въ это время своего наибольшаго вліянія, особенно благодаря примыкавшей къ нему гр. А. Подъ его вліяніемъ были кружки у Поля и Максвелля, на Путиловскомъ заводѣ, на Обуховскомъ. Подъ его вліяніемъ была организована также и стачка у Максвелля.

Прокламаціи появились также у Паля, (группы А.) на чугуноплавильномъ заводѣ Гольдберга, у Чешера, у Воронина, (гр. Б). Планъ объединенія всѣхъ группъ былъ окончательно намѣченъ на собраніи 10 декабря. При переговорахъ Союзъ (гр. Б) стоялъ за полное сліяніе всѣхъ группъ въ единую организацію Союза Борьбы—Ком. Партіи, тогда какъ Раб. Знамя и Раб. Мысль тянули къ полной автономіи частей, къ федераціи. Союзъ разсматривалъ

соглашеніе, какъ внутреннюю реформу веденія общаго дѣла, какъ прогрессивное развитіе тѣхъ же организацій и считалъ, что при этихъ условіяхъ излишне самостоятельное существованіе Р. М. и Р. З. Та работа, которую выполняетъ Р. М. — газета пет. рабочихъ и Р. З., являются лишь необходимыми функціями одной мѣстной организаціи, безъ нихъ она не можетъ правильно функціонировать. Съ другой стороны существованіе самостоятельныхъ организацій (Р. М. и Р. З.) ведетъ неумолимо къ необходимости заняться каждой изъ нихъ разнообразной мѣстною дѣятельностью, а это должно привести къ существованію въ Петербургѣ трехъ взаимно исключающихъ и борющихся между собою группъ, къ усиленію программныхъ и тактическихъ разногласій. Разногласія по ряду вопросовъ существовали, но они какъ разныя теченія могли и должны были ужиться въ единой организаціи. Только при такомъ взглядѣ на свою объединительную дѣятельность и демократическій принципъ организаціи Союзъ могъ пытаться объединить Р. М. и Р. З. Но въ ночь съ 14 на 15 декабря произошелъ новый разгромъ, унесшій Рабочее Знамя. Къ концу декабря все же произошло соглашеніе, но уже безъ Р. Знамени. Рабочая Мысль стала издаваться, какъ органъ комитета, къ ней примкнуло много интеллигентныхъ силъ. Былъ составленъ конспектъ статьи о Максвеллѣ, но передовица № 5, написанная заграницей, не имѣла ничего общаго съ конспектомъ, очень не понравилась и номеръ цѣлый мѣсяцъ не распространялся, хотя и былъ доставленъ въ Петербургъ.

Робочая Мысль, какъ самостоятельная группа въ Петербургѣ, перестала существовать послѣ соглашенія. Новые члены, тяготѣвшіе къ Рабочей Мысли, входили прямо въ Союзъ. „Союзъ Борьбы — Комитетъ Партіи“ сдѣлался такимъ образомъ единственной организаціей въ Петербургѣ, объединивъ всѣ группы, (Рабочее Знамя не вошло вслѣдствіе провала) и всѣ соціалдемократическія силы: къ нему присоединился рядъ одиночекъ съ прочными связями въ рабочей средѣ, притокъ средствъ увеличился.

Въ январѣ объединенная декабрьскимъ соглашеніемъ организація „Союзъ борьбы — Комитетъ Партіи“ выработалъ планъ майской кампаніи. Рѣшено издать большіе вопросные листы для агитаторовъ и два маленькихъ спеціальныхъ для желѣзодѣлательныхъ рабочихъ и для ткачей съ тѣмъ, чтобы, собравъ свѣдѣнія, выпустить до мая цѣлую серію листковъ на разные заводы: затѣмъ въ апрѣлѣ предполагалось издать два общихъ листка къ механическимъ рабочимъ и къ ткачамъ и, наконецъ, къ первому мая общую прокламацію, которая должна была подвести итоги работы за годъ и, какъ аккордъ, объединить призывы отдѣльныхъ листковъ и вызвать общую стачку 1 мая.

Вопросные листки были изданы въ видѣ книжечекъ заграницей, два спеціальныхъ листка напечатаны въ Россіи. Выпущенъ рядъ прокламацій къ Торнтону, на Волынковской мануфактурѣ, у Чешера, на Самсоніевской, на Александровскомъ заводѣ и др. Но тутъ послѣдовалъ цѣлый рядъ арестовъ.

Въ началѣ марта погибла цѣлая группа X; 20-го марта взята часть группы Б: 16 апрѣля арестована группа телнологовъ; 19 апрѣля захвачено нѣсколько лицъ изъ Рабочей Мысли, съ транспортомъ. Общіе листки выпущены не были вовсе, а требованія, которыя предназначалось въ нихъ выставить, попали въ майскую прокламацію. Между тѣмъ майская прокламація предполагалась совсѣмъ не такою, какою она вышла; въ текстѣ майской прокламаціи предполагалось говорить о международномъ значеніи праздника перваго мая, о политическихъ задачахъ соціалдемократіи, о 8 часовомъ рабочемъ днѣ, и только какъ призывъ къ немедленной всеобщей забастовкѣ выставить требованіе закона о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ*).

Передъ товарищами очевидно были два опыта первомайскихъ прокламацій. Въ 96 году „многіе рабочіе говорили, что если бы не майскій листокъ, то можетъ быть не было бы и майскихъ стачекъ... Это мнѣніе преувеличено, но оно характерно“. (Петербуржецъ, стр. 26). Въ 98 году майскій партійный листокъ, великолѣпно изданный и содержавшій очень хорошія требованія, никакого вліянія не имѣлъ, тогда какъ майскіе листки Союза Борьбы у Гука, въ Порту, въ Колпинѣ вызвали движеніе**). Предмайская кампанія 99 года была прекрасно задумана и не по винѣ товарищей не была проведена.

Въ пылу этихъ событій возникла въ мартѣ мѣсяцѣ группа „Самоосвобожденія Рабочаго Класса“. Она провалилась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда лѣтомъ послѣдовалъ огромный провалъ, благодаря найденному у одного изъ арестованныхъ списка рабочихъ. Въ прокламаціи отъ апрѣля 99 года она формулировала вои основные взгляды. „Въ организацію менѣе всего допускаются какъ разъ тѣ, чьи интересы берется „защищать“ трогатель-

---

*) Въ № 1 Зари требованіе 10 часового дня въ майскихъ петербургскихъ прокламаціяхъ было названо „измѣной международной соціалдемократіи“. Обвиненіе было слишкомъ тяжелое, чтобы было простительно такъ легкомысленно пользоваться имъ въ партійной литературѣ противъ одного изъ комитетовъ партіи. Но кромѣ того Плехановъ, Аксельродъ и Засуличъ, при ближайшемъ участіи которыхъ издавалась Заря, должны бы были помнить, что совершенно тотъ же актъ выполнили они сами всего за годъ передъ тѣмъ: въ майскомъ листкѣ 98-го года, изданномъ подъ редакціей Группы Освобожденія Труда, крупнѣйшимъ шрифтомъ было напечатано требованіе именно 10 часового дня. На соотвѣтственной стадіи развитія, въ 95 г., и Бундъ въ своихъ майскихъ прокламаціяхъ выставлялъ то же самое требованіе, закона о 10-ти часовомъ днѣ.

**) Чрезвычайно любопытно сравнивать эти документы. Въ нихъ какъ нельзя лучше отразилась противоположность двухъ тенденцій уже тогда боровшихся и теперь продолжающихъ бороться въ нашей партіи. Мнѣ очень жаль, что мѣсто не позволяетъ мнѣ привести ихъ здѣсь цѣликомъ.

ный Союзъ интеллигентовъ"... „Рабочіе должны взять, наконецъ, въ свои руки свое собственное дѣло". „Мы не выкидываемъ за бортъ политической борьбы, ибо мы слишкомъ твердо помнимъ, что политическая свобода — одно изъ условій торжества рабочаго класса. Но мы не хотимъ, чтобы политичекая агитація висѣла въ воздухѣ, мы хотимъ, чтобы она была связана съ непосредственными реальными нуждами рабочаго класса, чтобы она отвѣчала уже назрѣвшимъ запросамъ ихъ. Политика-надстройка надъ общественными отношеніями производства и политическая агитація должна быть надстройкой въ пользу борьбы экономической, должна выростать на почвѣ этой борьбы и идти за нею. Другое дѣло пропаганда; здѣсь наши политическіе идеалы могутъ и должны развертываться въ ихъ полномъ объемѣ".

Трудно было бы въ нѣсколькихъ строкахъ такъ хорошо, какъ въ приведенномъ документѣ, охарактеризовать тенденціи и тактику всего третьяго періода: демократическая организація и выставленіе въ прокламаціяхъ требованій только общественныхъ правъ.

Въ объявленіи о выходѣ „Искры" было сказано, что появленіе „Гр. Самоосв." доказываетъ, что идеи Credo имѣли успѣхъ. Какъ показываетъ эта выписка „Гр.Самоосв." неимѣла ничего общаго съ Credo. Точнѣе говоря она высказывала діаметрально противоположные взгляды. Тотъ фактъ, что „Искра" могла смѣшать эти двѣ тенденціи, наглядно показываетъ какъ плохо она понимала совершавшіяся событія и какую путаницу внесла въ представленія о ходѣ развитія нашей партійной жизни. Теперь только публицисты „новой" Искры выставляютъ какъ новое лозунгъ петербургскихъ рабочихъ 99-го года: „Долой замѣстительство."

Какъ я уже сказалъ, весенніе аресты 99-го года сильно ослабили всѣ организаціи. Съ осени первая роль въ агитаціи среди рабочихъ попадаетъ къ „группѣ 20-ти". Нѣсколько лицъ, не желая связывать себя традиціями старыхъ группъ, предполагали начать издавать свой органъ. По направленію они считали себя ближе къ Группѣ Рабочаго Знамени чѣмъ къ другимъ. Группѣ удалось сосредоточить въ себѣ людей съ хорошими связями и связать 14 рабочихъ кружковъ. Она выпустила двѣ прокламаціи и, въ январѣ 1900 года „Рабочій Листокъ".

Первый ударъ группа получаетъ уже 4 октября, когда были взяты 11 товарищей. Студенческое движеніе ранней весной захватило всѣ силы группы и аресты 13 марта 900 года, а затѣмъ 29 апрѣля окончательно парализовали работу.

Таковы были сложныя перипетіи фракціонной борьбы въ этой третьей стадіи движенія въ СПБ. Постараюсь формулировать ихъ вкратцѣ.

Въ началѣ третьяго періода, „такъ называемаго экономизма", работу велъ главнымъ образомъ Союзъ, но въ это же время развились и окрѣпли Рабочая Мысль и Рабочее Знамя. Въ самомъ Союзѣ проявился духъ времени; „Молодые" Союза не отличались единствомъ взглядовъ: гр. А тянула къ Раб. Знамени гр. Б къ

Раб. Мысли; гр. С.—„старики“—были всѣмъ недовольны и стояли не у дѣла *). Къ концу періода — весной 99 года — Союзу удается объединить всю работу въ Петербургѣ, но многочисленные аресты снова уничтожаютъ эту работу.

Я изложилъ общій ходъ организаціонныхъ событій; перехожу теперь къ характеристикѣ тактики петербургскихъ товарищей 1897—1900 годовъ.

* * *

Начало новаго періода отмѣчено тѣмъ, что Союзъ нашелъ нужнымъ выставить въ прокламаціяхъ требованіе общественныхъ правъ: свободы стачекъ, собраній, слова, печати, неприкосновенности личности. Требованіемъ Союзъ считалъ то, что можетъ быть поддержано силою. Поэтому было безполезно выставлять „требованія“ завѣдомо неосуществимыя; такія требованія являются только пожеланіями. Свои желанія мы, конечно, должны пропагандировать; требованіями же должны выставлять тѣ желанія, вести борьбу за которыя уже имѣются силы и средства. Агитація есть призывъ къ борьбѣ. Прокламація — заявленія требованій и руководство борьбой. Поэтому можно и должно въ нашихъ изданіяхъ пропагандировать наше желаніе всеобщаго, равнаго, тайнаго избирательнаго права, но безполезно и не умѣстно выставлять это желаніе въ прокламаціи, какъ требованіе, когда завѣдомо извѣстно, что рабочіе ничего не предпримутъ, чтобы отстоять это требованіе и когда организація сама не указываетъ никакихъ средствъ для достиженія этого желанія. Такъ полагалъ Союзъ.

Невольно является вопросъ: осуществимы ли общественныя права при самодержавіи?

„Мы отлично знали, говорилъ мнѣ одинъ товарищъ изъ группы Б, что при самодержавіи они неосуществимы. Но мы считали, что эти требованія логически, органически должны будутъ привести рабочихъ къ требованіямъ болѣе широкихъ политическихъ правъ. Это былъ сознательно выбранный методъ политическаго воспитанія массъ путемъ ихъ самодѣятельности. Нелѣпо думать, что мы тогда мирились съ самодержавіемъ и требовали только уступокъ отъ него. Ясно было всѣмъ, что это только агитаціонное средство, которое приведетъ къ низверженію самодержавія“.

Въ этомъ однако Союзъ расходился съ Рабочимъ Знаменемъ, которое находило возможнымъ и нужнымъ выдвинуть на первый планъ призывъ къ низверженію самодержавія, выпускать листки съ рѣзко политической окраской, издавать политическую газету.

Но съ нимъ случилось обстоятельство, о которомъ въ послѣдствіи такъ много говорила наша литература, и которое до сихъ поръ остается не разъясненнымъ. Организованные рабочіе Макс-

---

*) Мнѣніе Ленина, что „первоначальное направленіе въ Петербургѣ С. Б., по крайней мѣрѣ до половины 98 г. было господствующимъ“, совершенно голословно и ошибочно.

велля составили прокламацію и передали ее агитаторамъ для напечатанія. Фабрика Максвелля была полемъ дѣятельности группы Рабочее Знамя; прокламаціи были подписаны Союзомъ Борьбы; слѣдовательно, прокламація 13 декабря должна была быть изданной группою А „молодыхъ“ Союза. Группа эта была ярко политической, она не удовлетворялась Союзомъ, не говоря уже о Рабочей Мысли. Группа А фактически перешла къ Рабочему Знамени, смыслъ отдѣльнаго существованія котораго былъ въ его политическихъ тенденціяхъ. Какъ же могло случиться, что именно эта группа *вычеркнула* изъ прокламаціи рабочихъ требованіе свободы стачекъ и собраній?

Между тѣмъ рабочіе очевидно не случайно вписали эти требованія, они были недовольны тѣмъ, что ихъ не оказалось въ прокламаціи и когда, 14 декабря, къ нимъ явился фабричный инспекторъ и спросилъ, чего они хотятъ, ему изъ толпы отвѣтили: того, что написано въ прокламаціяхъ, и кромѣ того свободы стачекъ и собраній. Это было въ ту достопамятную стачку, которая окончилась „боемъ за правду“.*)

Обыкновенно этотъ фактъ приводился для того, чтобы показать „до чего доходятъ иногда экономисты“. Но онъ тѣмъ то и знаменателенъ, что былъ совершенъ завѣдомо *не* экономистами, людьми, которые искали случая, чтобы выступить иначе, чѣмъ „экономисты“. Я могу себѣ это только тѣмъ объяснить, что Рабочее Знамя считало себя слишкомъ политикомъ, чтобы выставлять „ближайшія“ „частичныя“, политическія требованія, точнѣе говоря, чтобы выставлять требованія общественныхъ правъ при самодержавіи.

Только это предположеніе объясняетъ тотъ странный фактъ, что въ своей практической дѣятельности, крайніе политики оказывались очень долго политически болѣе умѣренными, чѣмъ „такъ называемые экономисты“: выставить *въ прокламаціи*, какъ очередную задачу, низверженіе самодержавія—было еще невозможно, это чувствовали всѣ; предъявлять же требованіе „частичныхъ“ политическихъ правъ „политики“ считали компромиссомъ. Послѣдующія событія показали, что тактика „такъ называемыхъ экономистовъ“ была правильной, ибо она привела къ ея цѣли, къ борьбѣ противъ существующаго политическаго строя. Вышеприведенный фактъ показываетъ, что она была также единственно возможной, потому что тактика ихъ противниковъ *фактически* приводила ихъ къ политическому бездѣйствію.

Группа Рабочаго Знамени никогда не имѣла прочныхъ и хоть сколько нибудь значительныхъ связей въ рабочей средѣ и могла дѣйствовать только при существованіи третьей (помимо Союза) группы въ Петербургѣ — „Группы Технологовъ“, затѣмъ группы

*) Подъ этимъ названіемъ одинъ рабочій описалъ событія 14-го декабря; его разсказъ напечатанъ въ книжкѣ Петербуржца на стр. 108. Прокламація, о которой идетъ, рѣчь приведена въ Рабочемъ Дѣлѣ № 1.

юди, а не рабы! Началось и растетъ дѣло свободы. А какое значеніе этого „сорта" событія имѣютъ для другихъ слоевъ, это тоже легко наблюдать на тѣхъ же улицахъ. Самая скромная, самая сѣрая стачка—великая вещь, какъ элементъ будущаго."

Союзъ, и именно гр. Б., какъ мы видѣли, продолжалъ агитацію прокламаціями совершенно въ томъ же духѣ какъ она велась и раньше. *)

Но работа въ другихъ сферахъ уже была отлична отъ работъ союза „стариковъ" и „молодые", „такъ наз. экономисты" уже противоставлялись „старикамъ". Отношеніе къ рабочему классу, къ различнымъ слоямъ рабочихъ, къ ихъ запросамъ, къ „самодѣятельности" рабочихъ, отношеніе къ организаціямъ, возникающимъ въ рабочей средѣ, отношеніе къ вопросу о постройкѣ партіи („сверху" или „снизу" ее строить?), къ демократическому принципу организаціи, къ программѣ, къ пропагандѣ, къ агитаціи, отношеніе къ интеллигенціи, къ либеральному обществу (къ брошюрамъ Аксельрода, послѣдній выводъ изъ которыхъ лишь теперь сдѣлалъ искризмъ въ „Письмѣ къ партійнымъ организаціямъ"), къ экономической и политической борьбѣ — къ цѣлому ряду важнѣйшихъ вопросовъ отношеніе „стариковъ" и „молодыхъ" было совершенно инымъ. Разногласія по всѣмъ этимъ вопросамъ чувствовались и сознавались, но они, къ несчастью, не нашли себѣ въ то время литературнаго выраженія. Заграничный Союзъ въ своей борьбѣ съ Группой Освобожденія Труда, заграничными „стариками", во многомъ, иногда даже въ мелочахъ, напоминалъ петербургскую борьбу теченій, но и онъ только въ самый послѣдній періодъ становился на принципіальную точку зрѣнія, развивая тѣ положенія, которыя ощущались, висѣли въ воздухѣ въ Петербургѣ въ 1898—1900 годахъ.

Агитаціонная тактита періода „так. наз. экономизма" блестяще оправдана дважды исторіей: сначала тѣмъ фактомъ, что она позволила соціалдемократамъ стать руководителями пролетарскихъ массъ въ ихъ классовой борьбѣ и — по признанію даже противниковъ этой тактики—„революціонизировала настроеніе и сознаніе пролетарьята" (Аксельродъ), а за тѣмъ полнымъ крушеніемъ противоположной тактики, искризма, которая ослабила связи между пролетарьятомъ и соціалдемократіей**). Но противники „так. наз. эко-

*) „Русское рабочее движеніе въ 1897 и началѣ 1898 г." „Наше время" № 2 1898 г. стр. 36 изданіе Народнаго Права.

**) Т. Аксельродъ констатируетъ, что „въ теченіе періода «такъ наз. экономизма» движеніе наше пріобрѣло глубокіе корни въ пролетарьятѣ, революціонизировало настроеніе и даже сознаніе значительныхъ круговъ его, подняло ихъ революціонную активность" — (Искра № 55); онъ констатируетъ далѣе въ томъ же фельетонѣ: „Итакъ, торжество бюрократическаго централизма въ партійной организаціи таковъ итогъ партійной борьбы революціонной соц.-дем. (Искры) съ кустарничествомъ; словомъ, идейная оболочка революціонно соціалдемократическая, а реальное содержаніе, по су-

номизма“ утверждаютъ, что эти связи были созданы цѣною принижения социалдемократіи до уровня массы, цѣною отреченія отъ принциповъ революціонной соціалдемократіи. Это глубоко невѣрно: въ то время, какъ агитаціей Союзъ Борьбы будилъ „настроеніе и сознаніе пролетарьята“, своею пропагандою онъ несъ въ пролетарьятъ знанія науки соціализма. И въ этомъ отношеніи въ 1898—99 г. былъ сдѣланъ безусловно шагъ впередъ.

Самая старая петербургская программа для систематической пропаганды, которую мнѣ удалось видѣть относится къ 96-му году. Она озаглавлена такъ: „Программа для занятій въ петербургскихъ рабочихъ кружкахъ“. Въ ней 17 лекцій, изъ которыхъ послѣдняя—заключительная, а предпослѣдняя посвящена исторіи соціалистическаго движенія въ западной Европѣ. Я привожу здѣсь въ примѣчаніи программу пятнадцатой лекціи*). Она не оставляетъ сомнѣнія, что составители ея были соціалистами и считали политическую борьбу однимъ изъ средствъ достиженія ихъ цѣлей; поэтому здѣсь нѣтъ и слѣда приниженія нашихъ принциповъ къ уровню пониманія массы. Пропагандисты, наоборотъ, поднимали кружковыхъ рабочихъ до яснаго пониманія соціалдемократическихъ принциповъ.

Еще въ гораздо большей степени это относится къ періоду 1897—1900 годовъ. Въ цѣляхъ улучшить постановку дѣла пропаганды Союзъ приступилъ осенью 98 г. къ выработкѣ „Программы

ществу, въ принципіальномъ смыслѣ, едва-ли выходитъ за рамки буржуазнаго революціонизма“. Констатируя все это, т. Аксельродъ, убѣдившись за четвертый періодъ, что бумага Искры все терпитъ, дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „крупные факты наглядно и ярко оправдали, такимъ образомъ, критику теоріи и практики такъ наз. экономизма, начавшуюся еще въ изданіяхъ Группы Освобожденія Труда и продолжавшуюся Искрой“. Къ этому я могу только добавить, что этихъ „крупныхъ“ фактовъ и вообще никакихъ фактовъ т. Аксельродъ не приводитъ, и довольствуется разсужденіями о томъ, что „могло бы“ случиться.

*) Лекція пятнадцатая. Рабочее движеніе и средства борьбы за свое существованіе (стачки, союзы, кассы, третейскіе суды, бойкотъ, празднованіе 1-го мая) въ области какъ промышленной, такъ и земледѣльческой. Значеніе отдѣльныхъ слоевъ пролетарьята для классовой борьбы. Отношеніе русскаго закона къ борьбѣ рабочихъ за свое существованіе.

Самосознаніе — идея рабочаго сословія и самоосвобожденія: всеобщее избирательное право и политическая борьба, значеніе парламента для пролетарьята. Значеніе законодательства, какъ средства укрѣпленія за рабочими уже добытыхъ ими уступокъ. Стремленіе къ подчиненію демократическому контролю всѣхъ средствъ производства, распредѣленія и обмѣна и идея обобществленія средствъ производства.

Отношеніе нашего порядка къ самосознанію и самоосвобожденію рабочихъ и отношеніе рабочихъ къ существующему порядку.

Самообразованія“, которая, подобно тому какъ „Вопросы“ въ агитаціи, систематизировала бы и объединила бы всю работу при пропагандѣ. Опытъ предыдущихъ лѣтъ показалъ, что чѣмъ длиннѣе и подробнѣе составлялись курсы занятій, лекціи, тѣмъ менѣе они достигали цѣли. Форма лекцій вообще не удовлетворяла рабочихъ: полицейскія условія Петербурга позволяютъ періодически собираться только маленькимъ группамъ, составъ которыхъ къ тому же мѣняется; дѣятельность революціонера слишкомъ коротка, съ проваломъ пропагандиста исчезаетъ и его опытъ, преемственность пропаганды нарушается. Составляя „Программу Самообразованія“, Союзъ стремился сдѣлать пропаганду дѣломъ коллективнымъ, собравъ накопленный индивидуальный опытъ въ программу и разрабатывая ее. Кромѣ того, принимая во вниманіе ростъ движенія, постоянно обгонявшій притокъ интеллигентныхъ силъ и очень ограниченную область воздѣйствія пропагандиста въ маленькихъ кружкахъ, Союзъ хотѣлъ передать дѣло пропаганды въ руки самихъ рабочихъ, ихъ самодѣятельности. Союзъ надѣялся при помощи программы помочь рабочимъ заняться самообразованіемъ, не заставляя ихъ ожидать рѣшенія каждаго вопроса отъ пропагандиста, и тѣмъ дать возможность болѣе интеллигентнымъ рабочимъ систематически воздѣйствовоть на менѣе развитыхъ. Это въ свою очередь должно было освободить силы пропагандистовъ для другой насущной задачи — для устройства несистематическихъ лекцій и бесѣдъ на злобу дня и по отдѣльнымъ вопросамъ пропаганды и тактики. Эту послѣднюю задачу только черезъ нѣсколько лѣтъ удалось осуществить петербургскимъ товарищамъ: въ 1901 году „Рабочая Организація“ издавая серію пропагандистскихъ листковъ „Вопросы русской жизни“ и „Письма про наши порядки и безпорядки“ сдѣлала первый опытъ вести печатную пропаганду систематически.

Характеръ программы прежде всего и главнымъ образомъ опредѣлялся потребностью подготовлять сознательныхъ соціалдемократовъ. Было рѣшено не уходить далеко отъ современной жизни, не начинать съ вопросовъ мірозданія, теоріи Дарвина, первобытной культуры, какъ это было въ обычаѣ прежде, а начать прямо съ общей яркой характеристики классовъ и соціальныхъ группъ современнаго общества и его основныхъ противорѣчій. Сразу ставился вопросъ: „Кто чѣмъ живетъ?“ Отвѣтъ давался сначала въ самыхъ общихъ чертахъ, въ описаніяхъ современной эксплуатаціи трудящихся и указаніи идеала соціализма. Далѣе были поставлены слѣдующіе вопросы: происхожденіе капиталистическаго строя, экономическая эволюція и соціальная дифференціація Европы, смѣна политическихъ формъ со времени великой революціи, соціально-политическія движенія въ Европѣ, экономическое состояніе Россіи и ея политическій строй, революціонное движеніе въ Россіи, международная соціалдемократія, соціалдемократическая программа. Детальное изученіе Эрфуртской программы при помощи книжки Каутскаго было указано какъ итогъ этого краткаго курса сомообразованія.

Текстъ программы составлялся въ видѣ конспекта. По каждому вопросу въ выноскахъ указывалась литература легальная и нелегальная расположенная въ порядкѣ отъ простого къ сложному по формѣ изложенія и распредѣленная на три части; такимъ образомъ, взявъ первую часть, мы получимъ библіотечку и объясняющій руководящій текстъ для мало культурныхъ слоевъ рабочихъ вторую—для среднихъ, третью—для болѣе сознательныхъ. Эти библіотечки съ программой самообразованія давали возможность подойти съ пропагандой ко всѣмъ слоямъ рабочихъ со всею соціалдемократическою программою, измѣняя лишь степень популярности, доступности изложенія.

Такъ какъ имѣвшаяся литература легальная и нелегальная была слишкомъ бѣдна, то предполагалось издать серію маленькихъ брошюрокъ по разнымъ вопросамъ пропаганды. Къ составленію брошюръ и дальнѣйшей разработкѣ программы Союзъ старался привлечь товарищей въ ссылкѣ и заграницей, а также легальныхъ литераторовъ для издательства легальныхъ брошюрокъ. Планы были широкіе. Они были, пожалуй, слишкомъ широкіе и, во всякомъ случаѣ, какъ они были далеки отъ отрицанія значенія теоріи беззастѣнчиво навязаннаго „такъ называемому экономизму" соціалдемократами непомнящими родства.

Для обработки программы была составлена особая группа, привлечены нѣсколько лицъ, не принадлежавшихъ къ Союзу, но могшихъ своими литературными силами и опытомъ помочь дѣлу. Союзъ обратился за содѣйствіемъ къ нѣсколькимъ комитетамъ... Волна студенческаго движенія и весенніе массовые аресты оборвали эту работу. Она неисполнена и до сихъ поръ.

Итакъ, вотъ тѣ практическія цѣли, которыя ставилъ себѣ молодой Союзъ періода 98—99 года: 1) объединеніе всѣхъ соціалдемократическихъ группъ и силъ Петербурга въ единую организацію „Союзъ Борьбы — Комитетъ Партіи" на почвѣ раздѣленія функцій и демократическаго принципа организаціи. 2) Усиленіе и систематизація агитаціи: „Вопросы" и серія листковъ. 3) Усиленіе и систематизація пропаганды: „Программа самообразованія" и серія брошюръ. 4) Органъ для широкихъ слоевъ рабочихъ—Раб. Мысль. 5) Органъ для передовыхъ рабочихъ — Рабочее Знамя. 6) Перваго мая всеобщая стачка въ Петербургѣ.

* * *

Перехожу къ краткой характеристикѣ группы Раб. Мысль; краткой—потому, что по этому вопросу имѣется въ нашей литературѣ спеціальная работа тов. Петербуржца. Оригинальной и характерной чертой гр. Раб. Мысль было ея сознательное стремленіе сдѣлать свою газету лишь отраженіемъ мысли петербургскихъ рабочихъ. — „Рабочая Мысль будетъ отражать жизнь рабочихъ въ ея настоящемъ свѣтѣ, будетъ способствовать пробужденію въ нихъ интереса къ окружающему, выражая ихъ нужды и клеймя словами презрѣнія и насмѣшки нашу опричину". Такъ заканчивалась пе-

редовая статья перваго номера, указывавшая цѣль издателей газеты.

Десятки лѣтъ русскіе соціалисты пытались разбудить мысль рабочаго. Проснулась эта мысль. И со времени Халтурина она пыталась вырваться, вылиться въ рѣчь, проявиться въ рабочей газетѣ. Долго, долго неудавалось ей это въ тискахъ самодержавнаго политическаго строя. Наконецъ, въ двухъ концахъ Россіи, въ Вильнѣ и въ Петербургѣ, въ одинъ и тотъ же годъ рабочимъ удалось создать свои газеты: „Рабочій Голосъ“ и „Рабочую Мысль“. Еврейскіе интеллигенты — соціалдемократы подхватили *голосъ рабочаго*, поддержали, сдѣлали громкимъ, сильнымъ и славнымъ. Но какъ разъ ортодоксальное теченіе „революціонныхъ“ соціалдемократовъ осмѣяло, осудило *Петербургскую рабочую мысль*! — Да, она таки дѣйствительно была неучоною, не гибкою, не тонкою мыслью! Тѣмъ болѣе радостно, что всеже нашлись въ Петербургѣ соціалдемократы, „экономисты“, которые поддержали ее, отдались ей на служеніе! Зачтутся имъ за это всѣ ихъ невольныя ошибки, которыя дѣлали они при этомъ на ихъ трудномъ пути. *)

„Такъ наз. экономистамъ“ ставится въ вину именно то что они „принижали соціализмъ до уровня пониманія массъ“ тѣмъ, что создали газету, которая лишь выражала мысль рабочихъ, а не вносила въ среду рабочихъ новыя мысли извнѣ. „Быть можетъ, надо признать ошибочнымъ — говоритъ Петербуржецъ въ концѣ своей брошюры — веденіе рабочей газеты въ такомъ направленіи; но это ужъ вопросъ иного порядка, о которомъ можно будетъ поговорить когда нибудь въ другомъ мѣстѣ“. Мнѣ думается, что на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: такія газеты для соціалдемократіи недостаточны, но они страшно важны, необходимы, потому что мысль рабочихъ можетъ формироваться лишь при условіи — хотя и не при одномъ этомъ условіи — если есть у рабочихъ возможность свою мысль формулировать**). Да

*) Позже, черезъ нѣсколько лѣтъ воронежскіе рабочіе написали письмо къ комитетамъ по вопросу объ организаціи второго съѣзда. Искра высмѣяла его какъ „безграмотное“. „Да, мы дѣйствительно не имѣли времени достаточно учиться грамотѣ“, отвѣтили ей воронежскіе рабочіе.

**) Мнѣ постоянно приписывается взглядъ, будто бы соціалдемократія въ каждой стадіи ея развитія есть лишь отраженіе настроенія и взглядовъ рабочаго класса въ данную историческую минуту. Этого я никогда не утверждалъ. Я надѣюсь, мои дальнѣйшія работы покажутъ, что идеямъ я придаю гораздо большее *творческое* значеніе, чѣмъ мои фракціонные противники. Но и та формула въ которой моя организація, Заграничный Союзъ, выразилъ свое отношеніе къ теоріи уже признаетъ за нею первостепенное значеніе: „Дѣятельность соц.-дем. можетъ быть цѣлесообразна лишь подъ тѣмъ условіемъ, если она руководствуется не только общими принципами научнаго соціализма но и... общими политическими условіями и... степенью развитія рабочаго движенія“. (Инструкціи для редакціи Рабочаго Дѣла 1901 г.) Такимъ обра-

и только ли одинъ рабочій классъ нуждается въ такой газетѣ?

Въ первомъ номерѣ радикально-демократической газеты „Освобожденіе“, въ его передовой статьѣ, было сказано слѣдующее:

„Дать уже готовому, уже созрѣвшему сознанію литературное выраженіе — вотъ на что мы претендуемъ. Мы были бы вполнѣ удовлетворены, если бы на нашу долю выпала бы лишь роль регистраторовъ свободной политической мысли въ Россіи, если бы мы здѣсь, за рубежомъ, могли только предавать тисненію идущее изъ Россіи свободное слово, являясь его простыми наборщиками и печатниками“. (Осв. № 1.)

Эти слова „Освожденія“ редакція Искры приводитъ въ 23 № какъ доказательство того, что редакторъ „Освобожденія“ „оказывается слишкомъ умѣреннымъ, слишкомъ не-революціоннымъ даже для того, чтбы двигать впередъ либерально демократическія элементы“. Искра видитъ въ этомъ подтвержденіе той мысли, что „всякая буржуазія по отношенію къ политическимъ и литературнымъ представителямъ своего класса, къ своимъ „идеологамъ“ является весьма строгимъ „хозяиномъ“ желающимъ превратить идеологовъ въ простыхъ „регистраторовъ“, въ простыхъ куліевъ на службѣ у буржуазіи“. Ироническими ковычками Искра хотѣла сказать, что, какіе же это, въ сущности, „идеологи“, когда они только „регистраторы“, „куліи“.

Однако не всѣ соціалдемократы „ортодоксы“ такъ отнеслись къ этому заявленію Струве. Вотъ что писалъ тов. Рязановъ, „ортодоксальный буквоѣдъ“ — по выраженію Плеханова: „Мы привѣтствуемъ Васъ, г. П. Струве! Мы, конечно, не будемъ въ претензіи на Васъ, если Вы будете лишь регистраторомъ свободной политической мысли буржуазіи. Вѣдь мы тоже хотѣли *бы* быть лишь регистраторами свободной политической мысли рабочаго класса. Гордые лишь тѣмъ, что являемся *выразителями* интересовъ рабочаго класса, что плохо ли, хорошо ли формулируемъ *его* политическую мысль, а слѣдовательно и *нашу*, мы, всегда отвѣчающіе презрѣніемъ, когда разные „широкіе“ люди обвиняютъ насъ въ томъ, что мы — куліи на службѣ у пролетарьята, мы можемъ только радоваться, что наша буржуазія нашла себѣ человѣка, который прямо и открыто заявляетъ, что онъ слуга „умѣренныхъ отцовъ“. *)

зомъ мы прежде всего, первымъ условіемъ цѣлесообразности дѣятельности соціалдемократіи ставимъ руководство принципами научнаго соціализма, и лишь потому, что наши противники принимали доктринерски тѣ доктрины, которыми мы желаемъ руководствоваться и тѣмъ приходили къ противорѣчію между доктринами и дѣйствительностью, мы нашли нужнымъ подчеркнуть необходимость для соціалдемократа, какъ практическаго дѣятеля, считаться и съ современною дѣйствительностью.

*) Н. Рязановъ. Матерьялы. Выпускъ II стр. 127.

Впрочемъ редакція Искры — или по крайней мѣрѣ половина ея — должна была бы помнить, что было у нея другое мнѣніе и объ этомъ вопросѣ при началѣ изданія Работника въ 1896 г.:

„Къ новой рабочей Россіи, составляющей нашу радость, нашу гордость, обращаемся мы со своимъ скромнымъ изданіемъ. Мы цѣликомъ посвятимъ его интересамъ рабочаго класса. Мы не навязываемъ своихъ взглядовъ нашимъ читателямъ рабочимъ. Мы не беремъ на себя роль руководителей. Намъ хотѣлось бы только принести посильную пользу тѣмъ обездоленнымъ, но бодрымъ и смѣлымъ труженикамъ, которые борятся на нашей далекой и несчастной родинѣ за свое экономическое и политическое освобожденіе. Страницы нашего изданія будутъ открыты всѣмъ рабочимъ желающимъ воспользоваться имъ для обсужденія своихъ задачъ и выраженія своихъ стремленій. Но мы твердо убѣждены, что чѣмъ яснѣ поймутъ наши читатели свои задачи, и чѣмъ они лучше поймутъ смыслъ своего положенія, тѣмъ рѣшительнѣе станутъ они подъ знамя соціальной демократіи. (Работникъ № 1 стр. XIV, 1896 г.).

Гр. Освоб. Труда не только выражала готовность „не навязывать своихъ взглядовъ“, но даже отказывалась „отъ роли руководителей“! Это уже слишкомъ!

Итакъ, тотъ фактъ, что Раб. Мысль стремилась быть лишь отраженіемъ мысли рабочихъ, самъ по себѣ не можетъ быть признанъ ошибкою „такъ называемыхъ экономистовъ“.

Посмотримъ же теперь отразилась ли и какъ отразилось въ Раб. Мысли *политическая* мысль петербургскихъ рабочихъ.

Въ отдѣльномъ приложеніи къ № 6 Раб. Мысли (сентябрь 1899 г.) интеллигентъ-теоретикъ Раб. Мысли даетъ такое опредѣленіе понятія „политическая борьба“: „называемъ политической борьбою ту борьбу рабочихъ, которую они ведутъ въ интересахъ общихъ, имѣя въ виду улучшеніе положенія всѣхъ рабочихъ путемъ законодательной защиты труда — касается ли она матерьяльной стороны ихъ быта или правовой, все равно“. И такъ признакомъ политическихъ правъ Р. М. считаетъ то обстоятельство, что они обезпечиваются закономъ для цѣлой группы гражданъ. Но этотъ признакъ присущъ всякому праву и потому не характеренъ для правъ политическихъ. Такимъ образомъ опредѣленіе Р. М. безусловно ошибочно. Здѣсь нѣтъ и намека на то, что политическая борьба есть борьба за власть или за право участія во власти. Но необходимость борьбы за общественныя права — права личной и общественной свободы — включалась въ это опредѣленіе и указывалась Р. Мыслью съ самаго перваго номера. Это, какъ я уже говорилъ, и характеризуетъ разсматриваемую теперь нами стадію.

Я приведу здѣсь нѣсколько цитатъ изъ Р. М. относящихся къ вопросу о борьбѣ съ правительствомъ, чтобы подтвердить мою мысль.

№ 1 Раб. Мысли. „Мы видимъ предъ собою мрачную стѣну монархическаго строя, которая препятствуетъ доступу къ намъ

свѣта: мы сознаемъ все неудобство нашего пребыванія во мракѣ... Стѣна современнаго строя крѣпка и произволъ царизма непоборимъ, но непоборимъ только въ томъ случаѣ, когда на это направляются отдѣльныя силы, которыя настолько малы, что падаютъ жертвой произвола. Но дѣло приметъ совсѣмъ иной оборотъ, когда противъ произвола капиталистовъ и правительства будетъ направлена объединенная сила — сила сознанія самостоятельности рабочаго класса, справделивыя требованія котораго должны быть удовлетворены."

№ 2. „Правительство открыто, не стѣсняясь становится на сторону капиталистовъ и, при помощи полиціи и войска, съ оружіемъ въ рукахъ старается заставить рабочихъ снова приняться за свою несносную лямку. Такимъ образомъ приходится вести борьбу съ двумя врагами: фабрикантами, заводчиками и ихъ защитникомъ правительствомъ".

№ 3. „Правительство и фабриканты заключили союзъ для борьбы съ рабочими и дружными усиліями полиціи, войска и духовенства имъ удается подавлять требованія рабочихъ. Понятно, что для отпора союза враговъ и намъ надо устроить союзъ рабочаго класса."

№ 7. „Стачки 96 г. представляютъ собою какъ бы переходъ отъ прежней частичной борьбы рабочихъ къ борьбѣ политической... Долой деспотизмъ! Да здравствуетъ 1-ое мая! Да здравствуетъ международная соціалдемократія."

№ 8. „Оставимъ надежду на правительство! Воспитаемъ въ себѣ мысль, что намъ надо бороться съ правительствомъ и капиталистами."

Сравненіе этихъ цитатъ съ выписками изъ прокламацій 95 г. показываетъ, что Р. М., какъ бы она ни была узка въ своихъ политическихъ задачахъ, дѣлала шагъ впередъ по сравненію съ предидущей стадіей движенія, которую Ленинъ выставляетъ какъ золотой вѣкъ русской соціалдемократіи. Раб. Мысль расширяла кругъ интересовъ рабочихъ отъ экономическихъ — о которыхъ только и говорилось въ прокламаціяхъ 1895 г. — до общественно правовыхъ. Основатели Союза Борьбы 95 года *субъективно* были несомнѣннѣйшимъ образомъ гораздо болѣе сознательными въ политическомъ отношеніи, чѣмъ основатели Р. Мысли. Но тѣмъ болѣе интересенъ фактъ, и тѣмъ болѣе онъ знаменателенъ, что *объективно*, въ ихъ литературныхъ проявленіяхъ, они были болѣе „экономическими", чѣмъ Р. Мысль!

Итакъ *объектцвное* значеніе Рабочей Мысли состояло въ томъ, что въ періодъ „такъ называемаго экономизма" она выполняла спеціальное назначеніе, *одну изъ* задачъ соціалдемократіи: дать возможность формулироваться мысли рабочихъ. Это назначеніе она безусловно выполнила. *)

---

*) См. объ этомъ „Отвѣтъ Рабочаго Искрѣ" Раб. Д. № 11 — 12, а также статью нов. В. В. „Петербургское движеніе" въ № Раб. Д.

III.

Съ тяжелымъ чувствомъ отправлялись товарищи въ Петербургъ осенью 1900-го года. Все было разгромлено, все приходилось начинать сызнова. Но какъ? Слѣдуетъ ли возстановить одну изъ прошлыхъ организацій и стремиться, расширивъ ея программу, объодинить петербургскихъ товарищей? Или, можетъ быть, лучше отказаться отъ прежнихъ названій, которыя въ силу связанныхъ съ ними понятій, помѣшаютъ объединенію, и создать новую организацію? Но не будетъ ли она только одною лишнею при всѣхъ старыхъ? Не увеличитъ ли дробленіе силъ вмѣсто того, чтобы уничтожить его? Всѣ эти трудные вопросы пали сами собой, какъ только было приступлено къ работѣ. Оказалось, что не все было разрушено. Оказалось, что кружки, созданные Союзомъ, не только не распались послѣ разгрома, но сильно развились за лѣто и представляли теперь цѣлую организацію многихъ сотенъ рабочихъ. Когда къ нимъ явились возвратившіеся въ Петербургъ агитаторы и стали развивать свои планы организаціи и программы, имъ было отвѣчено, что организація и программа уже существуютъ. Существуетъ „Рабочій Комитетъ".

Это неожиданное заявленіе произвело сильное впечатлѣніе на интеллигентовъ. Однихъ обидѣлъ этотъ холодный и нѣсколько пренебрежительный отвѣтъ своимъ недавнимъ самоотверженнымъ учителямъ, другихъ онъ привелъ въ восторгъ: „наконецъ то, говорили они, интеллигенція займетъ подобающее ей мѣсто слуги въ рабочемъ движеніи". Союзъ опубликовалъ программу Рабочаго Комитета. Эта первая попытка въ Петербургѣ формулировать въ программѣ свои принципы далеко не является совершенной. Но здѣсь важно отмѣтить, что политическія задачи рабочаго движенія въ ней впервые указаны. Осенью 1900-го года Союзъ, къ которому примкнулъ Рабочій Комитетъ, былъ силенъ, и его усиленіе въ то же время знаменовало торжество двухъ принциповъ: организованности и политическихъ тенденцій. Даже Рабочая Мысль въ № 9 заявляетъ, что низверженіе самодержавія составляетъ важнѣйшую задачу рабочихъ.

Въ программѣ Рабочаго Комитета, опубликованной въ № 11 Рабочей Мысли, но выработанной еще осенью 1900 года, говорилось, между прочимъ, о томъ, что „конечной цѣлью рабочаго движенія является политическое и экономическое освобожденіе рабочаго класса, которое можетъ быть достигнуто только соціалдемократическимъ движеніемъ широкихъ рабочихъ массъ." „...Союзъ оказываетъ борьбѣ (отстаиванію насущныхъ интересовъ) всяческое содѣйствіе, стараясь придать всякому неорганизованному движенію форму организованной сознательной борьбы противъ капиталистической эксплуатаціи и царскаго правительства." „Со

всѣми соціалдемократическими группами Союзъ идетъ рука объ руку, признавая прочное объединеніе ихъ дѣломъ первостепенной важности." „Общность врага — правительства выдвигаетъ на очередь вопросъ о временныхъ союзахъ съ прочими революціонными фракціями по поводу отдѣльныхъ частныхъ случаевъ."

Но Союзъ продолжалъ быть „осторожнымъ". Въ Рабочемъ Листкѣ № 5, вышедшемъ тоже въ декабрѣ 1900 года, рабочіе призываются готовиться къ борьбѣ. „Печальна наша доля, тяжелы страданія, много неправды творится надъ нами, и требованія наши должны быть не малыя." На самомъ же дѣлѣ требованія оказываются довольно малыми: это чисто экономическія требованія, и только одно послѣднее—самое неясное, болѣе широко: „право собраній для обсужденія своихъ нуждъ, свободы организацій и стачекъ."

Это несоотвѣтствіе агитаціонной дѣятельности комитета съ его политической программой и вызвало неудовольствіе болѣе развитыхъ политически товарищей.

Они сгруппировались вокругъ остатковъ „Группы 20-ти", назвались группой „Соціалистъ" и выпустили одну изъ своихъ прокламацій, гдѣ прямо формулированы ихъ разногласія съ Союзомъ. Программу свою „Соціалистъ" изложилъ въ первомъ выпускѣ „Соціалдемократической библіотеки".*) Рабочія организаціи

---

*) „Соціалдемократическая Рабочая Библіотека", № 1, 1900-го года. Отъ Редакціи (стр. 25): „Для достиженія своихъ какъ ближайшихъ цѣлей — значительнаго улучшенія матеріальнаго и духовнаго положенія трудящихся массъ — такъ и конечныхъ цѣлей — торжества новаго, соціалистическаго строя — необходимо, чтобы рабочій классъ былъ организованъ въ качествѣ партіи *политической,* т. е. такой, которая ставитъ себѣ цѣлью подготовить массу къ завладѣнію политическою властью."

„Подготовить трудящуюся массу къ великому дню ея освобожденія, воспитать ее путемъ политико-экономической борьбы до такой степени, чтобы она съумѣла воспользоваться плодами предстоящей ей побѣды — вотъ цѣль, которую ставитъ себѣ въ настоящее время рабочее движеніе въ Западной Европѣ. Задачи русскаго движенія и шире, и сложнѣе. Рабочее движеніе въ Россіи начинается въ періодъ еще полнаго господства деспотизма. Если на Западѣ была возможна буржуазная революція, то у насъ это невозможно. Россійской буржуазіи *пока* ничего не остается желать. Самодержавное правительство заключило союзъ съ буржуазіей. Одно рабочее движеніе смѣло пробиваетъ себѣ путъ впередъ. Оно не можетъ успѣшно и широко развиться, пока рабочіе не завоюютъ себѣ политической свободы; если на Западѣ политическая свобода была достигнута буржуазной революціей, то у насъ ея возможно достигнуть лишь пролетарской революціей. Русскіе рабочіе должны усиленно развивать свою политическую мысль. Экономическая борьба и организація массъ должна идти своимъ чередомъ, но въ нее долженъ быть внесенъ живой духъ борьбы политической."

у „группы 20-ти“ хотя и были не такъ многочисленны, какъ у Союза, но и онѣ окрѣпли за лѣто и были найдены осенью въ полной боевой готовности, и дѣло быстро пошло впередъ. Группа заявила въ прокламаціи, что она „сознательно не входитъ въ комитетъ, видя въ его оффиціальномъ органѣ, „Рабочей Мысли“, съ одной стороны тенденцію приблизиться къ направленію умѣреннаго крыла германской соціалдемократической партіи, почти не считаясь съ мѣстными и временными условіями русской жизни, съ другой — недовѣрчивое отношеніе къ росту политическаго самосознанія рабочей массы“ („къ обществу“, январь, 1901 г.). Одновременно съ № 5 Рабочаго Листка и № 11 Рабочей Мысли вышла прокламація рабочей организаціи „Соціалистъ“ (декабрь 1900 г.). Констатируя, что „до послѣдняго времени рабочіе за исключеніемъ немногихъ, наиболѣе даровитыхъ, болѣе сознательныхъ товарищей очень смутно понимали необходимость борьбы за политическую свободу“, но что „съ теченіемъ времени рабочіе стали доходить до сознанія, что борьбу надо вести не съ одними капиталистами и не за одни экономическіе интересы“, что „безъ политической свободы, т. е. безъ права участія въ управленіи государствомъ черезъ выборныхъ представителей, безъ права союзовъ, собраній, свободы слова, печати, совѣсти, личности рабочіе не могутъ серьезно улучшить свое положеніе“, рабочая организація „Соціалистъ“ выражаетъ желаніе идти „на встрѣчу этому все растущему сознанію рабочихъ, исходя изъ убѣжденія, что рабочій классъ уже настолько силенъ, что въ недалекомъ будущемъ открыто выступитъ на борьбу за свои политическія права“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Союзъ въ декабрѣ говорилъ лишь „осторожно“ о борьбѣ противъ правительства, но съ другой стороны „Соціалистъ“ счелъ нужнымъ тоже быть осторожнымъ: „измѣненіе въ настроеніи рабочаго класса“ пріурочивается къ „послѣднему времени“, а начало борьбы за политическія права относится все же къ будущему, хотя и недалекому.

Всѣ эти перипетіи происходили въ декабрѣ 1900 года; поэтому не было ни преждевременнымъ, ни отсталымъ встрѣчать новый 1901 годъ надеждами, что онъ увидитъ въ Петербургѣ переходъ рабочаго движенія къ политической борьбѣ. И борьба началась въ „мартовскіе дни“. Для руководства ею была необходима единая организація, и созданіе ея, какъ мы видѣли, подготовлялось уже предшествующими событіями.

Въ предыдущемъ, третьемъ періодѣ (1897-1900) четыре группы одна за другой занимали первенствующую роль въ Петербургѣ: Союзъ Борьбы, Рабочая Мысль, Рабочее Знамя, Группа 20-ти. И если во второй періодъ, 94-97 г., замѣчается тенденція объединенія соціалдемократическихъ силъ въ единый Союзъ Борьбы, то третій періодъ 97-900 года наоборотъ характеризуется дробленіемъ организацій. Второй періодъ такъ ясенъ и простъ, онъ весь кажется на ладони; третій — представляетъ цѣлую мозаику мелкихъ фактовъ, цѣлую сѣть отдѣльныхъ эпизодовъ, которые я старался указать, но память не удерживаетъ всей ихъ пестроты,

мысль затрудняется уловить ихъ взаимную связь. Поэтому, второй періодъ представляется чѣмъ то свѣтлымъ, третій — чѣмъ то запутаннымъ, и хочется, чтобы новый періодъ былъ похожъ на второй, а не на третій. И все же третій періодъ былъ прогрессомъ, а не регрессомъ по отношенію ко второму. Конечно, если бы уже въ то время единая организація могла быть достаточно сильной, прочной и компетентной, чтобы отвѣтить на разносторонніе запросы уже развитого, осложнившагося петербургскаго рабочаго движенія — это было бы лучше всего. Но частые погромы выхватывали ежегодно десятки лицъ и не позволяли молодымъ политическимъ дѣятелямъ вооружиться опытомъ, развить разносторонній взглядъ и отвѣтить на запросы какъ самыхъ неподготовленныхъ слоевъ, такъ и тѣхъ, среди которыхъ уже началъ формироваться революціонный навыкъ. Эти задачи выполняли отдѣльныя группы. Оставалось только, чтобы эти группы поняли, что онѣ выполняютъ отдѣльныя задачи соціалдемократіи, и проявили стремленіе къ соединенію. Этого требовала сама логика вещей. Это завѣщали новому періоду прошлые годы.

Но такъ какъ тенденціи ни одной изъ существовавшихъ въ Петербургѣ организацій, выполнявшихъ спеціальныя функціи соціалдемократіи, не могли и не должны были исчезнуть, то это объединеніе могло произойти единственно лишь на основѣ демократическихъ организаціонныхъ принциповъ, обезпечивающихъ каждому теченію возможность развивать свои тенденціи. Эти организаціонные принципы, защищавшіеся въ третьемъ періодѣ Союзомъ Борьбы, были выдвинуты и защищались въ новой стадіи движенія „Рабочей Организаціей"; но она была побѣждена вновь возникшимъ теченіемъ „Искры".

Почему?

„Развитіе рабочаго движенія подъ знаменемъ соціалдемократіи дѣлало для рабочихъ все болѣе ощутительною потребность въ политическихъ правахъ. А такъ какъ эти права стоятъ по существу въ противорѣчіи съ самодержавнымъ режимомъ, то въ сознаніи рабочей массы низверженіе самодержавія становилось непосредственной, конкретной задачей борьбы. Такимъ образомъ, низверженіе самодержавія, которое всегда было программною задачею русской соціалдемократіи, выдвинутою всѣмъ ходомъ русской исторіи и завѣщанною прежнимъ революціоннымъ движеніемъ, теперь перешло изъ области соціалдемократической пропаганды въ область непосредственной революціонной борьбы."*)

Повсюду въ Россіи къ этому времени соціалдемократическое движеніе выдвинуло на очередь ту свою задачу, которая могла быть рѣшена единственно лишь объединенными усиліями всего пролетарьята Россіи, задачу низверженія самодержавія. Особенное вліяніе, поэтому, пріобрѣла группа „Искры", подхватившая эти выдвинутыя третьимъ періодомъ задачи и сдѣлавшая своимъ лозунгомъ объединеніе партіи и борьбу съ самодержавіемъ.

---

*) Инструкціи для редакціи Раб. Дѣла, сентябрь, 1901 г.

Но рабочее движеніе въ Росіи хотя уже было достаточно развито для того, чтобы соціалсдемократія могла поставить на очередь эту свою задачу, однако оно оказалось еще слишкомъ мало развитымъ для того, чтобы эта задача могла быть безъ уклоненія въ радикализмъ, правильно, съ пролетарской точки зрѣнія, разрѣшена. Принципъ организаціи и тактика группы Искры были упрощенными, заговорщицкими; они годились средней интеллигентской соціалдемократической группѣ въ Россіи, но не могли отвѣтить на запросы развитого движенія русскихъ рабочихъ такихъ передовыхъ центровъ, какъ Петербургъ или Екатеринославъ, такъ же, какъ и еврейскаго пролетарьята въ Польшѣ и Литвѣ. Поэтому, между тенденціями „Искры" и тенденціями такихъ чисто пролетарскихъ организацій, какъ Бундъ, Петербургская Рабочая Организація, „Старая" Екатеринославская Организація и ихъ теоретическій выразитель — Заграничный Союзъ, началась долгая борьба. Бундъ, какъ самая сильная пролетарская организація въ Россіи, отстоялъ свои тенденціи, хотя ему и пришлось для этого порвать съ партіей. Онъ дождется пятой стадіи нашего развитія, когда русское движеніе подымется до той высоты, на которой стоитъ теперь движеніе еврейскихъ рабочихъ; тогда справедливыя требованія Бунда будутъ удовлетворены нашей партіей. Петербургская же „Рабочая Организація", не успѣвшая развиться и окрѣпнуть, какъ Бундъ, невыдержала этой борьбы: соціалдемократическая интеллигенція, за весьма немногими исключеніями, перешла на сторону воззрѣній Искры, близкихъ ей въ силу тѣхъ историческихъ условій, при которыхъ возникла Искра, и которыя я отмѣтилъ въ предисловіи; передовое петербургское рабочее движеніе осталось безъ интеллигенціи. И такъ точно, какъ петербургская, были разрушены рабочія организаціи въ Кіевѣ, Екатеринославѣ и другихъ городахъ, а тогда долженъ былъ пасть, какъ надстройка, лишенная фундамента, и выразитель ихъ тенденцій, заграничный Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ.

Я не рѣшаюсь приступить теперь же къ описанію полной драматизма борьбы между искровской „организаціей профессіональныхъ революціонеровъ" и „Рабочей Организаціей" въ Петербургѣ: время это еще слишкомъ недавнее, документы къ нему относящіеся, еще такъ мало преданы гласности, еще такъ трудно отдѣлаться отъ субъективнаго чувства горечи и досады, которое вызываютъ событія нашей партійной жизни въ Петербургѣ. Но уже можно и должно указать на тотъ несчастный для соціалдемократіи фактъ, что и въ Петербургѣ не нашлось интеллигентныхъ силъ, которыя могли бы стать во главѣ его пролетарскаго движенія. День за днемъ интеллигентные служители Рабочей Организаціи покидали ее, не имѣя достаточно твердости, мужества и сознанія, чтобы удержаться на той высотѣ, на которую ихъ поставило высоко-развитое пролетарское движеніе Петербурга. Интеллигенты соціалдемократы - „середняки" не въ силахъ были противостоять среднему интеллигентскому теченію этой стадіи

развитія соціалдемократическаго движенія въ Россіи: одни поддались вліянію радикализма, такъ сильно окрасившаго Искру, другіе сознательно отступили въ борьбѣ за демократическія тенденціи ради идеи объединенія партіи.*)

Петербургскій пролетаріатъ остался безъ помощи со стороны интеллигенціи. Нѣтъ больше прокламацій, листковъ или газеты, выражающихъ его настроеніе, его сознаніе, его волю! Его духовная работа опять совершается внутри его, скрытно, стихійно! Что таитъ въ себѣ онъ? Какъ и когда взрывомъ, неожиданнымъ для враговъ и для друзей, проявится снова его мощная сила, которая незамѣтно и непрестанно накопляется въ немъ?

---

*) „Россійская соціалдемократія“ (періода Искры! В. А.) „является продуктомъ революціоннаго движенія интеллигенціи, искавшей во имя соціализма опору въ народныхъ массахъ, чтобы — *объективно* говоря — разрѣшить буржуазно-революціонную задачу.“ П. Аксельродъ. Искра, № 68. „Мы имѣли бы“ (если бы исполнился планъ Искры! В. А.) „революціонную политическую организацію демократической буржуазіи, ведущую за собой, въ качествѣ боевой арміи рабочія массы Россіи. А для завершенія своей злой ироніи, исторія, пожалуй, поставила бы намъ во главѣ этой буржуазно-революціонной организаціи“ (т. е. искровской! В. А.) „не просто соціалдемократа, а самаго что ни на есть ортодоксальнаго (по его происхожденію) марксиста“. Аксельродъ. Искра, № 57, стр. 4, столб. 3.

КІЕВЪ.

I.

Подъ вліяніемъ западно-европейской литературы соціалдемократическія идеи возникли почти одновременно въ различныхъ концахъ Россіи среди соціалистовъ. „Марксъ открылъ внутреннія причины историческаго движенія человѣчества; оставалось только взглянуть съ его точки зрѣнія на русскія общественныя отношенія,—писалъ Плехановъ въ примѣчаніи къ стр. 79 „Л. Фейербаха“. — Это и сдѣлали соціалдемократы, часто совершенно независимо одинъ отъ другого приходившіе къ однимъ и тѣмъ же взглядамъ на русскую жизнь“. И дѣйствительно; уже въ концѣ 80-ыхъ годовъ и въ самомъ началѣ 90-ыхъ мы находимъ маленькіе кружки лицъ, желавшихъ стать на точку зрѣнія марксизма, въ Петербургѣ, Дерптѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Москвѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани и Одессѣ. Затѣмъ, черезъ посредство отдѣльныхъ лицъ движеніе было занесено въ Харьковъ, Кіевъ, Саратовъ, Уфу, Екатеринославъ, Елизаветградъ, Самару и наконецъ растеклось по всей Россіи.

Въ Кіевъ пріѣхалъ въ 88 году изъ Минска докторъ Абрамовичъ и поступилъ слесаремъ въ мастерскія желѣзной дороги съ цѣлью завязать сношенія съ рабочими; вмѣстѣ съ вернувшимся изъ ссылки Соколовымъ и четырьмя минскими рабочими онъ скоро успѣлъ съорганизовать около 30 рабочихъ, преимущественно слесарей желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и наборщиковъ, и устроилъ тайную библіотеку. Аресты въ Августѣ 89 года разрушили эту первую соціалдемократическую организацію въ Кіевѣ.

Въ это время въ Кіевѣ существовала малорусская организація школы Драгоманова, имѣвшая большое вліяніе на студенчество и воспитавшая многихъ будущихъ соціалдемократовъ, а также группа польскихъ соціалистовъ, выдѣлившая впослѣдствіи много соціалдемократическихъ мѣстныхъ дѣятелей. Приходится отмѣтитъ здѣсь также и существованіе позорной памяти Фокинской „Организаціи Радикаловъ“, потому что среди опутанныхъ ею молодыхъ людей было нѣсколько будущихъ соціальдемократовъ.

Съ этихъ различныхъ сторонъ выдѣлилась уже въ 91 году маленькая группа лицъ, называвшихъ себя соціальдемократами; ей пришлось заново искать связей съ рабочими, а для подготовки товарищей сгруппировать нѣсколько студенческихъ куржковъ. Дѣло велось очень конспиративно, а потому довольно многочисленные аресты начала 90-ыхъ годовъ не затронули этой группы.

и она преемственно связана со всѣми позднѣйшими кіевскими соціалдемократическими организаціями. Къ 94-му году пропаганда и организація приняли систематическій характеръ, сохраняя всѣ типичныя черты кружковщины. Даже въ 95 году, когда уже устное слово не могло удовлетворять спросу на пропагандистовъ, и признано было необходимымъ въ широкихъ размѣрахъ прибѣгнуть къ нелегальной литературѣ, система осталась еще старой, замкнутой кружковой пропаганды. Лѣтомъ 95 года, когда въ Кіевъ заѣхало нѣсколько виленчанъ, кіевскіе товарищи горячо спорили противъ агитаціи, доказывая ея невозможность по конспиративнымъ условіямъ. — Работа въ кружкахъ велась совершенно такъ же, какъ въ Петербургѣ, какъ въ Вильнѣ, и потому здѣсь нѣтъ надобности подробно останавливаться на ея методахъ.

II.

Но жизнь шла въ Кіевѣ на встрѣчу идеямъ, ею самою подсказаннымъ въ болѣе передовыхъ центрахъ рабочаго движенія. Рядъ стачекъ, происшедшихъ въ теченіе 96 года, позволилъ и заставилъ кіевскихъ товарищей перейти къ новой тактикѣ петербуржцевъ.

Какъ на первую „стачку" въ Кіевѣ, указываютъ на волненіе рабочихъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ осенью 94 года, въ сущности не дошедшее до забастовки вслѣдствіе уступки со стороны управленія мастерскихъ. Вторую уступку управленію пришлось сдѣлать въ январѣ 95 года. Въ это время появилось первое „Письмо къ товарищамъ", касавшееся лишь экономическихъ нуждъ тамошнихъ рабочихъ. Далѣе отмѣчаютъ броженіе на машиностроительномъ заводѣ Графа; всего до февраля 96 года извѣстно 6 эпизодовъ борьбы, изъ которыхъ одинъ только привелъ къ кратковременной забастовкѣ.

Но одновременно съ этимъ возникло движеніе ремесленнаго пролетаріата, главнымъ образомъ еврейскаго. Въ ноябрѣ 95 года стачка 150 портныхъ и передъ нею 25 обойщиковъ открыли кампанію. Затѣмъ слѣдуетъ неудачная стачка 25 сапожниковъ. Въ февралѣ 96 года, по поводу стачки въ мастерской портного Кравца, выпущено было второе „письмо къ товарищамъ" также экономическаго характера. Въ мартѣ полиція впервые вмѣшалась въ стачку 19 портныхъ у Людмера; было арестовано двое рабочихъ. Это были первыя жертвы возникавшаго рабочаго движенія; но 20-го іюня ихъ было уже 11, къ концу года — 30. Тотчасъ послѣ стачки у Людмера появилось третье „письмо къ товарищамъ", очень талантливо написанное и выяснявшее тѣсный союзъ между правительствомъ и капиталистами. Но въ немъ не говорилось, что надо начать борьбу съ правительствомъ, а лишь заявлялось, что борьба будетъ вестись *не смотря на* насилія правительства (см. это письмо въ „Листкѣ Работника" № 5).

Весенніе аресты выхватили пять рабочихъ изъ мастерскихъ кіевской конки, одного изъ паровозныхъ мастерскихъ, одного наборщика, двухъ портныхъ и нѣсколькихъ интеллигентовъ въ томъ числѣ, оказавшаго огромныя услуги движенію, умершаго въ ссылкѣ отъ чахотки Ювеналія Мельникова. Но аресты уже не могли остановить работу,—она и ея характеръ продолжали развиваться.

Уже изъ вышеописаннаго видно, что характеръ работы измѣнялся отъ чистой кружковщины къ агитаціи на почвѣ экономическихъ интересовъ. Петербургскія стачки лѣтомъ 96 года именно поэтому произвели въ Кіевѣ сильное впечатлѣніе и окончательно санкціонировали новую тактику — второй фазисъ въ развитіи кіевскаго движенія.

Замѣчательно, что и здѣсь кружковые рабочіе отнеслись къ новшествамъ такъ же враждебно, какъ и въ Вильнѣ и въ Петербургѣ. „Прихожу я, разсказываетъ одна участница работы 96-97 годовъ, товарищъ Э., къ одной работницѣ и застаю ее въ слезахъ; спрашиваю о ея горѣ. Пришли къ ней ея знакомые, бывшіе кружковые рабочіе, и начали подсмѣиваться надъ нею, что она, не пройдя кружкового искуса, принялась сама за проповѣдь: „что же? Васъ превратили въ скороспѣлую соціалдемократическую агитаторшу? Надо бы Вамъ и самой еще немного позаняться!“

Впрочемъ, переходъ къ новой тактикѣ повсюду породилъ опасенія и сомнѣнія. Въ Иваново-Вознесенскѣ въ октябрѣ 95 г. произошла грандіозная стачка рабочихъ на ткацкой мануфактурѣ. „Къ сожалѣнію, читаемъ мы въ Иваново-Вознесенскомъ отчетѣ, мѣстная соціалдемократическая организація, незадолго передъ тѣмъ понесшая большой уронъ, еще не успѣла къ этому времени оправиться и потому не могла принять широкаго участія въ стачкѣ (стр. 14). Возникли горячіе споры по вопросу, принять или нѣтъ участіе въ стачкѣ; но въ концѣ концовъ, въ виду слабости организаціи, рѣшено было воздержаться отъ участія въ стачкѣ; выступленіе же съ прокламаціями, полагали тогда, можетъ повести къ разгрому еще не окрѣпшаго Рабочаго Союза“. Но изъ другого мѣста того же отчета (стр. 23) мы узнаемъ, что, наоборотъ, дѣла въ это время у организаціи шли отлично, и отъ участія въ стачкѣ товарищи воздержались по причинамъ принципіальнаго характера. „Слабость“ организаціи, очевидно, была только относительная; на 13 страницѣ отчета сказано, что къ этому времени „публика ободрилась и оживилась, число участниковъ все увеличивалось, собранія были многолюдны и оживленны.“

Въ Харьковѣ „успѣхи соціалдемократической *пропаганды* за 96 и 97 года были незначительны. Только среди ремесленниковъ и типографскихъ рабочихъ пропаганда дѣлала болѣе значительные успѣхи. Привлеченная, крайне немногочисленная молодежь (изъ рабочихъ), не отрицая цѣлесообразности агитаціи въ теоріи, находила, что пока агитаціи нѣтъ мѣста въ Харьковѣ.“ *)

*) См. отчетъ о движеніи въ Харьковѣ. Всѣ цитируемые здѣсь отчеты изданы „Союзомъ русскихъ соціалдемократовъ заграницей“ и

Нѣсколько неожиданнымъ кажется утвержденіе относительно Одессы, что „уже къ концу 93 г. среди рабочихъ кружковъ начала возникать мысль о переходѣ отъ кружковой пропаганды къ массовой агитаціи, была даже мысль, живо поддержанная рабочими, о всеобщей стачкѣ матросовъ, кочегаровъ и машинистовъ“ (Отчетъ стр. 7). Но, вѣроятно, это была мыслъ отдѣльныхъ лицъ. Поэтому то аресты 28 января 94 года (Нахамкисъ, Копелюшъ и др.) разстроили все дѣло, при чемъ періодъ массовой агитаціи движеніе въ Одессѣ пережило только съ начала 99 года. Впрочемъ, это предположеніе подтверждается и другимъ мѣстомъ того же отчета (стр. 15): „Періодъ былъ тогда (92-93 г.г.) не агитаціонный, а пропагандистскій. Объ агитаціи начинали лишь помышлять и то только самые дальновидные“.

Я привелъ факты, когда товарищи робко и осторожно переходили какъ къ чему то новому, къ тѣмъ методамъ борьбы, которые въ это время въ другихъ центрахъ движенія были уже обычными. Но еще интереснѣе наблюдать, какъ въ одномъ и томъ же городѣ одни слои уже достигали высокаго уровня политическаго воспитанія, другіе же еще нуждались въ элементарныхъ урокахъ. Минскъ принадлежитъ къ числу городовъ, гдѣ движеніе развилось наиболѣе рано. Тамъ давно существуетъ комитетъ Бунда, и издавался мѣстный органъ „Минскій рабочій“. Но христіане-рабочіе до послѣдняго времени почти не были затронуты движеніемъ. Вотъ что сообщалось изъ Минска отъ іюля 1900 года въ № 10 кіевской газеты „Впередъ“: „16 апрѣля вечеромъ были разбросаны гектографированныя прокламаціи Минскаго комитета Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи. Листки эти, объясняя рабочимъ значеніе 1-го мая, какъ праздника борьбы за улучшеніе *экономическаго* положенія, призывали всѣхъ „мастеровыхъ-чернора-

---

были присланы Союзу, какъ матеріалъ для доклада Парижскому Интернаціональному Конгрессу. Союзъ приложилъ особыя старанія, чтобы привлечь комитеты партіи къ самому активному участію въ конгрессѣ. Ранней весною 1900 г. былъ спеціально для этого посланъ въ Россію членъ Союза, тов. Г., хотя время это и признавалось очень неудобнымъ и рискованнымъ для поѣздки. Союзъ настаивалъ, чтобы комитеты прислали непосредственно своихъ делегатовъ на съѣздъ и прислали заранѣе свои доклады для напечатанія. Въ высшей степени типично и характерно, что къ Амстердамскому Конгрессу, наоборотъ, комитеты не были привлечены. Совѣтъ рѣшилъ, что онъ самъ будетъ представлять партію на конгрессѣ. Ни одинъ искровскій комитетъ—ни большинства, ни меньшинства — не прислалъ ни делегатовъ, ни отчетовъ, ни даже мандатовъ. Делегатъ и мандатъ былъ посланъ только отъ анти-искровскаго Воронежскаго комитета; но делегація не утвердила его, при чемъ вела себя незаконно и недостойно. Здѣсь не мѣсто это доказывать, но если делегація найдетъ это мое утвержденіе невѣрнымъ, пусть она потребуетъ отъ меня доказательства.

бочихъ“ объединиться для того, чтобы отвоевать себѣ лучшую жизнь. Политическихъ требованій выставлено не было, такъ какъ минскіе рабочіе-христіане еще недостаточно подготовлены къ этому: прокламаціи на русскомъ языкѣ въ этомъ году появились у насъ впервые.“

Но всего характернѣе отчетъ о Николаевскомъ движеніи, написанный въ 1900 году. Къ этому времени въ Николаевѣ рабочее движеніе находилось на той стадіи, которую переживало оно въ Кіевѣ въ концѣ 96 года, въ Москвѣ въ началѣ 96 года, въ Иваново-Вознесенскѣ въ концѣ 95 года, въ Петербургѣ въ началѣ 95 года и въ Вильнѣ въ концѣ 93 года, т. е. переходило отъ пропаганды къ агитаціи на почвѣ мелкихъ нуждъ и потребностей, доступныхъ пониманію совершенно невоспитаннаго въ политическомъ отношеніи рабочаго. Но авторъ Николаевскаго отчета, повидимому, цѣликомъ поглощенный мѣстной работой и, очевидно, совершенно незнакомый съ развитымъ уже движеніемъ болѣе передовыхъ центровъ, возводитъ въ теорію пріемы мѣстной работы, говоритъ о вредѣ организаціи и даже концентраціи матеріальныхъ средствъ стачечнаго фонда, о невозможности обращаться къ рабочему иначе, какъ по поводу „злободневныхъ интересовъ“. Эта проповѣдь политической умѣренности подкупаетъ, однако, своей искренностью и наивностью и объясняется вполнѣ не только молодостью хроникера, но и молодостью самого движенія въ Николаевѣ. Въ это время, какъ я покажу ниже, дѣятели „третьяго періода“ уже вели горячую агитацію за организаціонное объединеніе партіи и за выработку методовъ массовой политической борьбы. Но товарищи, стоявшіе еще на болѣе раннихъ стадіяхъ развитія, не могшіе посмотрѣть на тактику своей дѣятельности лишь какъ на стадію развитія движенія, долженствующую привести къ постановкѣ на очередь иныхъ, болѣе широкихъ задачъ партіи, товарищи, бывшіе безсознательными, инстинктивными сторонниками тактики третьяго періода, не только не откликнулись на призывъ къ объединенію силъ и къ политической борьбѣ, но они даже не слышали его. Недостаточно имѣть уши, чтобы слышать. Когда же развитіе движенія подняло ихъ, они стали способны услышать этотъ призывъ и даже откликнулись на него. И тогда имъ показалось, что Группа Искры сказала новое слово. Что они присоединились къ Искрѣ, это было *для нихъ* большимъ шагомъ впередъ. Но то, что они не могли миновать стадію искризма, „четвертаго періода“, не могли перескочить въ стадію, когда организаціонная и политическая задачи партіи будутъ разрѣшены на основѣ тѣхъ пролетарскихъ тенденцій, которыя характеризовали „третій періодъ“, это только подтверждаетъ непреоборимую силу, съ которою подчиняла себѣ каждая стадія движенія даже такъ называемыхъ интеллигентовъ. Движеніе развивалось стадіями; оно не могло развиваться иначе; сознательные соціалдемократы, кругозоръ которыхъ — благодаря индивидульнымъ условіямъ ихъ политическаго воспитанія — былъ достаточно широкъ, *должны* были считаться съ этимъ и сознательно вести движеніе

этимъ путемъ; тогда переходъ отъ одной стадіи къ другой былъ бы быстрымъ и безболѣзненнымъ. — Если бы я попалъ теперь въ Турцію, гдѣ нѣтъ соціалдемократическаго движенія, я не примкнулъ бы къ „младотуркамъ", ведущимъ политическую борьбу. Я сталъ бы устраивать „кружки" рабочихъ. И когда въ кружкахъ я воспиталъ бы хоть нѣсколько десятковъ турецкихъ товарищей, я бы сталъ убѣждать ихъ перейти къ массовой агитаціи на почвѣ экономическихъ интересовъ рабочаго класса... Послѣ этого „младотурки" проявили бы такую энергію, какъ въ настоящее время русскіе земцы, и мы бы общими силами раздѣлались съ Абдулъ Гамидомъ.

Возвратимся, однако, къ Кіеву.

Съ перемѣной тактики въ Кіевѣ, какъ и въ Петербургѣ, какъ и въ Вильнѣ, какъ и повсюду, пришлось измѣнить и организацію: наряду съ организаціей революціонеровъ пришлось создать демократическую организацію рабочихъ.

Кромѣ той соціалдемократической группы, о которой говорилось выше, и которая была извѣстна подъ именемъ „русской", въ это время въ Кіевѣ была еще „польская" соціалдемократическая группа, которая тоже имѣла широкія связи съ рабочими. Уже съ осени 96 начинаются переговоры о сліяніи этихъ группъ. Первое собраніе было въ лѣсу. На немъ было 5 интеллигентовъ и человѣкъ 10 рабочихъ, но оно ни къ чему не привело, потому что „русская" группа стояла за агитацію, а „польская", состоявшая въ это время уже далеко не изъ однихъ поляковъ, за кружковщину.

Тогда „русская" группа назвала себя группой „Рабочаго Дѣла" и начала издавать газету „Впередъ".*) № 1 вышелъ въ январѣ 97 года (помѣченъ 8 декабря 96 года) на гектографѣ; вскорѣ за тѣмъ № 2, уже на миміографѣ. Прокламаціи, начавшія выходить съ конца 96-го года, теперь появлялись систематически. Въ 97 году ихъ было распространено $6^1/_2$ тысячъ на 25 фабрикахъ и заводахъ.

Успѣхъ новой тактики убѣдилъ ея противниковъ и въ маѣ, наконецъ, произошло давно желанное сліяніе кіевскихъ соціалдемократическихъ группъ; былъ выработанъ уставъ новой организаціи въ высшей степени типичный для этой стадіи развитія движенія.

Членами организаціи считались члены обѣихъ группъ, но они собирались порознь по конспиративнымъ условіямъ. Рѣшенія свои они сообщали другъ другу. Надъ ними стояла администрація, состоявшая изъ пяти членовъ: 4 избирались группами по

---

*) Не безъинтересно здѣсь отмѣтить, что девизъ „Рабочее Дѣло" совершенно независимо и самостоятельно былъ выставленъ соціалдемократическими организаціями „третьяго періода" и въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ, и, впослѣдствіи, заграницей. „Четвертый періодъ" даже въ именахъ своихъ изданій постарался отграничить себя отъ „чисто рабочаго" дѣла.

два отъ каждой; какъ избирался пятый, мнѣ неизвѣстно, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, кооптаціей. Рядомъ съ комитетомъ, но совершенно отдѣльно отъ него, стоялъ „Рабочій Комитетъ". Онъ былъ организованъ демократически, т. е. состоялъ изъ выборныхъ отъ рабочихъ кружковъ. Онъ пригласилъ къ себѣ на собранія какъ представителя соціалдемократическаго комитета, такъ и представителя соціалистовъ-революціонеровъ, но послѣдніе почему то отказались явиться. Такимъ образомъ, „Рабочій комитетъ" и „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса" были совершенно самостоятельными организаціями. Прокламаціи выходили за подписью „Рабочаго Комитета", и онъ ревниво охранялъ это свое право, Союзъ же ставилъ на нихъ свой штемпель, или же указывалось, что прокламаціи изданы Союзомъ.

Объединеніе имѣло самые благопріятные результаты и дѣятельность кіевскихъ товарищей лѣтомъ 97 года становится особенно оживленной. Былъ устроенъ цѣлый рядъ лекцій по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи и заграницей. Лекціи читались въ лѣсу; собиралось человѣкъ 60-80; на участниковъ онѣ произвели большое впечатлѣніе, и память о нихъ живетъ до сихъ поръ. Запросъ на литературу сильно увеличился, требованія на нее приходили и изъ другихъ городовъ — Екатеринослава, Николаева, Ростова. Союзъ выдѣлилъ изъ себя литературную группу, которая писала прокламаціи, а въ іюлѣ приступила къ изданію „Рабочей Газеты".

Съ 97 годомъ оканчивается въ Кіевѣ второй періодъ развитія движенія, періодъ экономической агитаціи, когда въ агитаціи, т. е. „въ призывахъ къ дѣйствію", т. е. въ прокламаціяхъ выставлялись исключительно одни только экономическія требованія. Ошибочно думать, что въ это время не велась антиправительственная дѣятельность. Наоборотъ: сознательно и намѣренно, планомѣрно воспитывалась масса рабочаго класса для классовой, т. е. и политической борьбы. Кіевскіе товарищи пользовались каждымъ случаемъ, чтобы разъяснить рабочимъ истинную природу самодержавія, чтобы зародить ненависть къ нему, чтобы разбудить въ рабочихъ чувство собственнаго достоинства и классового сознанія. Какъ близоруки тѣ, кто теперь, когда агитація экономистовъ оказалась вполнѣ цѣлесообразной, насмѣхаются надъ кропотливою и потому „скучною" работою первыхъ шаговъ! А тогдашніе работники революціоннаго дѣла терпѣливо сознавали эту кропотливость. „Такъ вотъ, понемногу и помаленьку кіевскіе рабочіе научаются бороться со своими притѣснителями"... говорится въ одной прокламаціи въ ноябрѣ 96 года по поводу стачки одиннадцати рабочихъ въ ихъ борьбѣ за *тринадцатичасовой* рабочій день! И какъ вѣетъ отъ этихъ словъ тоскливымъ сознаніемъ медленности работы и прямо таки геройскимъ терпѣніемъ. „..Хоть это будетъ и небольшая побѣда, продолжаетъ прокламація, но въ началѣ нашей борьбы мы дорожимъ и маленькими побѣдами. Первый шагъ всегда труденъ." Товарищи эти, конечно, не пред-

чувствовали, что черезъ нѣсколько лѣтъ прійдетъ Нарциссъ Тупорыловъ и станетъ издѣваться надъ этими ихъ словами.

Цѣлый радъ прокламацій выпущенъ былъ по поводу спеціальныхъ „экономическихъ“ требованій у Графа (ноябрь 96) ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ по поводу стачки въ мастерскихъ о-ва пароходства по Днѣпру (январь 97), на заводѣ Шиманскаго (29 апрѣля 97), на табачной фабрикѣ Эгиза (май 97), на мебельной фабрикѣ Кимаера (май 97), на корсетной фабрикѣ Дюртуа (май 97), въ слесарной мастерской Кримаера (20 іюля 97), къ работницамъ папиросной фабрики (5 іюля 97), на машиностроительномъ заводѣ Греттера и Криванека (май 97), къ рабочимъ городской желѣзной дороги (3 ноября 97), на машиностроительный Днѣпровскій заводъ (декабрь 97), машиностроительный заводъ Зарембскихъ (декабрь 97) и, вѣроятно, другія, которыхъ я не имѣю.

Это показываетъ, какую широкую дѣятельность позволила развить соціалдемократамъ ихъ новая тактика; но кромѣ этихъ прокламацій, выпущенныхъ спеціально по поводу экономическихъ интересовъ, были и другія. Однажды мастеръ ударилъ рабочаго въ мастерскихъ желѣзной дороги. 28 августа по этому поводу была выпущена прекрасная прокламація. Въ клубѣ мастеръ велѣлъ выйти изъ буфета рабочему-музыканту и, когда тотъ не послушался, побилъ его. Прокламація отъ 9 іюля призываетъ рабочихъ защищать свое достоинство и выясняетъ всю гнусность этого поступка; она написана горячо и сильно.

Еще болѣе ошибочно, будто „экономисты“ не касались вопроса о правительствѣ. Напротивъ, они прямо писали о томъ, что оно — врагъ рабочихъ, но по смыслу всѣхъ прокламацій этого періода выходило, что надо бороться съ капиталистами, не смотря на поддержку ихъ правительствомъ, и не говорилось о борьбѣ съ самимъ правительствомъ.

Майская прокламація кончалась общимъ выраженіемъ: „Да здравствуетъ 1-ое мая—всемірный праздникъ рабочихъ! Да здравствуетъ борьба за свободу и счастье“.

530 рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ отпраздновали Первое мая, отказавшись работать въ этотъ день. Объ этомъ была выпущена прокламація, въ которой говорилось: „Заграницей рабочіе борются противъ своихъ враговъ — фабрикантовъ и правительствъ“. „Рабочіе — всѣ братья; у всѣхъ у нихъ одни враги притѣснители: фабриканты и ихъ защитники“. „Противъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ оказалось безсильно и желѣзнодорожное, и полицейское начальство“. „Будемъ же готовиться сами и готовить нашихъ менѣе сознательныхъ товарищей къ майскому празднику“.

Точно также „письмо по поводу закона 2 іюня 97 года“, выпущенное двумя изданіями (второе 1-го ноября 97 года), отличается тѣми же двумя чертами: оно явственно и рѣзко враждебно правительству, но въ немъ отсутствуетъ хотя бы намекъ на то, что надо бороться за установленіе иного, конституціоннаго или республиканскаго правительства.

„...И вотъ тотъ самый министръ, который годъ тому назадъ

не допускалъ даже мысли о какой нибудь уступкѣ рабочимъ, собираетъ теперь коммиссію для выработки закона! А государь императоръ! Вѣдь, это онъ въ 95 году объявилъ свое ‚царское спасибо‘ солдатамъ, стрѣлявшимъ въ рабочихъ во время стачки въ Ярославлѣ... И тотъ самый Николай II, который благодарилъ солдатъ за пролитую кровь рабочихъ, теперь высочайше утверждаетъ законъ объ ограниченіи рабочаго дня!“ Дальше прокламація разъясняетъ, что это все потому, что петербургскіе ткачи дружно и смѣло вели борьбу съ хозяевами и призыветъ къ тому же кіевскихъ рабочихъ.

Но кромѣ этихъ агитаціонныхъ изданій „Кіевскаго Союза“ за этотъ періодъ мы имѣемъ одинъ въ высшей степени интересный документъ, принципіально обосновывавшій охарактеризованную мною тактику. Я имѣю въ виду „Письмо къ сознательнымъ рабочимъ“, выпущенное по поводу смерти Вѣтровой. 17 марта, въ четвергъ, кіевскіе „Соціалисты-Революціонеры“ призывали рабочихъ въ воскресенье на демонстрацію. „Кіевскіе рабочіе! говорилось въ ихъ прокламаціи, почтите и вы память одного изъ друзей рабочаго дѣла... русское правительство тысячами ссылаетъ соціалистовъ въ Сибирь, заживо погребаетъ ихъ въ тюрьмахъ, и все же правое дѣло соціалистовъ растетъ. Кіевскіе рабочіе! Надъ русской землей все тяготѣетъ позорное ярмо царскаго произвола, будемъ бороться за правду и свободу. Долой деспота! Долой позорное ярмо царской власти!“*)

Такимъ образомъ, демонстрація въ Кіевѣ была назначена, и соціалдемократы были вынуждены высказаться опредѣленно на этотъ счетъ. Но и тутъ они не рѣшились говорить на эту тему со всѣми рабочими и въ прокламаціи, помѣченной 20 марта, обратились „къ сознательнымъ рабочимъ“, т. е. только къ спропагандированнымъ. Вотъ что они писали: „Трагическая судьба Маріи Вѣтровой, покончившей съ собою, благодаря безчеловѣчному обращенію русскихъ жандармовъ, вызвала, конечно, ваше общее сочувствіе и проклятіе царскому правительству, наложившему ярмо рабства на русскій народъ. Ярмо царскаго деспотизма давитъ насъ,

---

*) Это не была случайная прокламація. Соціалисты-Революціонеры высказывались въ томъ же духѣ и раньше — по поводу годовщины 1-го марта, и позже по поводу ихъ неудавшейся манифестаціи. Такимъ образомъ, и въ Кіевѣ, какъ и въ Петербургѣ, въ то время, какъ начали появляться экономическія прокламаціи соціалдемократовъ, появлялись также и политическія прокламаціи; но они принадлежали несоціалдемократамъ, и полная неудача организацій, выпустившихъ эти прокламаціи, такъ же ярко свидѣтельствуетъ о невозможности въ то время вести агитацію на почвѣ чисто политическихъ интересовъ, какъ, наоборотъ, *политическій* характеръ, который такъ скоро приняло рабочее движеніе въ Россіи подъ руководствомъ „экономистовъ“-соціалдемократовъ свидѣтельствуетъ о раціональности ихъ метода дѣятельности.

рабочихъ особенно сильно: лишая насъ права союзовъ, сходокъ, свободы слова, оно дѣлаетъ для насъ въ высшей степени трудной борьбу съ нашими непосредственными врагами — классомъ капиталистовъ. Вотъ почему рабочій классъ никогда не дойдетъ до окончательной побѣды, не сокрушивъ предварительно силы царскаго правительства. Но какъ ее сокрушить? Приблизимся ли мы хоть сколько нибудь къ побѣдѣ тѣмъ, что примемъ участіе въ предполагаемой демонстраціи? Мы убѣждены, что не только не приблизимся, но отдалимся". „Пусть рабочіе сами почувствуютъ и поймутъ, что правительство мѣшаетъ имъ бороться, тогда они сдѣлаются сознательными сторонниками политической борьбы; пусть они пройдутъ необходимую школу борьбы экономической и тогда зовите ихъ на политическую борьбу. Но теперь, когда они этой школы не прошли..." неудачная манифестація можетъ ихъ оттолкнуть отъ движенія, а если бы она даже и удалась, то не произведетъ впечатлѣнія, какъ чуждое рабочимъ дѣло.

Были ли въ принципѣ правы кіевскіе товарищи? Думаю, что да. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ самыхъ крайнихъ противниковъ „экономистовъ"—Плехановъ говорилъ въ 1901 году (Заря № 1): „Я безусловно настаиваю только на необходимости политической борьбы, вопросъ о ея пріемахъ всегда былъ и остается для меня вопросомъ цѣлесообразности". Это же самое говорятъ и „экономисты" 97 года: „Рабочій классъ никогда не дойдетъ до окончательной побѣды, не сокрушивъ предварительно силу царскаго правительства". „Нужно сдѣлать рабочихъ сознательными сторонниками политической борьбы". И затѣмъ они спрашиваютъ, какъ заднимъ числомъ и Плехановъ совѣтовалъ „экономистамъ" спрашивать: цѣлесообразно ли для этого устроить манифестацію? и отвѣчаютъ: „нѣтъ, не цѣлесообразно".

Можетъ быть, они въ этомъ рѣшеніи вопроса о цѣлесообразности ошибались? Если бы это было даже такъ, то это не было бы принципіальной ошибкой, позволяющей причислить тогдашнихъ кіевскихъ товарищей къ особому теченію соціалдемократіи, а лишь практической ошибкой. Но надо сказать, что въ то время было общимъ убѣжденіе, что демонстраціи еще невозможны. Такъ думалъ и Плехановъ въ его статьѣ въ майскомъ листкѣ 1898 года и Аксельродъ въ его письмѣ въ редакцію „Рабочаго Дѣла" въ декабрѣ 1899 года. *)

Въ главѣ о Петербургѣ я показалъ, что члены группы Искра были на соотвѣтствующей стадіи развитія движенія типичными экономистами. Описаніе дѣятельности кіевскихъ „экономистовъ" показываетъ, что будущіе основатели Искры даже среди русскихъ „экономистовъ" были ультра-экономистами! Du glaubst schieben, und du bist geschoben! — Ты думаешь, что ты создаешь событія, а между тѣмъ они тебя создали!

---

*) Въ моемъ докладѣ второму съѣзду я цитирую эти строки Плеханова и Аксельрода.

III.

Выпустивъ № 1 Рабочей газеты, осенью 1897 года, кіевская соціалдемократическая группа послала своего делегата заграницу, чтобы просить помощи у Группы Освобожденіе Труда и подѣлиться съ нею своими мнѣніями. По словамъ доклада кіевскаго комитета второму съѣзду Партіи, „давая отчетъ о своей поѣздкѣ, делегатъ отмѣтилъ, что члены Союза Русскихъ Соціалдемократовъ (стараго союза) не придали попыткѣ большого значенія: номеръ былъ лишь просмотренъ... Впрочемъ делегату было обѣщано содѣйствіе. Но присланныя для № 2 двѣ статьи (о нихъ упоминаетъ и Ленинъ) редакція признала слишкомъ умѣренными, и въ газетѣ онѣ помѣщены не были“.*)

Такимъ образомъ, Группа Освобожденія Труда оказалась тогда болѣе осторожною, чѣмъ „экономисты“, и находила нужнымъ идти еще болѣе „медленнымъ шагомъ“. Чѣмъ можетъ быть объяснено это странное обстоятельство? Только тѣмъ, что ко времени выхода № 2 „Рабочей Газеты“ кіевское движеніе вступило въ слѣдующую стадію своего развитія, Группа же Освобожденія Труда, рѣшившись оказать поддержку кіевлянамъ, очевидно считалась со старымъ направленіемъ, ей несимпатичнымъ, и приноравливала свои статьи къ „духу времени“.

Со мною, конечно, многіе не согласятся, когда я называю „экономизмомъ“ періодъ времени (для Кіева) до 98 года. Принято утверждать, наоборотъ, что въ 98 году только начался „экономизмъ“. Я позже покажу, насколько это ошибочно по отношенію къ Кіеву, какъ я это показалъ уже по отношенію къ Петербургу, теперь же я долженъ указать, что Группа Освобожденія Труда видѣла экономизмъ въ русскомъ движеніи гораздо раньше 98-го года.

Плехановъ совершенно справедливо говоритъ въ первой книжкѣ Зари, что основы „экономизма“ были изложены уже въ брошюрѣ „Объ агитаціи“. „Логика этой брошюры“, пишетъ онъ,

*) Ленинъ говоритъ въ „Что дѣлать“ о двухъ письмахъ Аксельрода, впослѣдствіи вышедшихъ особой брошюрой „Къ вопросу о задачахъ и тактикѣ русскихъ соц.-дем.“. Это ошибка. Изъ напечатанныхъ тамъ писемъ только одно предназначалось для Рабочей Газеты. Оно посвящено спеціально политическимъ задачамъ партіи. Каковы были статьи, о которыхъ говоритъ докладъ, мнѣ неизвѣстно. Я довѣряю словамъ доклада потому, что онъ составленъ, видимо, очень свѣдущимъ лицомъ и при томъ, хотя и очень пристрастенъ, но отнюдь не въ пользу кіевлянъ, а какъ разъ въ пользу Гр. Осв. Тр. Кромѣ того, случай этотъ является „обыкновенной исторіей“ въ жизни Гр. Осв. Тр.

„ясна и недвусмысленна: чисто экономическая агитація не только возможна, но прямо обязательна въ теченіе цѣлыхъ двухъ ‚фазисовъ' нашего рабочаго движенія. И пока не кончились эти ‚фазисы', существованіе у насъ чисто экономическаго направленія не только возможно, но вполнѣ законно и очень желательно.“ (Съ точки зрѣнія брошюры „Объ агитаціи“). (Заря, № 1, стр. 11).

Между тѣмъ, брошюра „Объ агитаціи“ появилась въ Вильнѣ въ началѣ 94 года. Согласно логикѣ „этой брошюры“ наши товарищи перешли къ агитаціи на экономической почвѣ въ Петербургѣ въ 95 году, въ Кіевѣ въ 96; въ 97 году П. Б. Аксельродъ могъ уже заявить, въ предисловіи къ заграничному изданію этой брошюры, что „идеи авторовъ ея уже перешли въ жизнь“, Естественно, что практическое проведеніе въ жизнь „логики этой брошюры“ и есть „экономизмъ“. Такъ именно и смотрѣла Группа Освобожденія Труда на дѣло въ то время. Вотъ что говорилъ мнѣ объ этомъ товарищъ Б.:

„Осенью 1896 года я пріѣхалъ изъ Швейцаріи въ Кіевъ. Груп- Осв. Тр. не имѣла никакихъ связей съ Кіевомъ, и П. Б. Аксельродъ лишь на словахъ передалъ привѣтъ вообще кіевскимъ товарищамъ, сообщилъ, какія изданія готовятся къ печати, обѣщалъ свое содѣйствіе въ формѣ изданія ихъ брошюръ, при чемъ указалъ, что они ни въ какомъ случаѣ не будутъ издавать вульгаризированной литературы для широкихъ круговъ рабочихъ. Я пріѣхалъ въ Кіевъ къ тов. Н. Онъ собралъ своихъ друзей. Они очень интересовались взглядами заграничныхъ товарищей. Я передалъ послѣднія слова Аксельрода, они вызвали у нихъ недоумѣніе: они не могли разобраться въ распрѣ Группы Освобожденія Труда съ товарищами въ Россіи, но она была уже извѣстной. Въ Гр. Осв. Тр. мнѣ говорили, что въ Россіи есть соціалдемократы, не признающіе политической борьбы; къ петербургскому Союзу Гр. Осв. Тр. относилась очень отрицательно. Меня интересовалъ вопросъ, правда ли, что есть такіе соціалдемократы? Н. мнѣ отвѣтилъ, что они вовсе не отрицаютъ „политики“, но связываютъ ее съ условіями агитаціи. Не помню точно его объясненій, но я былъ ими вполнѣ удовлетворенъ, а я былъ рьянымъ политикомъ. Черезъ меня велась переписка Кіева съ Гр. Осв. Тр. объ изданіи брошюръ, но переговоры ни къ чему не привели: мы хотѣли, чтобы Гр. Осв. Тр. печатала наши изданія безъ редакціонныхъ измѣненій, за нашей подписью; Гр. Осв. Тр. не соглашалась на это.“

Точно также одинъ петербургскій товарищъ Е. М. сообщала мнѣ, что Гр. Осв. Тр. относилась очень не сочувственно къ дѣятельности Союза Борьбы 95 года. Она не только не согласилась напечатать посланныя ей рукописи, но отозвалась о нихъ очень насмѣшливо.

Вотъ почему, рѣшившись, не смотря на все, помочь кіевскимъ товарищамъ Гр. Осв. Тр. написала самыя умѣренныя статьи въ то время, когда кіевляне сдѣлали шагъ впередъ въ сторону политики. Шагъ этотъ заключался въ томъ, что было признано воз-

можнымъ призывать рабочихъ къ борьбѣ съ правительствомъ, какъ съ таковымъ, какъ съ самостоятельнымъ врагомъ рабочаго класса. Но что составляетъ типичную черту этой новой стадіи: призывъ былъ къ борьбѣ *съ* правительствомъ, но *не противъ* правительства, какъ таковаго, а лишь противъ его насилій. Въ этомъ опять проявляется полный параллелизмъ съ дѣятельностью въ Петербургѣ.

Прокламація, помѣченная 26 ноября 97 года, фиксировала переходъ движенія въ новую стадію. Этотъ длинный листокъ въ четыре большихъ страницы убористаго письма на „Ремингтонѣ“ подводитъ итоги годовой дѣятельности и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„Борьба русскихъ рабочихъ первоначально была направлена исключительно противъ хозяевъ. Это была борьба чисто экономическая. Но правительство быстро поторопилось заявить рабочимъ, что оно слуга капиталистовъ и врагъ рабочихъ. Оно бросило вызовъ рабочимъ, и рабочимъ остается только принять этотъ вызовъ. Добиваясь уступокъ отъ капиталистовъ, рабочіе будутъ въ то же время вести войну противъ всѣхъ политическихъ и жандармскихъ хитростей и беззаконій, помогающихъ фабрикантамъ грабить и притѣснять рабочихъ. Всякая стачка, всякое рабочее собраніе, всякій союзъ будетъ средствомъ борьбы не только противъ капиталистовъ, но и противъ правительства, преслѣдующаго въ угоду капиталистамъ рабочіе союзы и стачки. Кромѣ борьбы съ хозяевами — борьбы экономической, рабочимъ приходится вступить въ борьбу съ правительствомъ — борьбу политическую.“

Новыя задачи рабочаго движенія, очевидно, требовали и новой тактики, новыхъ методовъ борьбы, новой организаціи. Мы должны теперь прослѣдить, какъ постепенно кіевскіе товарищи это выполнили въ теченіе 98, 99 и первой половины 1900 года, послѣ которой наступила новая стадія развитія движенія.

Прежде всего долженъ былъ измѣниться тонъ прокламацій. Это произошло тотчасъ же. Но не сразу товарищи выработали типъ прокламацій, настолько же приспособленныхъ къ непосредственному руководству „политической“ борьбой, насколько прежніе руководили борьбой экономической.

Событія въ Гутѣ Банковой (въ Домбровѣ), гдѣ были разстрѣляны войсками рабочіе-стачечники, подали поводъ выпустить „политическую“ прокламацію 19 декабря 97 года. Что касается „гибели правительства“, то о ней говорится въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, совершенно не выясняется, какое же именно правительство намъ нужно вмѣсто существующаго, и не указывается, что именно должны дѣлать рабочіе для ускоренія его гибели. Но это были первые опыты, и потому они очень интересны, и я приведу здѣсь выдержки изъ этой длинной прокламаціи.

„Письмо ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ. Товарищи! Всякому сознательному рабочему извѣстно, что между капиталистами и правительствомъ существуетъ тѣсный дружественный союзъ. Чтобы поддержать добрыя отношенія съ фабрикантами, правитель-

ство не останавливается ни передъ чѣмъ, не пренебрегаетъ самыми безчеловѣчными мѣрами противъ рабочихъ, не боится даже въ угоду ненасытнымъ фабрикантамъ проливать рабочую кровь. Каждый рабочій слыхалъ, какъ по приказанію правительства войска убивали рабочихъ въ Жирардовѣ, Лодзи и Ярославлѣ и недавно о новомъ походѣ царскихъ войскъ противъ рабочихъ въ мѣстечкѣ Домброво. Кровью рабочихъ правительство думаетъ залить огонь негодованія, громомъ пальбы оно надѣется заглушить призывъ къ борьбѣ противъ гнета и насилій. Но рабочіе умѣютъ жертвовать своей жизнью не только тогда, когда имъ нужно раздѣлаться съ воромъ директоромъ. У нихъ хватитъ мужества объявить войну на жизнь и смерть тѣмъ, кто всегда поддерживаетъ капиталистовъ въ ихъ беззаконіяхъ и грабежѣ, кто тюрьмою, пытками и пулями старается закрыть рабочимъ путь къ счастью и свободѣ. ...Когда въ борьбу съ эксплуатаціей (обираніемъ) и притѣсненіями единодушно вступятъ сотни, тысячи и милліоны рабочихъ, живущихъ въ Россіи, тогда рѣшится участь и самого правительства. Рабочіе сквозь лѣсъ штыковъ и ружей проложатъ себѣ широкую дорогу къ такимъ порядкамъ, при которыхъ не будетъ ни обмана, ни грабежа, ни насилія... И грозное правительство не спасется отъ строгаго суда трудящагося и обездоленнаго народа. Пусть же скорѣе погибнетъ это правительство, запятнанное кровью и насиліемъ, пусть скорѣе наступитъ освобожденіе отъ ига царскихъ чиновниковъ и разбоя доблестныхъ войскъ."

Этотъ тонъ декабрьской прокламаціи отнюдь не былъ случайнымъ: передовая статья въ № 2 „Рабочей Газеты" (декабрь 97) говоритъ также о „политической" борьбѣ.

Редакція „Рабочей Газеты" въ это время дѣятельно готовилась къ съѣзду соціалдемократическихъ группъ, иниціаторомъ котораго она была. Она разослала приглашенія во всѣ организаціи, съ которыми у нея были связи; большинство изъ нихъ откликнулось на призывъ. Предполагалось заранѣе составить манифестъ и программу, чтобы на съѣздѣ обсудить ихъ и утвердить. Но начавшаяся слѣжка помѣшала дѣлу, и потому съѣздъ состоялся раньше, чѣмъ предполагалось. Тотчасъ послѣ него произошелъ погромъ соціалдемократическихъ организацій по всей Россіи; было взято около 500 человѣкъ. Въ Кіевѣ арестовано 176 товарищей. Однако, движеніе уже настолько развилось, что даже и этотъ уронъ не остановилъ его. Уже черезъ мѣсяцъ объ этомъ свидѣтельствовали майскія прокламаціи, распространенныя по всему городу. Тѣмъ не менѣе лѣтомъ чувствовался застой. Только осенью удалось возстановить организацію.

Каковы же были измѣненія или тенденціи къ измѣненію типа организаціи? Мнѣ кажется, ихъ было двѣ, тѣ самыя, которыя были замѣтны на соотвѣтственной стадіи и въ Вильнѣ, и въ Петербургѣ: централизація и демократизація.

Составители кіевскаго отчета второму съѣзду партіи такъ характеризуютъ организаціонныя отношенія того времени:

„Вопросъ объ отношеніи интеллигентныхъ группъ къ рабочимъ приводитъ къ переоцѣниванію и признанію верховенства за мнѣніемъ рабочихъ кружковъ (1899-1900). Особенно осенью 1899 г. идутъ толки о томъ, что интеллигенты ищутъ сближенія съ рабочими въ ихъ затаенныхъ интересахъ. Это заставило серьезно считаться съ мнѣніемъ ‚середняка‘ и строить организацію на ультра-‚демократическихъ‘ началахъ".

Составители отчета въ этомъ видятъ недостатки времени. Я же вижу въ этомъ прогрессъ; недостатками же я признаю то, что еще мало было централизма и мало демократизма.

Комитетъ состоялъ по прежнему изъ двухъ частей: интеллигентскаго комитета, или просто „Комитета", и „Рабочаго Комитета", это уже является въ одно и то же время обоими недостатками. Но за то каждая изъ двухъ частей организаціи развивала въ себѣ свою характерную черту, изъ которыхъ обѣ одинаково необходимы истинно соціалдемократической организаціи.

Въ рабочемъ комитетѣ образовалось два отдѣленія: фабричнозаводское и ремесленное. Ячейкой-организаціей были „кружки" рабочихъ. Каждый кружокъ, признанный входящимъ въ общую организацію, выбиралъ своего представителя; собранія представителей одного и того же цеха, завода, фабрики или группы фабрикъ происходили еженедѣльно; они избирали своего „руководителя", который являлся членомъ Рабочаго Комитета.

Въ „Комитетъ" рабочіе совсѣмъ не входили. Еще въ февралѣ 1898 г. товарищъ Н. предложилъ привлечь въ Комитетъ нѣсколькихъ рабочихъ. Но это предложеніе было отклонено большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ (Н. и Б.), такъ какъ это признавалось не конспиративнымъ. Какой поразительный параллелизмъ съ Петербургомъ!

Но, изолированный отъ пролетаріата, интеллигентскій комитетъ все же развивался. „Интеллигентная группа начинаетъ перестраиваться по принципу раздѣленія труда", говоритъ Отчетъ. Осенью 1898 г. Комитетъ состоялъ изъ десяти человѣкъ. Но при немъ былъ устроенъ „кружокъ пропагандистовъ", не обладавшихъ никакими правами, но ведшихъ работу въ рабочихъ кружкахъ. Это уже дѣлало неизбѣжнымъ столкновеніе между Комитетомъ и безправными исполнителями его воли, и эти столкновенія скоро начались.

„Къ веснѣ 1899 г., читаемъ мы въ Отчетѣ, между пропагандистами и Комитетомъ возникли несогласія по вопросу о подчиненіи: пропагандисты требовали, чтобы каждый разъ при возложеніи на нихъ порученій Комитетъ давалъ подробную мотивировку".

Какъ ни скромны были эти требованія и какъ ни законны, они не были удовлетворены Комитетомъ.*) Въ апрѣлѣ произошелъ

---

*) Такъ точно поступали „настоящіе", „революціонные", „ортодоксальные" соціалдемократы, какъ я уже показалъ, и въ Петербургѣ, и — какъ я покажу — заграницей. Такимъ образомъ,

крупный разгромъ. Онъ надолго затормазилъ работу; онъ почти цѣликомъ измѣнилъ составъ и комитета, и кружка пропагандистовъ, но неразрѣшенная организаціонная задача все продолжала волновать товарищей, вызывать столкновенія и раздоры, мѣшать работѣ, и Комитету приходилось идти на мелкія уступки, но этого было мало.

Опять „вопросъ о взаимоотношеніи между группой пропагандистовъ и комитетомъ всталъ осенью 1900 года". „Разногласія продолжались, наступилъ вооруженный нейтралитетъ."

Тогда Комитетъ совершилъ возмутительный поступокъ — поскольку можно судить объ этомъ по Отчету — который долженъ былъ еще больше убѣдить пропагандистовъ въ необходимости оградить всѣхъ участниковъ общей работы отъ произвола держащихъ „дирижерскую палочку". Впрочемъ, составителямъ Отчета этотъ поступокъ, наоборотъ, кажется верхомъ политической мудрости".

„Желая избавиться отъ балласта, пишутъ они, комитетъ поручилъ своему представителю, посѣщавшему группу пропагандистовъ, объявить разрывъ, а затѣмъ съорганизовать всѣхъ, дѣйствительно желающихъ работать—(т. е. послушныхъ! В. А.)—въ новую группу". Какъ легко рѣшать вопросъ о разногласіяхъ при отсутствіи демократической организаціи!

Но послѣ новаго разгрома въ мартѣ Комитетъ былъ радикально реорганизованъ и принялъ демократическую форму и для интеллигентской части Комитета.

„Комитетъ клалъ въ основу принципъ раздѣленія труда и состоялъ изъ группъ: редакціонной, технической, двухъ группъ агитаторовъ-организаторовъ. Всѣ принципіальные вопросы разрѣшались сообща на общихъ собраніяхъ не чаще одного раза въ мѣсяцъ. Въ промежуткахъ распорядительная роль ложится на администрацію изъ трехъ лицъ, выбранныхъ на полгода. Постановленія администраціи обязательны для всѣхъ, и ихъ можетъ отмѣнить лишь общее собраніе."*)

въ каждомъ событіи организаціонной борьбы лишь отражаются общія тенденціи организаціонныхъ теченій нашей партіи.

*) Отчетъ Кіевскаго Комитета второму съѣзду. Очень досадно, что ни коммиссія, избранная вторымъ съѣздомъ для изданія его протоколовъ, ни редакція партійнаго органа не сочли себя обязанными издать отчеты комитетовъ, представленные второму съѣзду. Никто, конечно, не чувствовалъ сильнѣе автора этихъ строкъ всю тенденціозность этихъ отчетовъ: они, очевидно, были составлены по плану, по инструкціямъ Организаціоннаго Комитета и рѣзко проявляли искровскій духъ. Они, видимо, должны были быть иллюстраціей ликвидація третьяго періода и торжества Искры. О Союзѣ Рус. Соц.-Дем., насколько помнится, не одинъ даже не упоминалъ. Точно комитеты не распространили около *полъ-милліона* листовъ изданій Союза! Точно не выражали они

Такъ развивалась организація. Какъ же измѣнились пріемы борьбы? Для того, чтобы предъявлять свои требованія къ правительству, очевидно, недостаточно было старыхъ способовъ протеста — стачекъ. А пока не было найдено пріемовъ борьбы, которые были бы настолько же страшны правительству, насколько стачки страшны капиталистамъ, до тѣхъ поръ всякое „требованіе“ оставалось лишь безсильнымъ заявленіемъ своихъ желаній и было излишне въ боевыхъ призывахъ, въ агитаціонныхъ листкахъ.

„Мнѣ приходилось еще въ 99 году — писалъ мнѣ тов. Назарьевъ — встрѣчать соціалдемократовъ, отрицающихъ выставленіе въ прокламаціяхъ требованій свободы слова, печати, сходокъ, организацій. Кому рабочіе будутъ предъявлять ихъ? говорили они. Предпринимателямъ? Да, вѣдь, тѣ только разсмѣются и заявятъ, что эти требованія они готовы вполнѣ удовлетворить, но не ихъ это дѣло, не въ ихъ власти. А правительству... Но какъ, когда, какимъ образомъ и чѣмъ поддержать эти требованія? Не знали этого...“

Демонстраціи, какъ мы видѣли, лѣтомъ 97 года признавались совершенно невозможными. Но, по мѣрѣ того какъ развивалось движеніе, это мнѣніе начинало измѣняться.*)

Въ началѣ 99 года, послѣ долгихъ обсужденій, Кіевскій Комитетъ призналъ демонстраціи желательными и крайне полезными. Особенно желательной была признана первомайская демонстрація. Но когда въ апрѣлѣ вопросъ былъ поставленъ практически, то пришлось признать „почву неподготовленной, а силы ослабленными арестами 13 апрѣля 99 г.“ Комитетъ началъ медленно готовить почву и силы. Антиправительственныя тенденціи

ему въ свое время своего полнаго сочувствія! — Но за всѣмъ тѣмъ въ этихъ отчетахъ собрано много очень цѣннаго и поучительнаго матерьяла. Это невниманіе къ дѣйствительности и фактамъ я опять таки отмѣчаю не какъ оплошность, но какъ характерную черту доктринерскаго отношенія къ дѣлу „ортодоксовъ“.

*) „Экономисты приводили аргументы противъ ‚безумной идеи‘ политическихъ манифестацій“ (Троцкій, „Задачи“, стр. 49). Это совершенно невѣрно. Я уже привелъ фактъ о виленскихъ демонстраціяхъ, организованныхъ такъ называемыми „экономистами“, теперь приведу факты, свидѣтельствующіе объ отношеніи къ демонстраціямъ кіевскихъ „т. н. экономистовъ“. Раньше я уже отмѣтилъ, что тѣ аргументы, о которыхъ говоритъ т. Троцкій приводились какъ разъ крайними „политиками“ — Плехановымъ и Аксельродомъ. Истина заключается въ томъ, что на извѣстной стадіи развитія движенія устраивать демонстраціи было дѣйствительно невозможно, и это сознавали всѣ товарищи безъ различія воззрѣній. Когда же демонстраціи стали возможными, за организацію ихъ принялись прежде всего т. н. экономисты. Не потрудится ли, поэтому, т. Троцкій подтвердить фактами свою мысль, которую я здѣсь опровергаю фактами.

рѣзко выступаютъ въ его изданіяхъ этого времени, главнымъ образомъ на страницахъ „Впередъ"; № 3 вышелъ еще въ 98 году. Въ январѣ и мартѣ 99-го вышли №№ 4 и 5. Въ № 6, помѣченномъ апрѣлемъ, разсказывается о манифестаціяхъ въ Царствѣ Польскомъ и дѣлается слѣдующій выводъ: „Итакъ, демонстраціи рабочихъ возможны и въ Россіи. Будемъ же надѣяться, что 1-ое Мая слѣдующаго года, русскіе рабочіе будутъ праздновать уже не тѣсными кружками, а мирной массовой демонстраціей". № 7 былъ распространенъ только въ сентябрѣ, уже послѣ провала типографіи, его напечатавшей. Въ немъ снова есть статья „о демонстраціяхъ", въ которой пропагандируется эта форма борьбы. 1-го мая 99 г. были распространены по всему городу прокламаціи. Ихъ бросали въ окна, расклеивали и разбрасывали по улицамъ. Онѣ были отлично напечатаны въ 10.000 экземпляровъ съ краснымъ заголовкомъ. Онѣ призывали къ забастовкѣ и требовали 8-мичасового рабочаго дня.

Демонстраціи, какъ сказано, устроить не удалось; но были устроены собранія, изъ которыхъ два были открыты полиціей, при чемъ арестовано 80 человѣкъ рабочихъ, и на одномъ изъ нихъ взято красное знамя.

Черезъ годъ идея демонстраціи сдѣлалась уже настолько популярной, что во время стачки булочниковъ генералъ-губернаторъ Драгомировъ счелъ нужнымъ объявить путемъ прокламацій о томъ, что имъ будутъ приняты самыя строгія и энергичныя мѣры въ случаѣ, если будетъ устроена демонстрація. Конечно, не эти угрозы помѣшали дѣлу, но стихійное революціонное движеніе не достигло тогда достаточной силы, чтобы вихремъ подхватить движеніе булочниковъ и превратить его въ народное движеніе; а сознательные элементы, подготовленные уже предыдущей пропагандой и агитаціей, были разбиты и разрознены цѣлымъ рядомъ разгромовъ — 12 марта, въ концѣ марта и въ концѣ апрѣля — и чрезвычайными военными и полицейскими мѣрами. Поэтому, еще и въ 1900 году не удалось устроить демонстраціи. 1-го мая Комитетъ распространилъ только прокламаціи на красной бумагѣ и созвалъ собраніе, на которомъ присутствовало болѣе 100 человѣкъ.

Я разсмотрѣлъ тѣ измѣненія, которыя принесла новая стадія движенія, „такъ называемый экономизмъ", въ направленіе прокламацій, въ дѣло организаціи и въ тактическіе пріемы. Особенности этой стадіи движенія, такъ же, какъ и характерныя черты предыдущей, и лучше, чѣмъ предыдущей, отразились въ теоретическихъ формулахъ, выработанныхъ кіевскими товарищами. Я имѣю въ виду извѣстное profession de foi Кіевскаго Комитета. Такъ какъ документъ этотъ мало извѣстенъ, то я приведу здѣсь его важнѣйшую часть:

„Признавая ближайшей общей задачей рабочаго движенія въ Россіи борьбу за политическія права пролетаріата, Кіевскій Комитетъ не считаетъ, однако возможнымъ въ настоящій моментъ обращаться къ массѣ рабочихъ съ призывомъ къ политическимъ

дѣйствіямъ, иначе говоря вести политическую агитацію, такъ какъ русскій рабочій въ массѣ не созрѣлъ еще для политической борьбы. Поэтому, агитаціонное воздѣйствіе на массу можетъ выражаться только: I. въ содѣйствіи экономической борьбѣ пролетаріата; поэтому, Комитетъ пользуется каждымъ случаемъ столкновенія рабочихъ съ хозяевами, каждымъ болѣе или менѣе крупнымъ фактомъ злоупотребленія со стороны хозяевъ для обращенія къ рабочимъ съ воззваніями или листками, выясняя рабочимъ ихъ положеніе, призывая ихъ къ протесту, принимая руководящую роль при стачкахъ, формулируя ихъ требованія, указывая на наилучшіе пути ихъ достиженія, развивая всѣмъ этимъ въ рабочемъ классѣ самосознаніе. II. Въ политическомъ воспитаніи массъ на почвѣ повседневной экономической борьбы. Пользуясь каждымъ проявленіемъ экономической борьбы рабочихъ, комитетъ, поскольку для этого есть поводъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, ставитъ своей задачею политически освѣщать положеніе рабочаго класса, постепенно проводя въ массу идею политической свободы, пробуждая сознаніе необходимости борьбы за политическія права... Въ дѣлѣ политическаго воспитанія рабочей массы комитетъ придаетъ большое значеніе изданію мѣстной рабочей газеты, стараясь сдѣлать ее доступной для возможно болѣе широкихъ слоевъ рабочихъ и привлечь къ участію въ ней путемъ присылки корреспонденцій, пріучая тѣмъ рабочихъ смотрѣть на газету, какъ на свою. Отводя главное мѣсто въ своей дѣятельности экономической агитаціи и политическому воспитанію широкихъ массъ рабочихъ, комитетъ не считаетъ возможнымъ отказаться отъ кружковыхъ занятій съ рабочими, смотря на нихъ, какъ на средство созданія извѣстнаго контингента сознательныхъ рабочихъ-агитаторовъ, расширенія своихъ связей съ рабочей средой и какъ на путь для распространенія литературы. Комитетъ, не считая возможнымъ призывать въ настоящее время широкія массы кіевскихъ рабочихъ къ политическимъ дѣйствіямъ, признаетъ желательнымъ устройство частичныхъ демонстрацій съ чисто агитаціонною цѣлью (а не въ видахъ воздѣйствія на правительство) по поводамъ доступнымъ пониманію широкихъ массъ.“

Это profession de foi было опубликовано лишь черезъ полтора года и не авторами его, а его противникомъ; не для того, чтобы распространить его, а для того, чтобы раскритиковать.*)

Profession de foi, какъ программное заявленіе, дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ нуждалось въ критикѣ, но издатель совершенно невѣрно понялъ его, и это, какъ мнѣ кажется, потому, что онъ не принялъ къ свѣдѣнію обстоятельствъ времени и мѣста, при которыхъ появился этотъ документъ, потому что онъ критиковалъ его не какъ историкъ, а какъ полемистъ.

„Уже первая фраза profession de foi, пишетъ его критикъ, возбуждаетъ самое серьезное недоумѣніе... остается спросить себя:

---

*) По всѣмъ видимостямъ эта критика принадлежитъ перу тов. Ленина.

неужели писавшіе это — соціалдемократы? ,Русскій рабочій въ массѣ не созрѣлъ для политической борьбы.' Если это вѣрно, то это равносильно смертному приговору надъ всей соціалдемократіей, ибо это значитъ, что русскій рабочій въ массѣ еще не созрѣлъ для соціалдемократизма. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ мірѣ не было и нѣтъ такой соціалдемократіи, которая не была бы нераздѣльно и неразрывно связана съ политической борьбой. Соціалдемократическая партія безъ политической борьбы это рѣка безъ воды, это какое то вопіющее противорѣчіе, это какое то возвращеніе къ утопическому соціализму нашихъ прапрадѣдовъ, пренебрегавшихъ „политикой", либо къ анархизму, либо къ трэдьюніонизму."

Такъ объяснять „первую фразу" значитъ не понимать ея. Авторы не только не пренебрегали „политикой", но они прямо и съ первой же фразы заявляли, „что „политику" они признаютъ ближайшей общей задачей рабочаго движенія въ Россіи". Вѣрно или не вѣрно они разрѣшили эту задачу — это другой вопросъ, но тотъ фактъ, что они ставили ее и при томъ признавали ее ближайшею, рѣзко отличаетъ ихъ и отъ прапрадѣдовъ соціализма, и отъ анархистовъ, и отъ трэдьюніонистовъ.

„Если это вѣрно, то это значитъ русскій рабочій въ массѣ еще не созрѣлъ для соціалдемократизма". Совершенно справедливо. Это такъ тогда и было; массовое рабочее движеніе тогда еще не было соціалдемократическимъ. Но критикъ совершенно не правъ, полагая, что „это равносильно смертному приговору надъ всей соціалдемократіей". Напротивъ! Массовое движеніе *еще* не стало соціалдемократическимъ, но соціалдемократовъ было уже много, да и массовое движеніе уже прошло первыя фазисы своего развитія, прошло подъ руководствомъ соціальдемократіи и вотъ вотъ должно было „созрѣть для соціалдемократизма", и этотъ процессъ созрѣванія и дозрѣванія состоялъ именно въ томъ, что тѣ, кто уже былъ соціалдемократомъ, старались воздѣйствовать на массовое движеніе, "воспитывать массу". Эту то задачу и брали на себя кіевскіе товарищи того времени.

Удачный ли путь они выбрали для ея разрѣшенія? Критикъ находитъ, что нѣтъ, что при этомъ они пришли къ „вопіющимъ противорѣчіямъ".

„Въ самомъ дѣлѣ, какъ же можно говорить о ,политическомъ воспитаніи' рабочихъ, если не признается возможность вести политическую агитацію и политическую борьбу? Неужели среди соціалдемократовъ нужно еще доказывать, что не можетъ быть никакого политическаго воспитанія внѣ политической борьбы и политическихъ дѣйствій? Неужели можно думать, что политически воспитать рабочія массы могутъ какія нибудь занятія или книги помимо политической дѣятельности и политической борьбы?"

Опять таки и здѣсь критикъ разсуждаетъ внѣ времени и пространства. Конечно, въ концѣ концовъ для политическаго воспитанія массъ необходима политическая дѣятельность ихъ, полити-

ческая борьба. Но піонеры соціалдемократіи могли и должны были долгое время довольствоваться „занятіями или книгами", чтобы пропагандировать свои идеи. Это во первыхъ; а во вторыхъ, авторы въ ихъ время и въ ихъ мѣстности вовсе не находили необходимымъ ограничивать свою дѣятельность „занятіями и книгами". Средствомъ политическаго воспитанія массъ они кромѣ того считали „частичныя" демонстраціи. Но взгляды авторовъ на этотъ счетъ тоже не были поняты ихъ критикомъ.

„Крайне страннымъ, пишетъ онъ, и въ то же время крайне характернымъ для всего profession de foi образомъ комитетъ, не считая возможнымъ призывать въ настоящій моментъ широкія массы рабочихъ къ политическимъ дѣйствіямъ, признаетъ желательнымъ устройство частичныхъ демонстрацій съ чисто агитаціонной цѣлью, а не въ видахъ воздѣйствія на правительство, по поводамъ доступнымъ пониманію широкихъ массъ. Соціалисты призываютъ рабочихъ не оказывать воздѣйствія на правительство! Дальше некуда идти."

Это уже прямое искаженіе мысли авторовъ. Profession de foi, полагая, что рабочая масса еще не созрѣла для политической борьбы, которая, однако, является ближайшей задачей рабочаго движенія, пытается найти тѣ средства, при помощи которыхъ передовой отрядъ пролетаріата — соціалдемократія — могла бы воспитать массу для политической борьбы. Этимъ средствомъ оно считаетъ призывы рабочей массы на демонстраціи съ требованіями отдѣльныхъ (частичныхъ) политическихъ правъ: свободы слова, печати, собраній, организацій и проч. Авторы при этомъ заявляютъ, что они не думаютъ, чтобы результатомъ этихъ требованій могло быть завоеваніе этихъ правъ при существующемъ политическомъ строѣ („воздѣйствіе на правительство"), но полагаютъ, что пролетаріатъ, борясь за эти права, сознаетъ, что необходимымъ условіемъ для ихъ завоеванія является низверженіе самодержавія.

Эти взгляды дѣйствительно характеризуютъ тогдашнюю дѣятельность нашихъ кіевскихъ товарищей и всю ту стадію развитія движенія. Невольно опять таки вспоминается характеристика этой стадіи, сдѣланная перербургскимъ товарищемъ: „это былъ сознательно выбраный методъ политическаго воспитанія массъ".

IV.

Наши товарищи зорко присматривались къ той средѣ, въ которой имъ приходилось работать, чутко прислушивались къ настроенію массы и слѣдили за тѣмъ, чтобы при первой возможности сдѣлать слѣдующій шагъ. Возможность не заставила себя ждать. Къ концу 99 го года и въ особенности въ началѣ 900 г. чувствовалось среди рабочихъ напряженное, возбужденное состо-

ніе, вылившееся въ апрѣлѣ въ стачку тысячи булочниковъ, поддержанную еще тысячей рабочихъ. Комитетомъ, какъ говоритъ докладъ, „уже въ февралѣ и въ мартѣ мимоходомъ затрагивался вопросъ о пересмотрѣ тактики; въ апрѣлѣ этотъ вопросъ былъ поставленъ оффиціально... Комитетъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного призналъ необходимымъ перейти къ широкой политической агитаціи. Однимъ изъ лучшихъ средствъ пробужденія массъ онъ призналъ демонстраціи, организуемыя по поводу наиболѣе рѣзкихъ проявленій самодержавія. Въ томъ же собраніи постановлено, что profession de foi измѣняется.“ Поэтому, когда появилась критика его, она „имѣла уже только историческое значеніе“; иначе говоря, она была запоздалой; выше я старался показать, что она, кромѣ того, была и глубоко ошибочной и поверхностной.

Декабремъ 1900 г. помѣченъ № 10 „Впереда“. Политическія тенденціи въ немъ проявились уже совершенно рѣзко и опредѣленно. Это уже были не тѣ или другія требованія отдѣльныхъ правъ, выставляемыя съ агитаціонной цѣлью, это уже былъ призывъ къ борьбѣ со всею политическою системою, борьба за участіе во власти.

„Наша ближайшая цѣль, говорилось тамъ, низверженіе преступныхъ самодержавныхъ порядковъ и завоеваніе политическихъ правъ свободы.“ „На красномъ знамени россійской соціалдемократіи на ряду съ требованіями коренного измѣненія всего общественнаго строя начертаны слова, завѣщанныя намъ героями 14 декабря. Они гласятъ: за политическую свободу! За права народа! Долой самодержавіе!“

Такимъ образомъ, и изученіе кіевскаго движенія намъ показываетъ, что два принципа неразрывно развивались въ нашемъ движеніи: его политическій характеръ и организованность. Къ началу 1901 года, во время февральскихъ и мартовскихъ дней, логика событій требовала начала организованной политической борьбы, и борьба началась.

БОРЬБА ОРГАНИЗАЦІОННЫХЪ ПРИНЦИПОВЪ.

I.

Глубокогорестныя событія происходятъ въ настоящее время въ нашей партіи. Люди, считающіе себя служителями великой идеи научнаго соціализма, проповѣдниками ученія, по своей широтѣ и глубинѣ долженствующаго быть преемникомъ міровыхъ теорій Платона, Святого Августина, Джіордано Бруно, Руссо, эти люди, не уважая и не понимая другъ друга, не уважая и не понимая самихъ себя, въ мелочномъ, бранчливомъ спорѣ низводятъ до уровня групповыхъ раздоровъ ихъ великое дѣло.

И это происходитъ въ тотъ историческій моментъ, когда наше отечество переживаетъ тягчайшее испытаніе, когда всѣ духовныя силы общества до крайности напряжены, когда всѣ граждане — и революціонеры, соціалисты прежде всего — призваны самимъ ходомъ событій твердо и неуклонно исполнить свой долгъ предъ родиной и человѣчествомъ.

И у многихъ является уже мучительный для соціалдемократа вопросъ: если даже въ минуту подъема общественныхъ силъ русская соціалдемократія такъ мало способна понять и отвѣтить на проблемы нашего времени, то способна ли она вообще явиться прогрессивной носительницей міровыхъ и вѣковыхъ идей.

Я глубоко убѣжденъ, что да. Измѣнившись по своему составу, ставъ дѣйствительно пролетарскою, соціалдемократическая партія скажетъ тѣмъ, кто училъ ее „что дѣлать“ и „чего не дѣлать“: „Плохіе пастыри! что сдѣлали вы съ нашимъ именемъ! Зачѣмъ вы унизили его, обезславили, сдѣлали ненавистнымъ для столькихъ нашихъ братьевъ! Зачѣмъ, говоря именемъ пролетарьята, вы мѣшали пролетарьяту выработать органъ своего собственнаго голоса, своей собственной воли!...“ Такъ скажетъ пролетарьятъ, когда онъ заговоритъ, и тогда возродится наша партія послѣ тяжкой внѣшней борьбы, послѣ тяжкихъ внутреннихъ испытаній. Но тогда соціалдемократія не сможетъ примириться съ тѣми лозунгами, съ тѣми формулами, съ тою программою, которая создана ея антипролетарскимъ теченіемъ. Русская соцаілдемократія пересмотритъ самыя основы своего ученія и внесетъ въ нихъ существенныя дополненія, которыя явятся дальнѣйшимъ развитіемъ научнаго соціализма, и которыя диктуются не только нашей русской жизнью, но и жизнью международной соціалдемократіи.

Если это вѣрно, то очередною задачею, выдвигающеюся исторически передъ нами, является задача организовать авангардъ

пролетарьята, соціалдемократію, такъ, чтобы она явилась выразительницей и руководительницей всего борющагося за свои интересы рабочаго класса Россіи. Поэтому то возникли разногласія и борьба внутри партіи именно на почвѣ организаціонныхъ принциповъ. Въ прошлой моей брошюрѣ я пытался намѣтить тѣ программныя разногласія, которыя, не будучи сознаны борющимися, опредѣляютъ, однако же, ихъ позиціи въ организаціонномъ вопросѣ; матерьялы, собранные въ предыдущихъ главахъ этой брошюры, какъ мнѣ кажется, позволяютъ наблюдать эти разногласія и эту борьбу, такъ сказать, in statu nascendi, въ моментъ ихъ появленія. Въ прошлой брошюрѣ я объяснялъ эти разногласія теоретически, въ настоящей — историческа.

Т. Ленинъ объяснялъ „наши разногласія" дѣленіемъ нашей партіи на интеллигентскіе и пролетарскіе элементы; т. Галерка — дѣленіемъ на заграничную организацію и организацію въ Россіи; т. Мартовъ — ссылкою на психологію кружковщины, не могущей сразу приспособиться ко вновь созданнымъ условіямъ партійной дѣятельности. Но послѣ всего этого приходится согласиться съ мнѣніемъ: „разногласія не выяснены — вотъ центральный фактъ современной неурядицы, фактъ невѣроятный, но несомнѣнный" (т. Галерка).

И дѣйствительно. Всѣ приведенныя мною объясненія принимаются обѣими сторонами, но только каждая изъ нихъ претендуетъ быть пролетарской, отражать запросы дѣятельности въ Россіи, осуществлять интересы партійной централизаціи и обвиняетъ своихъ фракціонныхъ противниковъ въ интеллигентскихъ, заграничныхъ, кружковыхъ предразсудкахъ. Каждая попытка выяснить разногласія является гипотезой, и та изъ гипотезъ, которая объяснитъ позицію обѣихъ сторонъ въ каждомъ изъ спорныхъ пунктовъ, получитъ право признанія и укажетъ выходъ изъ того несчастнаго положенія, въ которомъ находится теперь наша партія. Рядъ статей и брошюръ, вышедшихъ за послѣдній годъ, имѣли эту цѣль — Ленина, Мартова, Панина, Троцкаго, Галерки, Аксельрода, Плеханова, Рядового. Съ своей стороны я защищаю мой взглядъ на этотъ вопросъ. Онъ сводится къ слѣдующему.

„По мѣрѣ того, какъ стихійно возникшее движеніе среди рабочихъ приводило передовые слои русскаго пролетарьята къ сознанію своихъ все болѣе и болѣе широкихъ интересовъ — измѣнялись всѣ пріемы борьбы и формы организаціи русскихъ соціалдемократовъ". Вотъ основная мысль этой брошюры, высказанная въ ея предисловіи и, надѣюсь, обоснованная въ предыдущихъ главахъ. Но соціалдемократическое движеніе расло не только въ глубь, но и въ ширь и захватывало все новые и новые слои пролетарьята; въ то время, какъ передовой слой пролетарьята становился способнымъ къ высшимъ формамъ борьбы, въ это самое время вновь вовлеченные въ борьбу слои рабочаго класса переживали еще стадіи, уже пройденныя передовыми слоями. Поэтому, рабочее движеніе въ цѣломъ представляется сложнымъ явленіемъ, и эта сложная классовая борьба пролетарьята одновременно нуж-

дается въ очень разнообразныхъ пріемахъ дѣятельности и формахъ организаціи. Между тѣмъ, каждый изъ этихъ слоевъ выдвигаетъ своихъ вожаковъ и теоретиковъ, и потому въ партіи создаются различныя тактическія направленія и организаціонныя теченія. Лидеры каждаго теченія субъективно признаютъ себя истинными выразителями интересовъ *всего* пролетарьята, защитниками истинныхъ интересовъ *всей* соціалдемократіи и ведутъ борьбу со всѣми остальными теченіями за господство своей тактики. Этимъ, на мой взглядъ, объясняются разногласія, царящія теперь въ нашей партіи.

Чтобы подтвердить высказанную здѣсь мысль, я постараюсь прежде всего резюмировать организаціонные принципы двухъ наиболѣе расходящихся теченій русской соціалдемократіи — стараго искризма и „демокраизма", „третьяго періода". Я отмѣчу при этомъ, ссылаясь на собранные выше матерьялы, связь каждаго изъ этихъ теченій съ соотвѣтствующей стадіей развитія соціалдемократіи и попытаюсь проанализировать тактическіе и организаціонные принципы нео-искризма. Только послѣ всего этого, оканчивая мою книжку, я смогу вернуться снова къ формулированной здѣсь мысли о сущности „нашихъ разногласій" и постараюсь намѣтить путь, которымъ можетъ быть достигнуто ихъ устраненіе.

II.

Передъ нами стоитъ вопросъ, въ какой формѣ организаціи нуждается наша партія. Но что такое партія? Два отвѣта имѣется въ нашей литературѣ на этотъ вопросъ, оба — одинаково опредѣленные и ясно формулированные, намѣчающіе два различныхъ организаціонныхъ теченія въ нашей партіи. Одинъ изъ нихъ данъ Ленинымъ, другой — въ литературѣ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ.

Съ точки зрѣнія Ленина, партія есть организація; члены партіи суть члены организаціи.*) Организація эта — сложная; она состоитъ изъ многихъ „ячеекъ", сочетающихся такъ, что получается сложное сотрудничество ихъ, единый „комплексъ" организацій.**) Границы партіи представляются, поэтому, Ленину совершенно опредѣленными: „Вотъ какъ, приблизительно, представляется дѣло съ моей точки зрѣнія, говоритъ онъ: 1) организація революціонеровъ, 2) организаціи рабочихъ возможно болѣе широкія и разнообразныя... Эти два разряда составляютъ партію." („Шаги", стр. 46)

Между этой партіей и рабочимъ классомъ, который живетъ

---

*) По проекту перваго § устава.

**) См. „Шаги" Ленина, стр. 39 и примѣчаніе къ ней.

безсознательною, стихійною жизнью и лишь въ военное время, въ эпоху гражданской войны долженъ дѣйствовать подъ руководствомъ рабочей партіи“ (ib. стр. 41) помѣщаются промежуточные элементы: „Во 1-хъ, организаціи, примыкающія къ партіи; во 2-хъ, организаціи рабочихъ, не примыкающія къ партіи, но фактически подчиняющіяся ея контролю и руководству; въ 3-хъ неорганизованные элементы рабочаго класса, которые... отчасти подчиняются руководству соціалдемократіи“ (ib. стр. 46).

„Мы — партія класса, и потому весь классъ долженъ дѣйствовать подъ руководствомъ нашей партіи“ — говоритъ Ленинъ. („Шаги“, стр. 41). Для, того чтобы такая замкнутая организація могла руководить дѣйствіями цѣлаго класса, Ленинъ предлагалъ построить ее по заговорщицкому принципу, такъ, чтобы каждый ея членъ, каждая ея организація-ячейка дѣйствовали по „дирижерской палочкѣ“ лидеровъ партіи.

По вопросу о томъ, какова должна быть организація партіи, Ленинъ высказывался много разъ. Первый разъ — кажется, въ своей брошюрѣ „Задачи“ въ 1897 году. Теперь, post factum, уже въ этой брошюрѣ легко видѣть зачатки того чисто заговорщицкаго взгляда на организацію, какой защищалъ Ленинъ впослѣдствіи. Но когда вышла эта брошюра, настойчиво рекомендовавшая соціалдемократіи создать прочную революціонную организацію, она была встрѣчена общимъ сочувствіемъ. Аксельродъ въ предисловіи къ ней выражалъ полную свою солидарность съ нею, съ другой стороны, редакція Союза Рус. Соц.-Дем. уже въ рецензіи въ № 1 Раб. Дѣла „съ удовольствіемъ отмѣтила, что суть брошюры цѣликомъ совпадаетъ съ редакціонной программою Раб. Дѣла.*)

---

*) Эта рецензія послужила поводомъ къ началу той фракціонной полемики, которая до сихъ поръ къ несчастью идетъ все разгораясь въ нашей партійной прессѣ. „Брошюра особенно цѣнна тѣмъ — писала редакція Раб. Дѣла — что она насъ знакомитъ изъ первыхъ рукъ съ дѣйствительнымъ состояніемъ нашего движенія, съ его жизненною программою. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ согласиться съ тов. Аксельродомъ, который въ своемъ предисловіи склоняется къ мысли, что ‚въ общемъ движеніе наше еще только стремится къ той ступени развитія, которой вполнѣ соотвѣтствуетъ тактическая точка зрѣнія автора‘. Впрочемъ, Аксельродъ основываетъ свое мнѣніе единственно на ‚заявленіи болѣе молодыхъ товарищей, сравнительно недавно попавшихъ заграницу‘. Не знаемъ, про какихъ ‚молодыхъ‘ товарищей говоритъ Аксельродъ; съ своей стороны, мы имѣемъ основаніе утверждать, что болѣе молодая русская соціалдемократія, выросшая и дѣйствующая на почвѣ массового движенія, въ общемъ уже и на дѣлѣ принимаетъ точку зрѣнія автора“ (Раб. Д. № 1, стр. 142).

Аксельродъ въ „Письмѣ въ Редакцію Раб. Д.“ возражалъ на эти строки и утверждалъ, между прочимъ, что „авторъ ‚Задачъ‘ изображалъ не фактическую дѣятельность русскихъ соціалдемо-

Такимъ образомъ, брошюра „Задачи“ объединила съ ея автором, лидеромъ теперешняго большинства, и Аксельрода — теоретика теперешняго „меньшинства“, и редакцію Рабочаго Дѣла, являвшуюся выразительницей особаго теченія, „т. н. экономизма“. Ясно, что именно эта формулировка соціалдемократическихъ задачъ является исходной точкой нашихъ разногласій: съ формулами „Задачъ“ мы еще всѣ были согласны, но при дальнѣйшемъ развитіи ихъ мы разошлись. Обратимся же къ этой книжкѣ.

Цитируя въ „Задачахъ“ письмо П. Л. Лаврова изъ № 4 Летучаго Листка Группы Народовольцевъ*), Ленинъ останавливается на слѣдующихъ его строкахъ:

„Возможна ли организація сильной рабочей партіи при абсолютизмѣ и помимо организаціи революціонной партіи, направленной противъ абсолютизма“; возможно ли „организовать русскую рабочую партію при господствѣ абсолютизма, не организуя въ то же время революціонной партіи противъ этого абсолютизма?“

По поводу этихъ сомнѣній П. Л. Лаврова т. Ленинъ замѣчаетъ:

„Намъ совершенно непонятны эти различія, для П. Л. Лаврова столь кардинально существенныя. Какъ это? „Рабочая партія *помимо* революціонной партіи, направленной противъ абсолютизма“?? Да развѣ сама рабочая партія не есть революціонная партія? Развѣ она не направлена противъ абсолютизма? Разъясненіе этой странности даетъ слѣдующее мѣсто статьи Лаврова“.

И Ленинъ снова приводитъ цитату изъ того же письма Лаврова:

„Организацію русской рабочей партіи приходится создавать при условіи существованія абсолютизма со всѣми его прелестями. Если соціалдемократамъ удалось бы сдѣлать это, не организуя въ то же время политическаго *заговора* (курс. Ленина) противъ абсолютизма со всѣми условіями подобнаго *заговора* (курс. Ленина), то, конечно, ихъ политическая программа была бы надлежащей программою русскихъ соціалистовъ, такъ какъ освобожденіе рабо-

---

кратовъ, а лишь ту программу дѣйствій, которая съ логической необходимостью вытекаетъ изъ „соціальдемократизма“. Редакція Раб. Дѣла въ своемъ „Отвѣтѣ“ на Vademecum Плеханова и на „Письмо“ Аксельрода доказала „собственными словами“ Ленина „рядомъ цитатъ изъ брошюры“ Ленина, что Аксельродъ былъ неправъ. Этотъ „Отвѣтъ“ остался безъ возраженія. Но впослѣдствіи Ленинъ совершенно голословно заявилъ, что въ сужденіяхъ о его брошюрѣ былъ правъ Аксельродъ, а не редакція Раб. Дѣла, но онъ не потрудился опровергнуть доказательства Раб. Дѣла. Эта голословность очень характерна для этого автора, какъ я это уже имѣлъ случай много разъ доказывать, и какъ укажу и еще много разъ и впредь. Читатели брошюры Ленина всегда должны быть на сторожѣ противъ его голословныхъ утвержденій.

*) Это интересное письмо теперь перепечатано Куклинымъ въ выпускѣ 53 его изданій.

чихъ силами самихъ же рабочихъ совершилось бы. Но оно весьма, весьма сомнительно, если не невозможно."

Далѣе Ленинъ продолжаетъ свою критику взглядовъ Лаврова: „Вотъ въ чемъ суть то! Для народовольца понятіе политической борьбы тождественно съ понятіемъ политическаго *заговора*. Надо сознаться, что въ этихъ словахъ П. Л. Лаврову удалось дѣйствительно съ полною рельефностью указать основное различіе *въ тактикѣ политической борьбы* (курс. мой В. А.) у народовольцевъ и у соціалдемократовъ. Традиціи бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцевъ, до того сильны, что они не могутъ себѣ представить политической борьбы иначе, какъ въ формѣ политическаго заговора. Соціалдемократы же въ подобной узости понятій не повинны, въ заговоры они не вѣрятъ. Но они думали всегда и продолжаютъ думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а *революціонная партія, опирающаяся на рабочее движеніе* (курс. мой В. А.). Они думаютъ, что борьба противъ абсолютизма должна состоять не въ устройствѣ заговоровъ, а въ воспитаніи, дисциплинированіи пролетарьята, въ политической агитаціи среди рабочихъ."

Съ тѣхъ поръ „Задачи" Ленина вышли вторымъ изданіемъ; въ настоящее время объявлено, что готовится третье изданіе. Раціонально ли это? Эта книжка по прежнему выражаетъ наши общіе взгляды и по прежнему вѣрно формулируетъ тѣ тактическіе принципы, которые отдѣляютъ насъ всѣхъ, соціалдемократовъ, отъ соціалистовъ всѣхъ другихъ школъ; но она уже недостаточна для насъ, ея формулы еще слишкомъ общи, ихъ поэтому слишкомъ трудно анализировать; въ нихъ есть положенія, которыя, развившись, обнаружили возможность слишкомъ различнаго ихъ толкованія.

Для того вопроса, изученіемъ котораго я теперь занятъ, мнѣ кажутся важными слѣдующія положенія Ленина изъ приведенныхъ выше цитатъ: „Лавровъ указалъ различіе *въ тактикѣ* политической борьбы у народовольцевъ и соціалдемократовъ"; „соціалдемократы думаютъ, что политическую борьбу должна вести революціонная партія, *опирающаяся* на рабочее движеніе". Вотъ эти формулы Ленина таятъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ наши теперешнія разногласія.

Въ самомъ дѣлѣ, ихъ можно было понять двояко:

Первое толкованіе: Соціалдемократическая партія есть, по формѣ организаціи, такая же партія, какъ и „Народная Воля", но отличается отъ послѣдней своей тактикой, методомъ своей дѣятельности: — не противопоставляя правительству непосредственно своихъ силъ, она мобилизуетъ противъ него рабочій классъ.

Второе толкованіе: Соціалдемократы самую политическую борьбу понимаютъ какъ развитую форму рабочаго движенія, которое въ этой развитой формѣ и будетъ проявленіемъ дѣятельности соціалдемократической партіи.

На первой точкѣ зрѣнія стоялъ, какъ мнѣ кажется, Ленинъ, на второй — Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ. Теперешнее

„меньшинство“ уже отдѣлалось отъ прежней точки зрѣнія, но еще не стало на вторую. Все это предстоитъ мнѣ теперь доказать, потому что, повторяю, въ разобранномъ уже мною сочиненіи Ленина ни одинъ изъ этихъ различныхъ взглядовъ на соціалдемократическую партію не является выраженнымъ, но оба потенціально скрыты въ немъ.

Отказавшись отъ заговорщицкой тактики, Ленинъ сохранилъ заговорщицкій взглядъ на формы революціонныхъ организацій, и это вполнѣ соотвѣтствовало переходному отъ народовольчества къ соціалдемократизму состоянію соціалистическихъ организацій того времени, когда сложились взгляды автора „Задачъ“. Матерьялы, которые я собралъ въ этой книжкѣ, показываютъ, что формы соціалдемократическихъ организацій періода экономизма были именно заговорщицкими. Тактика соціалистовъ въ то время уже измѣнилась, формы же организаціи еще не приспособились къ новой тактикѣ и это было возможно только потому, что и самая дѣятельность соціалистовъ новой школы, т. е. соціалдемократовъ была рудиментарной; по мѣрѣ же ея развитія, организація измѣнялась и въ настоящее время въ самомъ передовомъ районѣ дѣятельности соціалдемократіи, у Бунда, форма организаціи соціалистовъ въ значительной степени соотвѣтствуетъ ихъ новымъ тактическимъ пріемамъ борьбы.

Въ статьяхъ [illegible] номеровъ Искры и затѣмъ въ книжкѣ „Что дѣлать?“ Ленинъ уже гораздо опредѣленнѣе формулировалъ свои взгляды на организацію; послѣ этого Союзъ Рус. Соц.-Дем. и его сторонники [illegible] не могли себя считать солидарными съ авторомъ „Задачъ“; ясно опредѣлились два теченія въ соціалдемократіи; обратимся же къ формуламъ „Что дѣлать?“, гораздо болѣе развитымъ, чѣмъ формулы „Задачъ“, хотя еще все же не законченнымъ.

1. „Для экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ совершенно не нужно, — а потому на такой борьбѣ не можетъ и выработаться, — общерусская централизованная организація, объединяющая въ одинъ общій натискъ *всѣ и всяческія проявленія политической оппозиціи*, протеста и возмущенія, организація, состоящая изъ революціонеровъ по профессіи и руководимая настоящими политическими вождями *„всего народа“* (стр. 75, курсивъ мой).

Соціалдемократической организаціи предъявляется требованіе быть выразительницей „всѣхъ и всяческихъ проявленій политической оппозиціи“, подъ руководствомъ вождей „всего народа“; уже это требованіе подразумѣвало, что пролетарьятъ явится лишь одною изъ силъ, которыми будетъ руководить соціалдемократическая организація. Уже этимъ соціалдемократическая организація признавалась явленіемъ лишь сопутствующимъ пролетарскому движенію. Этотъ взглядъ былъ лишь отраженіемъ дѣйствительности въ моментъ возникновенія первыхъ соціалдемократическихъ

организацій и въ Вильнѣ, и въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ, какъ я это уже показалъ.

2. „Погромы стали такъ часто повторяться, захватывать такую массу лицъ, выметать до такой степени начисто мѣстные кружки, что рабочая масса теряла буквально всѣхъ руководителей, движеніе пріобрѣтало невѣроятно скачкообразный характеръ и абсолютно никакой преемственности и связности работъ не могло установиться“ (стр. 77).

Если въ первой цитатѣ соціалдемократической организаціи навязывались задачи несвойственныя ей, какъ пролетарской партіи, то въ приведенныхъ строкахъ отрицается за пролетарскимъ движеніемъ всякое вліяніе на ходъ дѣятельности соціалдемократическихъ организацій, оказывается что въ дѣятельности соціалдемократическихъ организацій *абсолютно никакой* преемственности не было; это объясняется авторомъ тѣмъ, что члены соціалдемократическихъ организацій слишкомъ часто смѣнялись изъ за арестовъ. Совершенно справедливо, что составъ соціалдемократическихъ организацій мѣнялся поразительно часто. Многія изъ нихъ существовали всего полгода, а иногда и меньше, но тѣмъ болѣе поразителенъ тотъ фактъ, который, надѣюсь, устанавливаютъ собранные въ этой книжкѣ матеріалы, что преемственность и связность работы *установилась*: тактика и формы организаціи развивались съ такою послѣдовательностью, что легко установить въ ней законосообразность. Если авторъ „Что дѣлать?“ отрицаетъ это, то этимъ лишь проявляется, что его взгляды сложились въ самую первую стадію развитія пролетарскаго движенія. Но разъ сложившись, эти взгляды, конечно, требовали, чтобы всѣ усилія революціонеровъ были направлены на сохраненіе *организаціонной* преемственности, если эта преемственность не могла быть обезпечена ни чѣмъ инымъ. Этотъ выводъ и былъ сдѣланъ самимъ авторомъ:

3. „Нашей первой и самой настоятельной практической задачей является: создать организацію революціонеровъ, способную обезпечить энергію, устойчивость и преемственность политической борьбы“ (стр. 79).

Задача создать прочную организацію партіи и на самомъ дѣлѣ являлась очередною для соціалдемократіи и поскольку Искра защищала эту задачу, она — не сознавая того — лишь формулировала исторически выдвинутую и назрѣвшую потребность. Искру организованной политической борьбы принесъ вѣтеръ третьяго періода. Если Искра, органъ Ленина, не встрѣтила себѣ поддержки въ этомъ теченіи нашего движенія, то не за то, что она ставила себѣ *эту* задачу, а за то *какъ* она ее ставила. Но Ленинъ и вся группа Искры совершенно не поняли этого. Они обвиняли своихъ противниковъ въ „кустарничествѣ“, „хвостизмѣ“, „экономизмѣ“ и проч. и проч. Позже, выясняя организаціонные взгляды другого теченія, я покажу, насколько это было невѣрно*); теперь я

---

*) Методы идейной борьбы съ противникомъ оставались у Искры одни и тѣ же: никакія „полемическія красоты“ не считались не-

только отмѣчаю — слѣдя за развитіемъ взглядовъ Ленина — какъ задача построить „организацію профессіональныхъ революціонеровъ“ изъ служебной, предназначенной создать органъ выраженія, проявленія пролетарскаго движенія, превратилась въ самостоятельную, самодовлѣющую; изъ дальнѣйшихъ цитатъ это будетъ еще яснѣе видно.

4. „Съ какимъ несравненнымъ, по истинѣ Нарциссовскимъ, высокомѣріемъ поучали эти мудрецы (Рабочее Дѣло) Плеханова: рабочимъ *кружкамъ* вообще недоступны политическія задачи въ дѣйствительномъ практическомъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ цѣлесообразной и успѣшной *практической* борьбы за политическія требованія (Отвѣтъ Ред. Р. Д., стр. 24). Есть кружки и кружки, господа! Кружку кустарей, конечно, недоступны политическія задачи; но кружку корифеевъ въ родѣ Алексѣева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политическія задачи въ самомъ дѣйствительномъ, въ самомъ практическомъ смыслѣ этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку ихъ горячая проповѣдь встрѣчаетъ откликъ въ стихійно пробуждающейся массѣ, поскольку ихъ кипучая энергія подхватывается и поддерживается энергіей революціоннаго класса“ (стр. 80)

Здѣсь уже достаточно ясно выражена мысль о самостоятельной роли „кружковъ“, т. е. С.-Д. О. *Непосредственный* натискъ С.-Д. О. на самодержавіе невозможенъ. Это только и заявляла редакція Раб. Дѣла; она искала иныхъ методовъ политической борьбы и находила ихъ въ руководствѣ массовой борьбой пролетарьята. Ленинъ, осмѣивая эту мысль, не замѣчаетъ, что онъ самъ ее цѣликомъ принимаетъ и „энергіи революціоннаго класса“ предоставляетъ совершить трудную работу политическаго обнов-

---

допустимыми, если они дискредитировали „критика“. Примѣромъ тому можетъ служить аргументація Ленина по вопросу, о которомъ теперь идетъ рѣчь, въ его „Шагахъ“ (стр. 47 и примѣч.): „Акимовъ съ откровенностью пояснялъ, что „самую цѣль ихъ“ (Плеханова, Мартова и мою — созданіе руководящей организаціи революціонеровъ) онъ считаетъ неосуществимой и вредной); онъ отстаиваетъ, какъ и тов. Мартыновъ, идею экономистовъ о ненужности организаціи революціонеровъ. Тов. Мартыновъ хочетъ заставить слушателей *забыть*, что тѣ, съ кѣмъ я воевалъ, *не видѣли* надобности *въ организаціи революціонеровъ*, какъ не видитъ ея и сейчасъ тов. Акимовъ“. Я требую здѣсь публично отъ тов. Ленина отвѣтить мнѣ, какое онъ имѣлъ право сказать и напечатать эти слова! Развѣ не было ему извѣстно, что не только никогда и нигдѣ я не заявлялъ ни устно, ни печатно, что я не вижу надобности въ организаціи революціонеровъ, но, наоборотъ, самъ состоялъ десять лѣтъ членомъ различныхъ организацій революціонеровъ. Развѣ не извѣстно тов. Ленину, что я десять лѣтъ являюсь — по его терминологіи — профессіональнымъ революціонеромъ и въ качествѣ таковаго всегда былъ въ организаціи такихъ же какъ и я революціонеровъ?

ленія Россіи. Но если въ этомъ отношеніи его насмѣшки надъ Раб. Дѣломъ являются плодомъ непониманія своего противника, то въ нихъ однако ярко отразилась характерная черта Ленина, дѣйствительно рѣзко отличающая его отъ взглядовъ Раб. Дѣла: движеніе и дѣятельность „революціоннаго класса“ представляются ему не самопроизвольными, не творческими, создающими для своего проявленія необходимые органы — организаціи, а, наоборотъ, „откликами“, эхомъ на кипучую дѣятельность организаціи революціонеровъ. Т. Надеждинъ назвалъ свою газету „Откликами“ на пролетарское движеніе, Ленинъ призналъ самое пролетарское движеніе за „отклики“ на кипучую дѣятельность профессіональныхъ революціонеровъ; свой органъ онъ назвалъ Искрой, которая возжетъ пламя народнаго возстанія. Описывая дѣятельность первыхъ соціалдемократическихъ организацій въ Петербургѣ, я показалъ уже, какъ слагалась такая психологія. Ленинъ именно тамъ и именно въ то время получилъ свое политическое воспитаніе. Посмотримъ, какъ дальше и дальше идетъ Ленинъ въ этомъ направленіи обособленія соціалдемократіи и рабочаго движенія, какъ двухъ самостоятельныхъ общественныхъ явленій.

5. „Теперь русскій революціонеръ, руководимый истинно революціонной теоріей, *опираясь* (курсивъ мой В. А.) на истинно революціонный и стихійно пробуждающійся классъ можетъ наконецъ—наконецъ! выпрямиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы“ (стр. 81). „Мы подошли такимъ образомъ къ вопросу о соотношеніи между организаціей профессіональныхъ революціонеровъ и чисто рабочимъ движеніемъ“ (83 стр.). „Я утверждаю, что чѣмъ больше мы *съузимъ* составъ членовъ нашей организаціи до участія въ ней такихъ только членовъ, которые профессіонально занимаются революціонною дѣятельностью ... тѣмъ шире будетъ составъ лицъ и изъ рабочаго класса и изъ *остальныхъ классовъ* (курсивъ мой. Сравн. 1.) общества, которые будутъ имѣть возможность участвовать въ движеніи и активно работать въ немъ“ (стр. 94). „Мы возставали и всегда будемъ, конечно, возставать противъ съуженія политической борьбы до заговора, но это, разумѣется, вовсе не означало отрицаніе необходимости крѣпкой революціонной организаціи (стр. 103). „По *формѣ* крѣпкая революціонная организація въ самодержавной странѣ можетъ быть названа и заговорщицкой организаціей, ибо французское слово „конспирація“ равносильно русскому „заговоръ“; было бы, поэтому, величайшей наивностью бояться обвиненія въ томъ, что мы, соціальдемократы, хотимъ создать заговорщицкую организацію“ (стр. 104).

Изъ всѣхъ приведенныхъ мною здѣсь цитатъ изъ книжки „Что дѣлать?“, какъ мнѣ кажется, опредѣляются два тактическихъ принципа Ленина: 1) По своимъ *функціямъ* С.-Д. О. есть отрицаніе заговорщицкихъ пріемовъ борьбы и разсчитана на то, чтобы вызвать „отклики“, „поддержку“ массъ; 2) По своей *формѣ* эта организація должна быть заговорщицкой. Въ этомъ противорѣчіи функціональной и формальной стороны С.-Д.О. сказалось

основное противорѣчіе во взглядахъ Ленина, отразилась его позиція, промежуточной системы между партіей соціалистическаго заговора, „Народной Волей“ и партіей пролетарскаго соціализма, соціалдемократіей. Такова его позиція теоретически, какъ я это показалъ въ прошлой моей брошюркѣ, такова она исторически, какъ я доказываю здѣсь.

* * *

Книжка „Что Дѣлать“ появилась въ мартѣ 1902 года и къ несчастью для дѣла, не нашла себѣ отпора. Одни не поняли, насколько эта книжка поверхностна, ошибочна и служитъ лишь полемическимъ цѣлямъ; другіе, сознавая это, однако отступили въ борьбѣ, не имѣли силъ принять этотъ новый вызовъ группы Искры; третьи — какъ Плехановъ, по его признанію — молчалъ по дипломатическимъ соображеніямъ. Ленинъ счелъ себя побѣдителемъ, и въ сентябрѣ, въ „Письмѣ къ Товарищу“, поставилъ точки на і въ своихъ организаціонныхъ планахъ. Это письмо послужило исходнымъ пунктомъ для критики плановъ Ленина уже и со стороны его бывшихъ единомышленниковъ, впрочемъ не въ моментъ его появленія, а гораздо позже, черезъ годъ послѣ раскола на съѣздѣ.

Издавая это письмо въ январѣ 1904 года, Ленинъ совершенно справедливо спрашиваетъ: „кто же не понимаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что нашъ партійный организаціонный уставъ воспринялъ въ себѣ наши всегдашніе организаціонные планы“. Посмотримъ же, каковы были эти планы.

„Во главѣ всего мѣстнаго движенія, всей мѣстной соціалистической работы стоитъ комитетъ“ (стр. 17). Комитетъ этотъ состоитъ исключительно изъ профессіональныхъ революціонеровъ, изъ „вполнѣ сознательныхъ соціалдемократовъ, посвящающихъ себя цѣликомъ соціалдемократической дѣятельности“ (стр. 7). О составѣ и роли мѣстныхъ комитетовъ Ленинъ говоритъ въ заключеніи своего письма, вначалѣ же его, указавъ на комитетъ, какъ на руководящую мѣстную организацію партіи, переходитъ къ разбору остальной системы мѣстныхъ организацій. Прежде всего онъ приводитъ мнѣніе на этотъ счетъ товарища, на письмо котораго онъ отвѣчаетъ;

„Послѣ комитета вы выдвигаете, какъ соподчиненныя ему слѣдующія учрежденія: 1) дискуссію, 2) районные кружки, 3) кружки пропагандистовъ при каждомъ изъ нихъ, 4) заводскіе кружки и 5) представительныя сходки делегатовъ отъ заводскихъ кружковъ“.

Приведя эту выписку, Ленинъ замѣчаетъ: „я согласенъ съ вами, что всѣ дальнѣйшія учрежденія должны быть соподчинены комитету, но въ нѣкоторыхъ частностяхъ я, кажется, не вполнѣ согласенъ съ вами“. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, не былъ ли бы Ленинъ правъ, если бы сказалъ наоборотъ: „Съ одною частностью вашего плана — и именно съ тою, съ которою абсолютно всѣ согласятся — я вполнѣ согласенъ съ вами; но во

всемъ остальномъ, и въ самомъ существенномъ, я совершенно не согласенъ съ вами". Если это дѣйствительно станетъ видно изъ дальнѣйшаго, то придется признать, что дипломатическая тонкость рѣчи Ленина къ его политическимъ друзьямъ не уступаетъ въ изысканности его „полемическимъ красотамъ" по адресу политическихъ „враговъ".

1) „На счетъ дискуссіи я думаю, что такого учрежденія вовсе на надо. Лучшіе революціонеры должны быть всѣ въ комитетѣ или въ особыхъ организаціяхъ. Къ чему особое учрежденіе для совѣщаній?"

Описывая систему организаціи Бунда, я указалъ уже, как е важное значеніе имѣютъ тамъ дискуссіи, и петербургскій рабочій, которому отвѣчаетъ Ленинъ, очевидно, сознаетъ эту важность*). Но для Ленина всѣ организаціи партіи, кромѣ централныхъ имѣютъ значеніе лишь агентуры, лишь органовъ спеціальныхъ функцій; онъ смѣется надъ „комитетами стараго типа, въ которые входятъ цѣлыя кучи лицъ, вѣдающихъ каждое всѣ и всякія дѣла, не посвящающихъ себя отдѣльнымъ функціямъ, тратящихъ массу силъ на радикальскую сутолоку", смѣется онъ и надъ „рабочими кружками, занятыми точно такъ же, какъ и комитетъ, безконечными совѣщаніями „обо всемъ" (насмѣшливые кавычки Ленина), выборами и составленіемъ уставовъ" (стр. 21). Ленинъ полагаетъ, что и въ области дискуссій, т. е. разсужденій, нужно раздѣленіе труда: одни пусть разсуждаютъ, другіе исполняютъ безъ разсужденія; позже я приведу цитату со страницы 22, гдѣ онъ буквально это и говоритъ, но и по поводу дискуссій онъ выражается достаточно опредѣленно: „надо, чтобы всѣ участники работъ, всѣ и всякіе кружки *имѣли право* (либерально! В. А.) доводить свои рѣшенія, желанія, запросы до свѣдѣнія какъ комитета, такъ и Ц. О. и Ц. К. Если мы обезпечимъ это, то тогда полнота совѣщаній всѣхъ партійныхъ работниковъ будетъ достигнута (!! В. А.) безъ созданія такихъ громоздкихъ и неконспиративныхъ учрежденій, какъ дискуссія".

Такова первая „частность", въ которой Ленинъ „кажется" не вполнѣ согласенъ съ авторомъ письма къ нему. Конечно, если кружокъ довелъ до свѣдѣнія Ц. К. свои запросы, то „полнота совѣщанія *всѣхъ* работниковъ достигнута!

2) „Что касается районныхъ группъ, то относительно ихъ я вполнѣ согласенъ съ вами, что одной изъ важнѣйшихъ задачъ

---

*) Этотъ товарищъ былъ спропагандированъ искровцами и съ самаго начала своей дѣятельности велъ борьбу съ петербургской „Рабочей организаціей". Однако, борясь съ нею, онъ, самъ того не сознавая, поддался ея вліянію, которое отразилось уже и на письмѣ, которое мы теперь разбираемъ. Позднѣе, тотчасъ послѣ съѣзда, этотъ товарищъ, очевидно, понялъ, насколько онъ ошибся, считая себя сторонникомъ Ленина, „искровцемъ". Онъ — одинъ изъ первыхъ перешелъ въ „меньшинство".

ихъ является правильная постановка распредѣленія литературы." (стр. 10)

Здѣсь Ленинъ, повидимому, „вполнѣ согласенъ". Но тотчасъ же онъ смягчаетъ свою мысль: „я думаю, что районныя группы должны быть главнымъ образомъ *посредниками* (подчеркиваетъ Ленинъ) между комитетами и заводами"; дальше еще одно смягченіе: „посредниками и даже преимущественно *передатчиками*" (курсивъ Ленина). „Если обезпечить регулярныя сношенія особой районной группы разносчиковъ..." Уже — разносчиковъ! Организаторы распредѣленія литературы превратились сначала въ посредниковъ, потомъ въ передатчиковъ, и наконецъ въ разносчиковъ!... „Если обезпечить регулярныя сношенія особой группы разносчиковъ со всѣми заводами района, то это будетъ имѣть громадное значеніе"! Но можетъ быть Ленинъ согласенъ съ авторомъ письма по крайней мѣрѣ въ томъ, что „разносить" листки это только *одна изъ* задачъ районной организаціи? Нѣтъ! „Расширять предѣлы вѣдѣнія районной группы на другія функціи помимо чисто посреднической и передаточной по моему мнѣнію не слѣдовало бы, или, вѣрнѣе, слѣдовало бы лишь съ чрезвычайной осторожностью. Это можетъ повредить только и конспиративности и цѣльности работы". (стр. 11).

3) „Перехожу къ вопросу о кружкахъ пропагандистовъ — пишетъ Ленинъ далѣе. Организовать ихъ отдѣльно при каждомъ районѣ едва ли возможно и едва ли желательно". „Пропаганда должна вестись въ одномъ духѣ всѣмъ комитетомъ". „Комитетъ поручаетъ нѣсколькимъ своимъ членамъ организовать группу пропагандистовъ. Эта группа, пользуясь услугами районныхъ групъ, должна вести пропаганду во всей мѣстности, подвѣдомственной комитету. Эта группа можетъ составить подгруппы, но не иначе, какъ при условіи утвержденія со стороны комитета". (стр. 12)

Такимъ образомъ, по плану Ленина, группы „пропагандистовъ" превращаются въ группы устныхъ разносчиковъ взглядовъ комитета, или какъ мы увидимъ ниже, центральныхъ учрежденій партіи, такъ точно, какъ районная организація является только организаціей разносчиковъ печатныхъ заявленій высшей инстанціи. По проэкту петербургскаго товарища, районная организація была бы коллегіей, которая ведетъ всю работу въ своемъ районѣ — само собою разумѣется подъ руководствомъ комитета; и точно такъ же группа пропагандистовъ являлась бы тоже коллегіей, организующей самостоятельно дѣло пропаганды въ данномъ районѣ; единство дѣйствій всѣхъ пропагандистовъ партіи обезпечивалось бы тѣмъ, что всѣ они сознательно и самостоятельно пропагандируютъ идеи соціалдемократіи, руководятся программой партіи, подчиняются рѣшеніямъ съѣздовъ. По проэкту Ленина всякая самодѣятельность, всякая иниціатива отнимается у этихъ групъ, онѣ только „разносчики", и къ нимъ, какъ и къ районнымъ организаціямъ примѣнимо пожеланіе: „самостоятель-

ность слѣдовало бы допустить лишь въ вопросахъ о техникѣ передачи и распространенія"! (стр. 12) При такихъ условіяхъ всѣ „несогласно мыслящіе" элементы партіи должны бы были остаться внѣ ея.

4) „Теперь о заводскихъ кружкахъ — продолжаетъ Ленинъ. Каждый заводъ долженъ быть нашей крѣпостью. Заводской кружекъ долженъ состоять изъ очень небольшого числа *революціонеровъ* получающихъ *непосредственно отъ комитета* порученія и пелномочія". (курс. Ленина). „Всѣ члены заводского комитета должны смотрѣть на себя, какъ на агентовъ комитета, обязанныхъ подчиняться всѣмъ распоряженіямъ его. Комитетъ же будетъ опредѣлять, кому изъ этихъ агентовъ вести сношенія съ нимъ *и какъ* вести". „Не лишне оговориться, что иногда вмѣсто З. К. нужно будетъ или удобнѣе будетъ ограничиться назначеніемъ одного агента отъ комитета". (стр. 14-16)

Такимъ способомъ Ленинъ надѣется превратить „каждый заводъ въ нашу крѣпость". Здѣсь все та же эволюція идеи отъ проэкта петербургскаго товарища къ проэкту Ленина: a) заводской кружокъ b) кружокъ небольшого числа революціонеровъ c) кружокъ агентовъ обязанныхъ подчиняться d) одинъ назначенный отъ комитета агентъ — вотъ уже и есть у насъ еще одна крѣпость... почти такая, какъ Портъ-Артуръ!

5) По поводу пятого пункта проэкта своего корреспондента Ленинъ замѣчаетъ лаконически: „я противъ не только дисскусій" но и противъ представительной сходки". (стр. 10)

Дѣйствительно, „кажется", что „въ нѣкоторыхъ частностяхъ, Ленинъ „не вполнѣ согласенъ" съ петербургскимъ товарищемъ!

Итакъ, „всѣ и всяческія" организаціи партіи „на мѣстахъ" — оказались лишь агентурой мѣстнаго комитета, который „стоитъ во главѣ всего мѣстнаго движенія всей мѣстной соціалдемократической работы". Но при этомъ создалась опасность, что мѣстные комитеты сами станутъ разсуждать, сами захотятъ дѣйствовать и, конечно, рискуютъ уклониться съ истиннаго пути. Эту опасность Ленинъ спѣшитъ предупредить, превративъ и самые мѣстные комитеты въ агентовъ „Центральныхъ Учрежденій Партіи.

„Мы подошли тутъ — пишетъ Ленинъ на стр. 20—къ весьма важному принцкпу всей партійной организаціи и партійной дѣятельности". *Центръ будетъ безсиленъ* если мы не проведемъ *максимальной децентрализаціи* въ отвѣтственности передъ нимъ и въ освѣдомленности его во всѣхъ колесахъ и колесикахъ партійной машины". Въ этой машинѣ, такимъ образомъ, мѣстные комитеты являются передаточными рычагами, чтобы можно было привести сразу въ движеніе всѣ колеса и колесики. Самостоятельную дѣятельность комитетовъ Ленинъ называетъ „радикальской сутолокой"; она, по его словамъ, „заслоняетъ отъ центра партійную работу: „Не создадутъ еще прочной боевой партіи, если партійный центръ будетъ по прежнему *заслоненъ* отъ непосредствен-

ной практической работы мѣстными комитетами стараго типа". (стр. 21).

И далѣе Ленинъ въ краткихъ, но чрезвычайно характерныхъ и яркихъ выраженіяхъ формулируетъ свой взглядъ на мѣстные комитеты, именно, какъ на передаточные рычаги, которые „Центръ" можетъ и долженъ по своему произволу вставлять и переставлять или выбрасывать: „чтобы центръ могъ не только совѣтовать, убѣждать, спорить (какъ дѣлалось до сихъ поръ), а дѣйствительно дирижировать оркестромъ, для этого необходимо, чтобы было въ точности извѣстно, кто, гдѣ и какую скрипку ведетъ и кого, какъ и куда надо для исправленія диссонанса перевести" (стр. 22).

Вотъ что означалъ въ представленіи его авторовъ пунктъ нашего партійнаго устава, гласящій, что Ц. К. *организуетъ* комитеты.

Но — Центръ! Какъ обезпечитъ за нимъ устойчивость и ортодоксальность? „Если случайно въ центрѣ окажется надѣленное громадною властью неспособное лицо, средства противъ этого могутъ дать лишь мѣры „товарищескаго воздѣйствія", начиная съ резолюцій и кончая сверженіемъ совершенно неспособной власти".

Здѣсь тов. Ленинъ ставитъ точку. Кто именно и какъ именно окажетъ на Центръ такое спасительное воздѣйствіе — онъ не объясняетъ, но за то въ приложеніи къ „Письму" своему онъ приводитъ письмо другого товарища къ нему, къ Ленину, изъ *** —ва. Тов. Ленинъ, очевидно, думаетъ, что это письмо насъ можетъ кое чему научить, и оно дѣйствительно очень поучительно. Товарищъ изъ ***—ва прекрасно усвоилъ взглядъ Ленина на партію. Для него она ничто иное, какъ машина въ рукахъ вождей: „если вожди ортодоксы, то и направленіе партіи ортодоксальное, если — оппортунисты, то и партія такая же"!

Какое же устройство партіи обезпечитъ ея ортодоксальное направленіе? спрашиваетъ себя товарищъ изъ ***—ва. Для этого обезпеченія онъ полагаетъ за лучшее отдать Центръ, Центральный Комитетъ подъ руководство Центральнаго Органа, „принимая во вниманіе — поясняетъ тов. изъ ***—ва, что Ц. О. будетъ находиться заграницею" и, слѣдовательно, его редакція имѣетъ „болѣе долговременное существованіе", точнѣе говоря, остается все та же.

Но, все таки, что если и Ц. О. испортится? „Ну, можно ли тогда дать ему преобладаніе въ идейномъ руководствѣ?" Нѣтъ, конечно! „Нѣтъ, наша обязанность была бы отнять у него право на преобладаніе и передать его въ руки другого учрежденія, и если бы этого не было бы сдѣлано по какому нибудь поводу, все равно, будь то партійная дисциплина или еще что нибудь, то всѣ мы были бы достойны названія измѣнниковъ рабочему соціалдемократическому движенію...

На всемъ этомъ лежитъ такая яркая печать чисто заговорщицкихъ взглядовъ на партійную организацію, что мнѣ кажутся излишними дальнѣйшіе комментаріи.

III.

Второй съѣздъ нашей партіи начался при обстоятельствахъ исключительно благопріятныхъ для теченія, организаціонныя и тактическія тенденціи котораго выражалъ Ленинъ. Въ нѣсколькихъ брошюрахъ уже было доказано — мною, тов. Рязановымъ и делегаціей Бунда — что искровскій Организаціонный Комитетъ чисто искусственно устранилъ отъ съѣзда многихъ своихъ фракціонныхъ противниковъ и, наоборотъ, искусственно усилилъ вліяніе организацій, въ которыхъ теченіе „Искры" видѣло своихъ надежныхъ защитниковъ. Этотъ фактъ до сихъ поръ не былъ никѣмъ оспариваемъ. Все заставляло думать поэтому, что организаціонный планъ группы „Искры", изложенный уже въ № 4 ея газеты, будетъ цѣликомъ проведенъ въ жизнь.

Различіе въ настроеніяхъ делегатовъ, правда, обнаружилось съ первыхъ же собраній, но такъ какъ никто изъ нихъ не сознавалъ принципіальной основы этихъ различій, то казалось, что они сводятся къ различіямъ индивидуальностей. И какъ только съѣзду приходилось принять рѣшеніе относительно фракціонныхъ противниковъ Искры, его большинство голосовало съ полнымъ единодушіемъ.

Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ былъ закрытъ. Это не вызывалось никакими реальными интересами Партіи: поскольку рѣчь шла о необходимости соединить всѣ заграничныя организаціи въ одну — мы всѣ сходились*). Дебаты велись о томъ, слѣдуетъ ли *соединить* Союзъ съ Лигою или *закрыть* его, оставивши одну Лигу. Второй съѣздъ долженъ былъ быть торжествомъ теченія Искры, и потому Союзъ, выразитель другого теченія, былъ закрытъ, а Лига, выражавшая теченіе Искры, оставлена, „вопреки своей бездѣятельности", какъ выразился Ленинъ на съѣздѣ Лиги. Делегаты Союза — я и т. Мартыновъ — были безсильны помѣшать этому печальному прецеденту и могли лишь протестовать противъ него. Мы выразили свой протестъ тѣмъ, что отказались въ дальнѣйшемъ принимать участіе въ голосо-

---

*) Именно: сходи*лись*. Когда послѣ съѣзда сторонники Мартова оказались въ меньшинствѣ, они безъ малѣйшихъ колебаній стали дѣйствовать какъ особая группа. Тов. Троцкій въ своихъ „Задачахъ" на стр. 71 разсуждаетъ о дисциплинѣ такъ точно, какъ Ленинистъ изъ ***—ва. Точно также и сторонники Ленина съ такимъ, недопускающимъ возраженій убѣжденіемъ доказывавшіе, что ни одна газета не должна быть терпима, кромѣ Искры, и ни одна организація заграницей, кромѣ Лиги, — завели свою собственную организацію и свою собственную газету какъ только „Искра" и „Лига" перестали быть орудіемъ въ ихъ рукахъ. Впрочемъ, эти люди говорятъ, что они ненавидятъ безпринципныхъ оппортунистовъ.

ваніяхъ. Торжествующее теченіе не хотѣло снести даже и протеста, и требовало безропотнаго подчиненія. Намъ была ясно поставлена дилемма: или взять назадъ нашъ протестъ, или уйти со съѣзда. Намъ пришлось выбрать послѣднее. Я думаю, что этимъ Союзъ въ нашемъ лицѣ выполнилъ послѣднюю свою обязанность передъ своимъ теченіемъ, оказавъ сопротивленіе, хотя и не могшее уже имѣть никакихъ непосредственныхъ результатовъ противъ пагубной тактики Искры.

Далѣе была очередь за Бундомъ. Ему была поставлена та же дилемма еще болѣе рѣзко: или молчаливо подписать свой смертный приговоръ, или выйти изъ партіи. Его делегаты поступили такъ же, какъ и делегаты Союза, и такъ какъ они имѣли на это полномочія своей организаціи, то ихъ уходъ со съѣзда былъ въ тоже время выходомъ изъ Партіи Бунда.

По окончаніи съѣзда Центральный Комитетъ приступилъ къ реорганизаціи Лиги. Конечно, онъ не имѣлъ въ виду закрыть ее, какъ Союзъ. Но въ принципѣ это было проявленіемъ той же тактики, отношеніемъ къ партійнымъ организаціямъ, какъ къ агентурнымъ коллегіямъ Центральнаго Комитета. Лига, ставшая организаціей „меньшинства", оказала этимъ принципамъ такой же отпоръ, какъ Союзъ и какъ Бундъ. Лига была достаточно сильна, чтобы бороться внутри партіи противъ тенденцій Ц. К. Эта борьба началась, и Ц. К. былъ принужденъ отказаться отъ своихъ прежнихъ тенденцій, которыя были тенденціями старой Искры и остались у „большинства". „Большинство" было оттѣснено отъ центральныхъ учрежденій партіи. Новая Искра и новый Ц. К. вступили на „Новый Путь", по выраженію Аксельрода.

* * *

Впервые организаціонные разногласія проявились во время дебатовъ о первомъ параграфѣ устава, когда съѣзду приходилось выбирать между формулировкою Ленина и формулировкою Мартова.

Защищая свою формулировку, Мартовъ произнесъ рѣчь въ ультра искровскомъ духѣ. Необходимость дать товарищамъ, невходящимъ въ партійную организацію, право называться членами партіи онъ мотивируетъ именно тѣмъ, что организація должна быть слишкомъ замкнутой. Именно потому, что организація партіи строилась и Мартовымъ по заговорщицкому принципу, именно поэтому онъ не хотѣлъ ввести въ нее всѣхъ членовъ партіи; и въ имени члена партіи онъ видѣлъ лишь званіе, позволяющее отстранить съ почетомъ многихъ членовъ партіи отъ ея организаціи. Такимъ образомъ казалось, что здѣсь шелъ споръ лишь о томъ, какъ достигнуть общей цѣли: замкнуть организацію профессіональныхъ революціонеровъ отъ среды, на которую она должна воздѣйствовать. Но на самомъ дѣлѣ Мартовъ здѣсь сдѣлалъ ошибку съ точки зрѣнія принциповъ Искры, потому что „члены партіи", конечно, не могли бы удоволь-

ствоваться лишь „почетнымъ званіемъ“, пожелали бы имѣть вліяніе на дѣятельность партійной организаціи, и даже больше того, превратить эту организацію въ выразителя и исполнителя ихъ воли, воли партіи. При такихъ условіяхъ организація неизбѣжно измѣнилась бы и изъ заговорщицкой превратилась бы въ демократическую. Ленинъ это зналъ, и онъ этого не хотѣлъ. Мартовъ этого не зналъ и лишь инстинктивно сознавалъ, что рамки заговорщицкой организаціи слишкомъ тѣсны для партіи. Но признавая партіей ту среду, которая была внѣ рамокъ заговорщицкой организаціи, онъ, не сознавая того, ломалъ эти рамки, измѣняя своимъ организаціоннымъ принципамъ. Впослѣдствіи ему оставалось только дѣлать шагъ за шагомъ на этомъ пути. Этотъ путь былъ, такимъ образомъ, отъ организаціонныхъ принциповъ „Искры“ къ организаціоннымъ принципамъ Союза; отъ заговорщицкой организаціи къ демократической организаціи.

Это приближеніе „мягкихъ“ искровцевъ къ „такъ называемымъ экономистамъ“ въ организаціонныхъ и тактическихъ вопросахъ признается рѣшительно всѣми, кромѣ самихъ „мягкихъ“, которые, однако, тоже сознаютъ, что „у экономистовъ намъ многому слѣдуетъ поучиться“.

Делегаты Союза уже на съѣздѣ поддерживали „меньшинство“ и вотировали за формулировку Мартова. Теперь всѣ безъ исключенія члены бывшаго Союза находятъ тактику „мягкихъ“ болѣе правильной и видятъ въ ней уступку своимъ взглядамъ. Петербургская рабочая организація, прекращая свое существованіе, заявила о своей солидарности съ „меньшинствомъ“; Воронежскій Комитетъ дважды выражалъ свое удовольствіе по поводу перемѣны въ тактическихъ взглядахъ „Искры“.

Съ другой стороны Ленинъ и его единомышленники, „твердые“ искровцы, также видятъ во взглядахъ новой Искры взгляды стараго Союза. Въ обширной брошюрѣ Ленина „Шагъ впередъ“ онъ чуть ни на каждой страницѣ упоминаетъ мое имя, чтобы показать, что „мягкіе“ повторяютъ мои „ошибки“*).

Такимъ образомъ, эмпирически, такъ сказать, можно считать установленнымъ то положеніе, которое я высказалъ относительно позиціи „меньшинства“, и мнѣ остается лишь показать это на анализѣ взглядовъ „меньшинства“, поскольку они были формулированы въ полемической литературѣ.

Но приходится отмѣтить, что сами меньшевики, чѣмъ больше принимаютъ взгляды, ими самими еще недавно такъ безудержно осужденные, тѣмъ болѣе категорически, но по неизбѣжности тѣмъ болѣе голословно, приписываютъ противникамъ бывшей „Искры“ фантастическія воззрѣнія, которыя затѣмъ предаются осужденію.

---

*) Точно также лица, постороннія нашей партіи и равно далекія какъ отъ „большинства“, такъ и отъ „меньшинства“ признаютъ, что „мягкіе“ „развиваютъ взгляды экономистовъ, только, къ сожалѣнію, доводятъ ихъ до абсурда“ (Освобожденіе № 56).

Этимъ „меньшевики“ надѣются отмежеваться отъ „такъ называемыхъ экономистовъ“.

Я позволю себѣ здѣсь сказать нѣсколько словъ обо мнѣ лично, въ виду того, что я являюсь теперь мишенью для осужденія въ моемъ лицѣ того теченія, къ которому я принадлежу. И „большевики“ и „меньшевики“ повторяли слишкомъ много разъ — ни разу, впрочемъ, не доказавъ этого — что я представлялъ собою оппортунистическое теченіе соціалдемократіи. Но изъ моихъ рѣчей на съѣздѣ видно, что я ничего общаго съ оппортунизмомъ не имѣю, и что самъ я не считаю себя солидарнымъ съ этимъ теченіемъ. И вотъ неизвѣстный мнѣ товарищъ Ростовецъ вскользъ заявляетъ въ своемъ письмѣ въ Искру: „Оппортунизмъ не нашелъ себѣ защитника ни въ одномъ изъ делегатовъ. Такимъ защитникомъ принято считать у насъ Акимова. Намъ кажется, однако, что когда разсѣется дымъ отъ канонады, поднявшейся на съѣздѣ, — всѣ согласятся въ томъ, что и Акимовъ сыгралъ на съѣздѣ роль скорѣе призрака оппортунизма, чѣмъ его дѣйствительнаго представителя“. Къ этимъ строкамъ редакція Искры сдѣлала слѣдующее примѣчаніе: „Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. На программныхъ взглядахъ тов. Акимова лежитъ явная печать оппортунизма“ (Прилож. къ № 73-74).

Мои программные взгляды выразились на съѣздѣ въ томъ, что я внесъ къ одной только принципіальной части программы двадцать двѣ поправки. Но это обстоятельство можетъ доказывать одно изъ двухъ: или я оппортунистъ и не согласенъ съ соціалдемократической программой, или же, наоборотъ, программа составленная „Искрой“ и принятая съѣздомъ очень во многомъ отступаетъ отъ программы международной соціалдемократіи.

Всѣ двадцать двѣ поправки, которыя я вношу въ программу, принятую вторымъ съѣздомъ взяты мною *цѣликомъ и исключительно* изъ слѣдующихъ источниковъ: изъ Вѣнской программы Австрійской Соціалдемократической Партіи, изъ Эрфуртской Программы нашихъ Германскихъ товарищей, изъ программы Гедистской Французской Рабочей Партіи и изъ Устава Интернаціонала. Какъ же могли въ этихъ моихъ поправкахъ проявиться оппортунистическіе взгляды? Доказать это было бы слишкомъ трудно и потому „Искра“ предпочла голословную фразу. А между тѣмъ понемногу она сама вынуждена принимать поправки къ программѣ, которыя я вносилъ. Такъ, напримѣръ, самая главная моя поправка, которую отъ имени всего Союза защищалъ на съѣздѣ также и т. Мартыновъ, цѣликомъ принята новою „Искрою“. Я имѣю въ виду вопросъ о соціалистическомъ сознаніи пролетарьята. Каждому видно, что Плехановъ въ своихъ фельетонахъ въ номерахъ 70 и 71 „Искры“ лишь повторялъ, часто дословно, доводы изъ рѣчи Мартынова на съѣздѣ, не упоминая, впрочемъ, о томъ, что этимъ самымъ онъ принимаетъ поправку къ программѣ, которую онъ самъ отвелъ на съѣздѣ. Точно то же дѣлаетъ и авторъ передовой программной статьи № 1 „Соціальдемократа“.

Тамъ онъ принимаетъ, кромѣ того, мою поправку по вопросу о „диктатурѣ“ и нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ.

Кромѣ упомянутыхъ статей со времени второго съѣзда ничего не появлялось по программнымъ вопросамъ ни на страницахъ „Искры“ ни въ другихъ изданіяхъ редакціи. Такимъ образомъ фактъ принятія партіей программы прошелъ совершенно безслѣдно и этимъ подтверждается формальный характеръ этого принятія. „Искра“ замалчиваетъ мою критику программы, потому что она уже не можетъ защищать теперешнюю программу партіи, но еще не хочетъ открыто ее критиковать.

Если такъ обстоитъ дѣло съ программными вопросами, то въ вопросахъ организаціонныхъ и тактическихъ новая „Искра“ подвинулась нѣсколько дальше: она уже критикуетъ періодъ Искризма, но сдѣлала еще лишь робкіе попытки формулировать новые для нея принципы. И это потому, что она идетъ ощупью, отъ конкретнаго, отъ частнаго къ общему. Вмѣсто того чтобы признать ошибки старой „Искры“ въ ея позиціи противъ „такъ называемыхъ экономистовъ“ и признать за исходную точку своей дѣятельности принципіальную позицію Союза, она, наоборотъ, продолжаетъ искажать и слѣдовательно не понимать эту позицію, пугаясь того призрака, который она сама создала въ борьбѣ съ Союзомъ. Отсюда нерѣшительность въ ея шагахъ, половинчатость ея рѣшеній, непослѣдовательность ея дѣйствій. Принявъ теоретически демократическіе организаціонные взгляды Союза новая „Искра“ однако сохранила міровоззрѣніе старой „Искры“. Но этимъ создалось на практикѣ непримиримое противорѣчіе долженствующее совершенно парализовать ея организаціонную дѣятельность. Тѣмъ временемъ ея „организаціонный противникъ — „большинство“ — повидимому уловило задачу минуты и беретъ реваншъ, также становясь „на новый путь“ — выраженіе т. „Галерки“.

Я уже сказалъ, что компетентной и всесторонней экспертизой установленъ тотъ фактъ, что Новая „Искра“ заняла въ организаціонныхъ и тактическихъ вопросахъ позицію промежуточную между старою Искрою и Союзомъ. Эта половинчатость, само собою разумѣется, отразилась и на литературныхъ произведеніяхъ. Я выбираю, чтобы показать это, фельетоны т. Аксельрода.

* * *

Статьи Аксельрода въ №№ 55, 57 и 68 „Искры“ являются несомнѣнно и по общему признанію самой серьезной попыткой меньшинства изучить съ своей точки зрѣнія положеніе вещей въ нашей партіи*). Тѣмъ болѣе характерны тѣ грубыя ошибки и ис-

---

*) „Фельетоны Аксельрода въ №№ 55 и 57 „Искры“ знаменуютъ начало новой эпохи въ нашемъ движеніи...“. Троцкій, „Задачи“, стр. 22. „Аксельродъ въ своихъ прекрасныхъ фельетонахъ доказываетъ вѣрную мысль...“. Рабочій, „Рабочіе и интеллигенты“, стр. 31.

каженія, та неопредѣленность выводовъ, та голословность, недосказанность, которыми отличаются эти статьи.

Миссію меньшинства Аксельродъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ.

„Что и какъ должны мы сдѣлать для того, чтобы русская С.-Д. изъ промежуточнаго въ политическомъ отношеніи существа превратилась, хоть отчасти, въ дѣйствительную пролетарскую партію? Проложить путь къ рѣшенію этой проблемы—въ этомъ заключается миссія меньшинства“. (№ 68).

Эти слова въ статьѣ Аксельрода набраны курсивомъ и помѣщены въ самомъ концѣ его статьи. Очевидно онъ считаетъ ихъ за резюмэ всего имъ сказаннаго. Это резюмэ является безусловно лишь формальнымъ, безсодержательнымъ, потому что оно не отвѣчаетъ на вопросъ, которому посвящены фельетоны, — въ чемъ же расходятся фракціи нашей партіи: подъ неопредѣленной формулой Аксельрода подпишутся всѣ.

Такъ какъ вопросъ о томъ, что такое партія, служитъ гранью между двумя теченіями русской соціалдемократіи, то посмотримъ, какъ рѣшаетъ Аксельродъ этотъ вопросъ.

„Главнымъ признакомъ партіи является практическая близость, непосредственная связь партійной организаціи съ широкими слоями населенія или классами на почвѣ совмѣстной съ ними борьбы за ихъ интересы“. (№ 68).

Снова совершенно неудачная формулировка. Придать этотъ характеръ нашей партіи несомнѣнно стремится и Ленинъ, а потому формула Аксельрода ничего не разъясняетъ въ вопросѣ о разногласіяхъ между большинствомъ и меньшинствомъ.

Аксельродъ не указываетъ разницы во взглядахъ на задачи нашей партіи у большинства и у меньшинства. Неудивительно поэтому, если онъ говоритъ: „наши разногласія съ приверженцами Ленина (въ Россіи, но не заграницей) въ значительной мѣрѣ покоятся на недоразумѣніяхъ“ (68, 2, 1*). „Въ томъ то и заключается чудовищность нашего положенія, что на почвѣ мелочей въ партіи могъ возникнуть и получить господство бюрократически-бонапартистскій режимъ“ (68, 2, 3). — Но объяснять „мелочами“ тотъ расколъ, который теперь создался въ нашей партіи болѣе чѣмъ нераціонально. Нераціонально также дѣлать видъ будто бы расколъ въ партіи не есть обособленіе двухъ теченій, а является лишь борьбою съ заграничной группой Ленина: разногласія меньшевиковъ съ приверженцами Ленина въ Россіи — недоразумѣніе и мелочи, разногласія же съ самимъ Ленинымъ не мелочи и не недоразумѣнія. Это — полемическій пріемъ, вредный прежде всего для самихъ меньшевиковъ. Нѣтъ! теченіе, лидеромъ котораго является Ленинъ, создалось и развилось благодаря опредѣленнымъ историческимъ условіямъ, которыя я старался выяснить въ этой книжкѣ, и благодаря этимъ же

---

*) Первая цифра означаетъ № „Искры“, вторая — страницу, третья — столбецъ.

условіямъ оно долго еще будетъ сохраняться въ нашей партіи даже и послѣ паденія самодержавія, какъ бланкистская группа Вальяна до сихъ поръ сохраняется — правда, какъ пережитокъ — во Франціи: исторически создалось оно, какъ одна изъ стадій въ развитіи нашей партіи; сохраняется и сохранится какъ переживаніе вновь вовлеченными въ партію элементами уже пережитой партіей стадіи.

И такъ ни въ резюмировкѣ задачъ, ни въ опредѣленіи главныхъ признаковъ партіи, Аксельроду не удалось формулировать разногласія въ нашей партіи . Обратимся же къ тексту самихъ статей, чтобы пополнить недостатки ихъ выводовъ. Я постараюсь передать словами самого Аксельрода его взгляды на ходъ развитія нашей партіи.

„Въ теченіе періода такъ называемаго экономизма движеніе наше пріобрѣло глубокіе корни въ пролетарьятѣ, революціонизировало настроеніе и даже сознаніе значительныхъ круговъ его и подняло ихъ революціонную активность (55, 2, 2). Но подавляющее большинство товарищей не только безсознательно въ своей практикѣ, но и въ своемъ субъективномъ сознаніи удалялось отъ первоначальнаго строго марксистскаго базиса нашей партіи заложеннаго въ работахъ Плеханова (57, 2, 2). Общественную тенденцію... практики такъ называемаго экономизма формулировали авторы Credo, она подготовляла опеку буржуазной демократіи надъ массою (55, 5, 1). Затѣмъ совершился стремительный поворотъ оппортунистическихъ элементовъ въ сторону политики съ готовностью пожертвовать настроенію минуты основными интересами пролетарскаго движенія (55, 3, 3). Но революціонная соц.-дем. рѣзко выступила противъ этихъ тенденцій опираясь на такіе реальные факты, какъ громадный ростъ массового движенія и тѣсная связь, практическая и идеальная создавшаяся между нимъ и нашей партіей въ періодъ экономизма (55, 3, 2). Самые недальновидные изъ практиковъ должны были увидѣть наиболѣе явные недочеты истекавшаго періода и понять необходимость программнаго и организаціоннаго объединенія соц.-дем. (55, 2, 3). „Долой организаціонную анархію и да здравствуетъ сплоченіе всѣхъ силъ соц.-дем. въ одну строго централизованную организацію!“ стало общимъ кличемъ большинства членовъ нашей партіи. Въ настоящее время этотъ лозунгъ сталъ реальнымъ фактомъ: второй съѣздъ осуществилъ объединительное стремленіе большинства нашихъ товарищей (55, 2, 3). Но цѣлый рядъ факторовъ задерживалъ выростаніе такой формы организаціи, которая соотвѣтствовала бы историческимъ задачамъ и потребностямъ нашей партіи, и нашими товарищами овладѣло чувство безсилія, и этому именно психологическому состоянію Ленинъ обязанъ своимъ успѣхомъ въ кругу значительной части товарищей (№ 68). Торжество бюрократическаго централизма въ партійной организаціи—таковъ итогъ партійной борьбы революціонной соц.-дем. съ кустарничествомъ. Идейная оболочка революціонно соціалдемократическая, а реальное содержаніе, по

существу, въ принципіальномъ смыслѣ, едва ли выходитъ за рамки буржуазнаго революціонизма“ (55, 3, 1).

Прежде всего необходимо разобраться въ тѣхъ безусловно ошибочныхъ утвержденіяхъ, на которыхъ покоится историческая оцѣнка развитія нашей партіи, сдѣланная Аксельродомъ.

1) Не вѣрно будто бы субъективно, въ своемъ сознаніи, такъ называемые экономисты удалялись отъ строго марксистскаго базиса. Аксельроду извѣстно, что ни одинъ такъ называемый экономистъ (*ни одинъ!*) не заявлялъ о своей солидарности съ Бернштейномъ или съ Credo; ему извѣстно, что всѣ такъ называемые экономисты заявляли о своей принципіальной солидарности съ Г. О. Т. Слѣдовательно, основательно или не основательно, но *субъективно*, въ своемъ сознаніи, они не удалялись отъ строго марксистскаго базиса.

Аксельроду извѣстно, что авторы Credo никакого отношенія не имѣли ни къ какой организаціи „т. н. экономистовъ“. Это было много разъ доказано и на публичныхъ собраніяхъ заграницей и въ литературѣ такъ называемыхъ экономистовъ и ни разу не было опровергнуто. Поэтому не только ошибочны, но и неправдою звучатъ слова Аксельрода, будто бы такъ называемые экономисты *готовы* были пожертвовать настроенію минуты основными интересами пролетарскаго движенія“.

2) Но невѣрно также, будто бы авторы Credo формулировали тенденцію такъ называемыхъ экономистовъ. Что касается объективнаго значенія, „безсознательной практики такъ называемыхъ экономистовъ“ и „общественныхъ тенденцій этой практики“, то оцѣнка ихъ Аксельродомъ („оно подготовляло опеку буржуазіи надъ пролетарьятомъ и было формулировано въ Credo“) является чисто субъективною, Аксельродовской и противорѣчитъ тому факту, на который указываетъ самъ Аксельродъ: „въ теченіе періода такъ называемаго экономизма движеніе революціонизировало настроеніе и даже сознаніе значительныхъ круговъ пролетарьята“. Какъ же могло революціонизированіе настроенія и *сознанія* пролетарьята подготовлять опеку надъ нимъ буржуазіи? Это предположеніе есть дань взгляду Ленина на сознаніе пролетарьята, какъ на нѣчто трэдьюніонистское, которое можетъ стать соціалистическимъ лишь тогда, когда идеи соціализма будутъ внесены въ пролетарьятъ извнѣ. Мы увидимъ ниже, что Аксельродъ въ значительной степени еще остается подъ властью этого воззрѣнія. Но даже и послѣ этого непонятно, какъ могъ Аксельродъ утверждать, что революціонная соціалдемократія побѣдила такъ называемый экономизмъ, пользуясь „для этого тѣсною связью практической *и идейной* создавшейся между пролетарьятомъ и партіей въ періодъ экономизма“... нужно дѣлать большое усиліе воли, чтобы сохранить хладнокровіе, разбирая эти вопіющія по своей неправдѣ утвержденія Аксельрода! Т. Аксельродъ, конечно предпочтетъ не отвѣтить мнѣ на эти мои заявленія, какъ предпочли неотвѣтить на мою прошлую брошюру его друзья. Замалчивать возраженія противника всегда составляетъ свойство

тѣхъ, кто пользуется завѣдомо для себя негодными пріемами идейной борьбы.

3) Борьбу Искризма съ т. н. экономизмомъ Аксельродъ представляетъ какъ борьбу за „программное и организаціонное объединеніе“. Это опять таки полное непониманіе смысла этой борьбы. Какъ я доказываю въ этой брошюрѣ, т. н. экономисты дорожили и организаціоннымъ объединеніемъ партіи и ея принципіальнымъ соотвѣтствіемъ программѣ международной соціалдемократіи не меньше чѣмъ *такъ называемые* революціонные с.-д. Дезорганизованность, точнѣе неорганизованность партіи была ихъ ясно сознаваемой ими исторически неизбѣжной бѣдой, а не ихъ виною. Эту бѣду они старались побороть и, если они боролись противъ *такъ называемыхъ* революціонныхъ с. д., искристовъ, то это потому, что они были убѣждены, что Искра своею глубокоошибочной тактикой не только не содѣйствуетъ устраненію этой бѣды, но напротивъ разрушаетъ то, „что добыто было съ такими трудностями прошлой дѣятельностью соціалдемократіи“. (Два съѣзда стр. 32). И развѣ Аксельродъ не вынужденъ теперь, послѣ 3-хъ лѣтъ искровской тактики, признать тотъ для Аксельрода „поразительный“, но такъ называемыми экономистами предусмотренный, „фактъ, что именно формальное объединеніе“ партіи по принципамъ Искры „положило начало такого идейнаго и организаціоннаго хаоса, по сравненію, съ которымъ даже анархія кустарническаго періода можетъ показаться образцомъ внутренняго единенія и порядка“. Бѣдѣ т. н. экономистовъ Искра „отворила ворота“.

Такъ какъ Аксельродъ не понимаетъ борьбы теченій, которая совершалась до возникновенія меньшинства, то его попытка найти основную причину крушенія искризма не могла удаться. Вотъ почему, какъ это видно изъ приведенныхъ выписокъ, событія представляются Аксельроду точно въ какомъ то фантастическомъ калейдоскопѣ: движеніе пріобрѣтаетъ глубокіе корни, революціонизируетъ настроеніе и сознаніе пролетарьята и въ то же время „*большинство*“ товарищей сознательно отклоняется отъ теоретическаго базиса нашей партіи; въ это время откуда то является революціонная соціалдемократія и спасаетъ движеніе отъ экономистовъ опираясь на идейную связь рабочихъ съ экономистами. Сплоченіе всѣхъ силъ въ одну строго централизованную организацію стало *реальнымъ фактомъ* и въ то же время создается хаосъ, превосходящій анархію кустарничества... Это какой то безсвязный бредъ, кашмаръ!

Разочаровавшись въ организаціонныхъ и тактическихъ планахъ Искры, которые онъ въ теченіе трехъ лѣтъ поддерживалъ, Аксельродъ ищетъ объясненія неудачи искризма въ самыхъ его основахъ и это очень сильно отличаетъ его и его теченіе отъ теченія Ленина, которое пытается все объяснить „дрязгами“. Обратимся же снова къ словомъ Аксельрода, чтобы выяснить его взгляды на основную причину воцарившагося въ партіи хаоса.

„Развитіе классового сознанія и политической самодѣятельности рабочихъ массъ, объединеніе ихъ въ самостоятельную революціонную силу подъ знаменемъ соціалдемократіи — такова задача. (57 2, 3) Но *прежде чѣмъ приступить къ ея выполненію* (курс. мой В. А.) намъ пришлось взять на себя миссію созданія *предварительныхъ* условій. Не говорю, что былъ составленъ такой планъ: сначала мы достигнемъ этого, а потомъ примемся за свое настоящее пролетарское дѣло. Ничего подобнаго! Наоборотъ, для насъ это чисто пролетарское дѣло обнимало собою всѣ насущныя задачи современной русской жизни и намъ казалось, что въ дѣйствительности работа надъ приготовленіемъ и расширеніемъ почвы для широкой организаціи принципіально пролетарской борьбы и непосредственная работа надъ классовымъ воспитаніемъ рабочихъ сольются въ одно неразрывное цѣлое. Но исторія распорядилась далеко не такъ, какъ намъ хотѣлось. Она доставила преобладающую роль въ нашемъ движеніи не цѣли, а средству, не основной принципіальной задачѣ, а тѣмъ исторически болѣе элементарнымъ задачамъ, безъ по крайней мѣрѣ частичнаго, осуществленія которыхъ не было объективной возможности преслѣдовать первую. Этимъ самымъ въ развитіе русской соціалдемократіи внесено было противорѣчіе, которое проходитъ красною нитью черезъ всѣ его фазисы (57, 2,3). (При этомъ) пролетарьятъ въ Россіи былъ погруженъ еще въ глубокій сонъ, и выведеніе его на арену политической активности долженъ былъ взять на себя посторонній ему соціальный элементъ — радикальная интеллигенція. (Иначе говоря:) для того, чтобы вызвать къ жизни въ Россіи самостоятельное движеніе среди рабочихъ массъ — предварительно необходимо было подчинить ихъ идейному и политическому вліянію соціально чуждаго имъ слоя (интеллигенціи В. А.). Здѣсь скрывалось крупное противорѣчіе между субъективною цѣлью иниціаторовъ нашего движенія и объективнымъ характеромъ того средства, которое имъ предоставила исторія (57,3,3). Принципіально, (у насъ) пролетарская цѣль движенія та же, что и у западной соціалдемократіи, но окольный путь, предоставленный намъ исторіей *непосредственно* не велъ къ этой цѣли, а скорѣе въ противоположную сторону. На западѣ соціалдемократія составляетъ и съ самаго начала составляла ничто иное, какъ часть самого пролетарьята. Онъ въ одно и то же время и субъектъ и объектъ своего собственнаго классового воспитанія и объединенія. Развитіе классового самосознанія и самодѣятельности пролетарьята является поэтому на западѣ процессомъ саморазвитія; у насъ же воздѣйствіе соціалдемократіи на эти массы означало воздѣйствіе на нихъ извнѣ, со стороны, чужого имъ соціальнаго элемента; воспитаніе ихъ ею равносильно было подчиненію ихъ руководству радикальной интеллигенціи (57,4,2). Р. С.-Д.—партія пролетарская по своей теоретической основѣ и программѣ, но далеко еще не такая по соціальному составу и характеру своей организаціи (55,2,1). Когда соціалдемократія вступитъ въ новый фазисъ своего развитія, ея

политическое руководство рабочими массами станетъ синонимомъ политической самостоятельности пролетарьята" (57, 4, 3).

Я сдѣлалъ такія длинныя выписки потому, что въ нихъ, какъ мнѣ кажется, кратчайшимъ образомъ формулированы и всѣ положительныя и всѣ отрицательныя стороны меньшевистской позиціи.

Положительное заключается въ томъ, что она требуетъ измѣнить самый „*составъ и характеръ нашихъ партійныхъ организацій*" и именно въ томъ смыслѣ, чтобы рабочіе сами вели дѣло партіи, чтобы дѣятельность соціалдемократической партіи была самодѣятельностью рабочихъ, чтобы сама соціалдемократическая партія была лишь частью пролетарьята, его сознательнымъ авангардомъ. Это въ высшей степени важный принципъ. Въ признаніи *принципа* демократизма, *само*дѣятельности рабочаго класса заключается отличительная черта и заслуга „меньшинства", и эта его черта прекрасно формулирована Аксельродомъ въ цитированныхъ мною строкахъ; практическіе же выводы изъ этихъ взглядовъ намѣтилъ тов. Черeванинъ и еще лучше тов. Рабочій. Но эти взгляды и эти выводы скоро пришли въ противорѣчіе съ пережитками стараго искризма, отъ которыхъ меньшевикамъ не легко освободиться. Эти отрицательныя черты новой Искры такъ же отчетливо отразились въ фельетонахъ Аксельрода, и я къ нимъ теперь перехожу.

Аксельродъ ошибается, что интеллигенція всегда отвергала принципъ, который онъ теперь выдвигаетъ — совершенно правильно, на мой взглядъ, — для спасенія партіи. Прежде всего о какой интеллигенціи онъ говоритъ? Онъ почему-то называетъ ее „радикальной интеллигенціей". Но невѣрно, будто бы радикальные демократы стояли во главѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи въ періодъ Искры, это были безусловно соціалисты, „соціальные демократы", хотя, правда, сильно поддавшіеся вліянію радикализма.

По мнѣнію Аксельрода, „для того, чтобы вызвать къ жизни въ Россіи самостоятельное, сознательное, классовое движеніе среди рабочихъ массъ, предварительно необходимо было подчинить ихъ идейному и политическому вліянію интеллигенціи". Такой взглядъ давно существовалъ у извѣстной части нашихъ товарищей по партіи, но только у извѣстной части, и именно той, къ которой принадлежалъ и тов. Аксельродъ. Существовало и другое мнѣніе, и противъ него боролось теченіе тов. Аксельрода. Эта другая часть товарищей-интеллигентовъ ужъ въ 1900 году отмѣчала фактъ, который теперь только призналъ Аксельродъ и меньшевики: „Въ трогательный союзъ интеллигентовъ (желающихъ освободить рабочій классъ) не принимаютъ какъ разъ членовъ этого класса! Мы хотѣли, чтобы рабочіе взяли, наконецъ, въ свои руки свое собственное дѣло"! При такихъ условіяхъ соціалдемократическая организація вырастала бы въ средѣ сознательныхъ рабочихъ и ихъ вліянію, а не вліянію интеллигенціи подчинялось бы классовое движенію рабочихъ массъ.

Я показалъ уже въ главѣ о Петербургѣ, что это заявленіе Гр. *Само*освобожденія Рабочаго Класса выражало цѣлое теченіе въ русской соціалдемократіи; теченіе тов. Аквельрода боролось съ этимъ теченіемъ, и въ частности вышеуказанную Группу „*Само*освобожденія Рабочаго Класса" называло экономической, а цитированную мною прокламацію считало глубокоошибочной, еретической, смѣшивало съ Credo.*) Поэтому-то, перечисляя „внѣшніе и внутренніе факторы, задерживавшіе выростанія формы организаціи, которая соотвѣтствовала бы задачамъ и потребностямъ нашей партіи" и именно такимъ задачамъ и такимъ потребностямъ, которыя формулируетъ теперь самъ Аксельродъ, — онъ долженъ былъ указать вредное вліяніе не *радикальной* интеллигенціи, а соціалдемократической, но „искровскаго" теченія, къ которому онъ самъ принадлежалъ.

Какъ же понимала свои задачи интеллигенція, вліянію которой — по Аксельроду — необходимо было подчинить рабочія массы, чтобы вызвать къ жизни ихъ классовое движеніе?

Задачи нашей партіи Аксельродъ формулируетъ такъ: „Развитіе классоваго самосознанія и политической самодѣятельности рабочихъ массъ, объединеніе ихъ въ самостоятельную революціонную силу подъ знаменемъ соціалдемократіи — такова наша задача" (57, 2,3). Странное дѣло! Здѣсь упущена одна задача, какъ разъ та, которую ставитъ себѣ каждый рабочій, которую долженъ „знать и помнить каждый рабочій", которую, поэтому не можетъ, не должна забывать рабочая партія — всякая рабочая партія, а тѣмъ болѣе соціалдемократическая *рабочая* партія. Это та повседневная, ежечасная борьба, которую ведетъ рабочій классъ по всей своей поверхности со своими непосредственными классовыми противниками за свои экономическіе интересы, за свою личность! Если не будетъ развито классовое *сознаніе* рабочихъ, все же можетъ идти классовая *борьба*, самодѣятельность рабочаго класса; если не будетъ *политической* самодѣятельности рабочихъ, если не будетъ объединенія, если не будетъ самостоятельности, то все же еще возможна классовая самодѣятельность пролетарьята въ ея элементарныхъ, эмбріональныхъ формахъ. Но тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы за насущные, за непосредственные интересы личности, гдѣ рабочій, какъ рабъ

---

*) Аксельродъ въ предисловіи къ брошюркѣ т. Рабочаго доказываетъ, что требованіе передать въ руки самихъ рабочихъ руководство дѣлами нашей партіи ошибочно, что рабочіе могутъ и не раздѣлять соціалдерократическихъ взглядовъ. Для подтвержденія этой „оригинальной" мысли Аксельродъ даже находитъ нужнымъ сослаться на примѣръ Англіи, гдѣ чисто рабочія организаціи оказываются очень далекими отъ соціализма. Эти разсужденія, не говоря уже объ ихъ тривіальности, совершенно ничѣмъ не вызываются, потому что защитники идеи передачи нашихъ организацій робочимъ имѣютъ въ виду, само собой разумѣется, рабочихъ-соціалдемократовъ.

терпитъ все, что ему судьба пошлетъ, хотя бы даже и съ сознаніемъ, что рано или поздно соціализмъ водворитъ на землѣ всеобщее счастье, тамъ нѣтъ классовой жизни, тамъ возможна организація профессіональныхъ революціонеровъ для пропаганды соціалдемократическихъ идей, но не возможна рабочая партія. Поэтому экономическая борьба составляетъ не только „самое лучшее и самое широкопримѣнимое средство классовой борьбы пролетарьята“, но также и необходимый, существенный признакъ самого понятія „рабочая партія“; такъ что все остальное: и развитіе классоваго сознанія, и объединеніе въ самостоятельную партію является лишь на опредѣленной ступени развитія борьбы экономической, и самая политическая борьба первоначально возникаетъ лишь какъ форма, и средство экономической борьбы, непосредственной борьбы за пищу, за одежду, за свободное время, за „лучшее обращеніе“, за человѣческое достоинство, за эти необходимѣйшія условія всесторонняго развитія личности. Поэтому-то соціалдемократія должна сдѣлать основною своей задачей организацію и веденіе — не руководство только, но самое веденіе — экономической борьбы, рабочаго класса.

Объ этой то задачѣ забылъ Аксельродъ.

Точно также права личной и общественной свободы и право участія въ законодательной дѣятельности современнаго государства представляютъ для рабочаго, какъ для человѣка и гражданина, самостоятельный интересъ и какъ только рабочій классъ развивается до сознанія этихъ своихъ интересовъ, онъ начинаетъ за нихъ свою борьбу.

Поэтому та экономическая борьба, которую вела наша партія въ періодъ т. н. экономизма, и тѣ политическія демонстраціи, которыя она организовывала въ періодъ искризма, были хотя и не развитыми, но правильными формами классовой борьбы пролетарьята, а потому являлись насущными очередными задачами пролетарской, соціалдемократической партіи. Аксельроду же они представляются „не настоящими“ задачами партіи, а лишь средствомъ расшевелить, „разбудить“ рабочій классъ, средствомъ, которое „непосредственно не вело къ нашей цѣли, а скорѣе въ противоположную сторону“. Наши средства дѣятельности, „исторически болѣе элементарныя задачи, безъ по крайней мѣрѣ частичнаго осуществленія которыхъ не было объективной возможности преслѣдовать основную цѣль“, по мнѣнію Аксельрода противорѣчили этой основной цѣли; эти задачи должны были бы выполнить въ Россіи радикальные демократы, какъ они ихъ выполнили въ Западной Европѣ и потому Аксельродъ признаетъ лишь какъ неизбѣжное зло, какъ компромиссъ это чужое для насъ дѣло, взваленное на нашу партію лишь капризомъ исторіи.

Экономическая борьба имѣла для рабочаго класса, а слѣдовательно и для пролетарской партіи, соціалдемократіи непосредственный, самодовлѣющій интересъ и лишь *кромѣ того* имѣла *еще и* воспитательное значеніе. Аксельродъ не только не хочетъ признать этого, но онъ говоритъ, что это только *казалось,* будто

бы „работа надъ подготовленіемъ почвы для широкой организаціи принципіально пролетарской борьбы и непосредственная работа надъ классовымъ воспитаніемъ рабочихъ сольются въ одно неразрывное цѣлое“. Да! т. н. экономистамъ казалось это; они считали это сліяніе воспитательнаго и практическаго значенія своей дѣятельности самой характерной чертой соціалдемократической тактики.

Такимъ образомъ, если въ области демократическихъ тенденцій Аксельродъ цѣликомъ принялъ воззрѣнія „третьяго періода“ нашего движенія, то въ области тактическихъ вопросовъ онъ еще цѣликомъ стоитъ на почвѣ „четвертаго періода“: въ формулировкѣ задачъ рабочей партіи Аксельрода отсутствуютъ фактическія потребности рабочихъ и указаны лишь тактическія соображенія теоретика соціализма. Рабочія массы такимъ образомъ и для Аксельрода продолжаютъ оставаться не субъектомъ соціалдемократической дѣятельности, а объектомъ воздѣйствія со стороны соціалдемократической партіи, хотя онъ это и считаетъ недостаткомъ старой Искры. По этому онъ снова приходитъ къ невѣроятнымъ для стараго писателя выводамъ: программа и организація принятыя вторымъ съѣздомъ, обладаютъ на его взглядъ лишь тѣмъ недостаткомъ, что онѣ *слишкомъ хороши* для такого юнаго движенія какъ наше! „Строго централизованная организація — говоритъ онъ — какъ и принципіально выдержанная соціалдемократическая программа дѣйствій предполагаетъ какъ реальную посылку наличность классовой пролетарской партіи, иначе та и другая, не соотвѣтствуя дѣйствительному возрасту партійной коллективности, могутъ принести ей скорѣе вредъ чѣмъ пользу“ (68, 3, 1). Нѣтъ! централизованная организація и принципіально выдержанная программа никогда не могутъ принести вреда. Только тенденціозные критики такъ называемаго экономизма, въ пылу полемики, приписывали ему ту парадоксальную мысль, которую здѣсь высказалъ Аксельродъ. Но заговорщицкая организація и отсталая программа Искры дѣйствительно принесла намъ много вреда и очевидно сознаніе этого вреда привело Аксельрода къ такому чудовищно-ошибочному обобщенію.

Итакъ, „меньшинство“ стоитъ на распутьи: его задачи остались на старомъ пути, его пріемы дѣятельности увлекаютъ его на новый путь. Видя, что порывается связь между нашей партіей и рабочимъ классомъ, Искра хочетъ, чтобы сами рабочіе взяли въ свои руки веденіе дѣлъ партіи; но непосредственные интересы рабочихъ кажутся ей расходящимися съ задачами соціалдемократіи, „путь предоставленный намъ исторіей ведетъ насъ въ противоположную сторону отъ нашихъ цѣлей“. При такихъ обстоятельствахъ для соціалиста можетъ быть лишь одинъ выводъ, который сдѣлала старая Искра — Ленинъ: надо совлечь рабочій классъ съ его пути; новая Искра продолжаетъ безсознательно держаться этого принципа и потому не можетъ и не сумѣетъ

передать въ руки рабочихъ руководящія организація нашей партіи, комитеты.

Въ глазахъ теоретиковъ „меньшинства“ раздвоилась наша партія и по ея составу — „радикальная интеллигенція“ и рабочій классъ — и по ея задачамъ — „пролетарская цѣль“ и, „прежде чѣмъ приступить къ ея выполненію“, „созданіе предварительныхъ условій“. Этимъ создаются безысходныя противорѣчія въ тактикѣ „меньшинства“.

Къ счастью эти парадоксальныя противорѣчія находятся не въ объективной дѣйствительности, а только во взглядахъ теоретиковъ „меньшинства“. Только признаніе этихъ противорѣчій дастъ отвѣтъ на вопросъ поставленный недавно въ прекрасной брошюрѣ т. Рабочаго: „чѣмъ же объясняется та нерѣшительность, которая сказывается въ послѣдней литературѣ меньшинства?“ (стр. 37).

„Я обращаюсь къ Вамъ, товарищи изъ меньшинства; — продолжаетъ Рабочій — Вы, которые сдѣлали первый шагъ по пути сближенія съ рабочими массами поставивши новыя задачи на очередь, сдѣлайте же и второй практическій шагъ къ ихъ дѣйствительному осуществленію! Призывайте рабочихъ всей Росссіи стать на равныхъ правахъ съ интеллигентами руководителями движенія! (стр. 51).

Но въ томъ то и дѣло, что товарищи изъ меньшинства — и тутъ мнѣ снова приходится согласиться съ мнѣніемъ моего антипода, т. Ленина — сдѣлали два шага впередъ, но одинъ шагъ назадъ... Расхожусь я съ т. Ленинымъ только въ опредѣленіи направленія: то что онъ считалъ за „впередъ“ мнѣ представляется шагомъ назадъ.

IV.

Я приступаю теперь къ анализу воззрѣній на партію, которыя возникли, развивались въ рабочихъ организаціяхъ Бунда, Петербурга, Кіева, Екатеринослава и другихъ городовъ, были формулированы въ цѣломъ рядѣ программныхъ заявленій и организаціонныхъ уставовъ и наиболѣе полно были отражены въ литературѣ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ заграницей.

Разногласія между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“, проявились на конкретной, практической работѣ, въ организаціонныхъ вопросахъ, когда борющимися фракціями еще не были сознаны принципіальныя разногласія, ихъ раздѣляющія. Такъ точно и Союзъ Р. С.-Д., въ своей борьбѣ съ Г. О. Т. видѣлъ только организаціонный споръ. Въ отвѣтѣ на Vademecum Плеханова и на „Письмо“ Аксельрода редакція Рабочаго Дѣла заявила, „что въ основѣ всѣхъ бывшихъ оппозицій противъ „Группы Освобожденіе Труда“ лежали не принципіальныя, а организаціонно-практическія разногласія“. Редакція вкратцѣ обосновала это утвержденіе „рядомъ неоспоримыхъ фактовъ въ особенности изъ исторіи возникновенія новѣйшей оппозиціи, которая закончи-

лась реорганизацiей Союза Русскихъ Соцiалдемократовъ на *демократическихъ* началахъ",

Такимъ образомъ, защищая опредѣленный типъ соцiалдемократической организацiи, Союзъ сознавалъ, что защищаетъ особый организацiонный *принципъ*, именно демократизмъ, а не только отдѣльныя организацiонныя частности. Но этотъ принципъ онъ не связывалъ съ теоретическими принципами, какъ первоначально не связывали его и теперь спорящiя стороны. Это мнѣ кажется ошибкой, какъ объ этомъ я уже говорилъ въ моей прошлой брошюрѣ.

Я приведу нѣсколько выписокъ изъ „Отвѣта", чтобы отмѣтить первыя столкновенiя двухъ организацiонныхъ принциповъ: демократическаго и заговорщицкаго.

„Несоотвѣтствiе литературной дѣятельности Г. О. Т. новымъ запросамъ развивающагося рабочаго движенiя въ Россiи проявлялось уже въ концѣ 80 годовъ, когда плохо или совсѣмъ не удовлетворялись требованiя на популярную литературу для пропаганды среди рабочихъ. Это несоотвѣтствiе сдѣлалось хроническимъ, вслѣдствiе полной замкнутости Г. О. Т. и оторванности ея не только отъ Россiи, но и отъ соцiалдемократической молодежи заграницей. Такое положенiе дѣлъ заставило „молодыхъ" добиваться болѣе непосредственнаго, активнаго участiя въ издательской дѣятельности русскихъ соцiалдемократовъ заграницей. Такъ возникла первая оппозицiя Группѣ О. Т., рѣзко проявившаяся на съѣздѣ 1888 года. О принципiальныхъ или тактическихъ разногласiяхъ тогда не было и помину. Оппозицiя „молодыхъ" с. д. добивалась права голоса при опредѣленiи характера изданiй Г. О Т., стояла за необходимость больше сообразоваться съ запросами изъ Россiи. Но вмѣсто желаннаго единенiя и концентрацiи всѣхъ дѣятельныхъ элементовъ русской с.-д заграницей эта первая попытка кончилась расколомъ" (стр. 70).

„Вторая, на этотъ разъ болѣе широкая оппозицiя Группѣ О. Т. возникла въ 1891-92 году. Къ этому времени заграницу, особенно въ Швейцарiю, прiѣхали многiе изъ легальныхъ молодыхъ с.-д., знавшихъ положенiе дѣлъ въ самой Россiи и новыя требованiя отъ нелегальной литературы. Кружокъ молодыхъ с.-д. заграницей началъ отказываться посылать деньги и свѣдѣнiя въ распоряженiе Г. О. Т., требуя себѣ права болѣе активнаго участiя въ дѣлахъ, влiянiя на характеръ издаваемой Группой О. Т. литературы. Полное безденежье и отсутствiе связей заставили Г. О Т. подумать о реформѣ. Въ 1893 году былъ организованъ съѣздъ представителей мѣстныхъ группъ молодыхъ с.-д. заграницей. Представители „молодыхъ" категорически потребовали болѣе демократической организацiи всего дѣла, права участiя въ редакцiонной и административной дѣятельности проэктировавшагося Союза Р. С.-Д Конституцiонныя требованiя этой оппозицiи „молодыхъ" были очень скромны. Такъ, относительно редакцiи они вполнѣ были согласны на то, чтобы редактированiе всѣхъ изданiй Союза находилось въ рукахъ Г. О. Т. Они лишь требо-

вали, чтобы въ составъ редакціи входилъ и одинъ представитель „молодыхъ", какъ проводникъ новыхъ запросовъ на литературу изъ Россіи и выразитель стремленій молодой соціалдемократіи заграницей. Но и въ этомъ скромномъ требованіи „молодымъ" было отказано Г. О. Т. Произошелъ разрывъ. О принципіальныхъ и тактическихъ разногласіяхъ на этихъ съѣздахъ не было и рѣчи, оппозиція молодыхъ возникла и полный разрывъ произошелъ исключительно на организаціонной почвѣ".

„Вступившіе въ Союзъ въ 1898 г. „молодые" товарищи скоро оказались *всѣ безъ исключенія* въ оппозиціи къ Г. О Т. Это и была третья оппозиція. Въ то же время, при постоянныхъ практическихъ столкновеніяхъ между „молодыми" и „старыми" членами Союза начали выясняться и различія ихъ взглядовъ на характеръ массового рабочаго движенія и ближайшія задачи Россійской Соціалдемократіи. Г. О. Т. рѣшительно отказалась отъ всякаго участія въ редакціи и администраціи Союза, предоставивъ это „молодымъ". „Молодые" были вынуждены взять на себя отвѣтственную и тяжелую обязанность всѣхъ дѣлъ С. Р. С.-Д. Это рѣшеніе состоялось на съѣздѣ осенью 1898 года, когда были приняты новые члены, выработанъ новый уставъ и программа литературной дѣятельности Союза реорганизовавшагося на демократическихъ началахъ" (стр. 75-79).

Самымъ ненавистнымъ параграфомъ стараго устава былъ для „молодыхъ" тотъ, который требовалъ единогласнаго рѣшенія для принятія новаго члена въ Союзъ. Онъ, фактически, давалъ Г. О. Т. право veto и Г. О. Т., желавшая охранять чистоту взглядовъ замкнувшись отъ притока новыхъ элементовъ, широко пользовалась этимъ правомъ, отказываясь принять новыхъ членовъ на томъ только основаніи, что у нея нѣтъ о нихъ достаточныхъ свѣдѣній. Новый уставъ позволялъ вступить въ члены Союза по рекомендаціи двухъ старыхъ его членовъ, по голосованію, при простомъ большинствѣ и отсутствіи голоса противъ принятія этого члена. Если противъ него высказывалась треть членовъ, онъ считался непринятымъ. Если противъ него было меньше трети голосовъ, они должны были быть мотивированными; тогда происходила перебаллотировка и дѣло рѣшало простое большинство.

Молодой Союзъ смотрѣлъ на себя, какъ на Заграничный Комитетъ Партіи — это право было дано ему первымъ партійнымъ съѣздомъ. Въ силу этого онъ считалъ себя обязаннымъ принимать въ свои ряды всѣхъ соціалдемократовъ, независимо отъ ихъ тенденцій, единственно въ зависимости отъ ихъ революціонной надежности и активности. Это прежде всего испыталъ на себѣ авторъ этихъ строкъ, какъ разъ передъ съѣздомъ 1898 г. пріѣхавшій заграницу. Единственнымъ лицомъ, знавшимъ меня здѣсь лично былъ тов. Иваншинъ, который, однако, заявилъ, что не можетъ меня рекомендовать въ члены Союза. Его просили мотивировать свое отношеніе ко мнѣ. Онъ отвѣтилъ, что ничего не имѣетъ противъ меня, какъ товарища и революціонера, но думаетъ, что я буду защищать „плехановскія" тенденціи и не подойду

къ „молодымъ“. Товарищи возразили ему, что этимъ нельзя руководствоваться при принятіи новыхъ членовъ, иначе Союзъ превратится въ такую же секту, какъ Г. О. Т. Я былъ принятъ. Точно то же случилось позже, въ 1900 г., съ тов. Невзоровымъ. Основательно или неосновательно, но мы считали его врагомъ „молодыхъ“. Мы даже приписывали тов. Невзорову цѣлый рядъ дѣйствій, направленныхъ противъ Союза. На этой почвѣ у насъ — у меня лично и у Иваншина — произошли съ нимъ рѣзкія столкновенія. Въ это время у насъ шла съ Г. О. Т. борьба за существованіе Союза и мы были увѣрены, что тов. Невзоровъ въ этой борьбѣ поддеживаетъ Г. О. Т. Мы долго обсуждали вопросъ, но рѣшили, что мы *не имѣемъ права* не принять тов. Невзорова, если онъ желаетъ работать, если онъ по своимъ убѣжденіямъ соціалдемократъ и если онъ, какъ революціонеръ, ничѣмъ не скомпрометированъ. Формальныя права быть членомъ Союза являлись лишь признаніемъ фактической принадлежности даннаго лица къ соціалдемократическому движенію. Заграничный Союзъ разсматривалъ себя, не какъ организацію данныхъ лицъ, а какъ одну изъ формъ проявленія соціалдемократическаго движенія въ Россіи. Въ этомъ было его очень важное принципіальное разногласіе съ Г. О. Т.

Дальше. Признавая себя лишь выразителемъ взглядовъ соціалдемократической партіи въ Россіи — еще не организованной. ведущей разрозненную, партизанскую борьбу, но объединенную общей сущностью своей дѣятельности — Союзъ естественно хотѣлъ, чтобы его администрація и редакція были лишь исполнителями его воли и рѣшеній. Для этого они должны были быть выборными и смѣняемыми. Этого принципа десять лѣтъ не хотѣла и не могла, съ своей точки зрѣнія, признать Г. О. Т. и предпочла отстраниться отъ работъ скорѣе, чѣмъ поступиться принципомъ: настолько ея принципы въ этомъ вопросѣ расходились съ принципами молодого Союза! Новый уставъ Союза провелъ въ жизнь этотъ новый принципъ.

Наконецъ, и выборной редакціи и администраціи Союзъ не могъ дать carte blanche для дѣятельности отъ его имени. Онъ выработалъ цѣлый рядъ инструкцій, которыми должны были руководствоваться его исполнительные органы. Въ редакцію и администрацію могли войти только тѣ лица, которыя, будучи солидарны съ инструкціями, могли принять на себя обязательство руководствоваться ими. Насколько рѣзко это расходилось со взглядами Г. О. Т.! Старый уставъ гласилъ, что для редакціи (*не*выборной, пожизненной!) указанія съѣзда обязательны „лишь въ томъ случаѣ, если они являются въ формѣ рѣшенія, принятаго единогласно всѣми делегатами съѣзда“. Т. е. для Г. О. Т. обязательно лишь то, что она сама признаетъ обязательнымъ. Это — „монархія, управляющаяся на точномъ основаніи законовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ“!

Референдумъ, производимый по инціативѣ трехъ членовъ Союза обезпечивалъ постоянный контроль организаціи надъ ея ис-

полнительными органами. Я глубоко увѣренъ, что этотъ прекрасный, дальнѣйшей практикой Союза детально разработанный, широко демократическій уставъ станетъ впослѣдствіи типомъ уставовъ комитетовъ нашей партіи. Заграничная Лига Русской Революціонной Соціальдемократіи на своемъ второмъ очередномъ съѣздѣ въ 1903 году, послѣ двухъ лѣтъ борьбы съ Союзомъ, приняла уставъ, близко приближающійся къ Союзному.

Если изъ всѣхъ членовъ Г. О. Т. и изъ „примыкавшихъ" къ ней товарищей только одинъ Плехановъ оставался противъ новаго устава Лиги, то это результатъ, между прочимъ, и пятнадцатилѣтней борьбы „молодыхъ" за демократизмъ.

Тотчасъ послѣ съѣзда 1898 года Союзъ послалъ одного изъ своихъ нелегальныхъ членовъ въ Россію. Делегатъ Союза встрѣтилъ повсюду въ комитетахъ сочувствіе начинаніямъ. О борьбѣ между „молодыми" и Г. О. Т. было уже давно извѣстно товарищамъ въ Россіи и побѣда „молодыхъ" вездѣ привѣтствовалась. „Когда Вы разсказываете намъ о Вашей борьбѣ за демократическую организацію, — сказали делегату Союза петербургскіе товарищи, — намъ кажется, что Вы говорите о петербургскихъ событіяхъ: у насъ здѣсь повторилось то же самое!". Товарищи имѣли при этомъ въ виду ихъ борьбу со „стариками", членами стараго „Союза борьбы", который Ленинымъ идеализированъ и выставленъ, какъ образецъ и въ „Задачахъ", и въ „Что дѣлать?". Я уже говорилъ объ этой борьбѣ въ главѣ о Петербургѣ. Такимъ образомъ, борьба за эти два различныхъ организаціонныхъ принципа уже тогда явилась не мѣстной только, не заграничной. Изъ групповой она превратилась въ фракціонную, изъ борьбы организацій, въ борьбу теченій... и однако же ни одно теченіе не могло еще принципіально, теоретически обосновать свои организаціонные планы! Тѣмъ не менѣе, не формулированные, они уже отразились на программныхъ заявленіяхъ обѣихъ сторонъ.

Для Г. О. Т. „зачатками будущей рабочей партіи" являлись „рабочіе кружки". „Тѣсно связанные между собою въ одно стройное цѣлое, организаціи эти" „въ удобный моментъ не замедлятъ перейти" „къ рѣшительному нападенію на самодержавіе", „не останавливаясь и передъ террористическими фактами" (проэктъ программы 1887 г.). Съ точки зрѣнія Г. О. Т. „русская соціальдемократія родилась не въ самой Россіи, а среди маленькой группы эмигрантовъ въ самый разгаръ реакціи не только правительственной, но и общественной" (Аксельродъ „Къ вопросу о задачахъ", ноябрь 1897 г.).

Съ точки зрѣнія Союза, наоборотъ, зачаткомъ будущей рабочей партіи являлось массовое рабочее движеніе и русская соціалдемократія родилась въ крупныхъ центрахъ промышленности, въ центрахъ общественной жизни и первую попытку организоваться сдѣлала въ лицѣ Сѣвернаго Рабочаго Союза въ моментъ высшаго напряженія революціонной борьбы и общественнаго подъема.

Правда, къ моменту возникновенія „молодого" Союза рабочее движеніе было направлено на борьбу за самые элементарные ин-

тересы, но Союзъ полагалъ, что „въ процессѣ борьбы рабочихъ за ближайшіе, сознанные ими интересы массовое рабочее движеніе въ Россіи начнетъ принимать классовый характеръ“ (Инструкція редакціи, XI, 98 г., № 1 Р. Д., стр. 2). Правда, массовое рабочее движеніе оставалось еще почти исключительно экономическимъ, но Союзъ самую „политическую борьбу рабочаго класса“ считалъ „лишь наиболѣе развитою, широкою и дѣйствительною формою экономической борьбы“ и потому полагалъ, что „потребности чисто экономической борьбы принудятъ рабочихъ выставлять политическія требованія и бороться за политическую свободу“. (Ib. стр. 3)*).

„При такихъ условіяхъ, задача соціалдемократической партіи и ея литературы заключалась, съ точки зрѣнія Союза, въ ускореніи перехода стихійнаго массоваго движенія въ сознательное

---

*) Ленинъ въ „Что дѣлать?“ на стр. 42 цитируетъ и комментируетъ эти взгляды Союза: „Политическая борьба рабочаго класса есть лишь (именно не лишь) наиболѣе развитая широкая и дѣйствительная форма экономической борьбы“ (Программа Раб. Дѣла 98 года). „Теперь передъ с.-д. стоитъ задача — какъ придать по возможности самой экономической борьбѣ политическій характеръ“ (Мартыновъ, Р. Д., № 10, стр. 42). „Экономическая борьба есть наиболѣе широко примѣнимое средство для вовлеченія массъ въ активную политическую борьбу“ (резолюціи съѣзда 1901 г.). Ленинъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „Всѣ эти положенія проникаютъ собою Р. Д. съ самаго его возникновенія и вплоть до послѣднихъ инструкцій редакціи и всѣ они выражаютъ очевидно одинъ взглядъ на политическую агитацію и борьбу“.

Но Ленинъ дѣлаетъ совершенно ложный выводъ, будто бы изъ приведенныхъ цитатъ видно, что Р. Д. „не брало на себя задачи организовать всестороннія политическія обличенія“. Что приведенныя Ленинымъ цитаты совершенно не доказываютъ то, что онъ хочетъ доказать, ясно уже изъ того, что цитированныя имъ резолюціи Союза взяты были Союзомъ цѣликомъ изъ книжки Каутскаго „Эрфуртская программа“. Именно, на стр. 103 русск. изд. 1903 г. Каутскій говоритъ: „Самая политическая борьба есть въ конечномъ счетѣ, иногда же и прямо — борьба экономическая. Политическая борьба есть только особая, наиболѣе широко и глубоко захватывающая форма экономической борьбы“.

Въ настоящее время я не раздѣляю приведенныхъ мнѣній, ибо политическія права и права личной и общественной свободы для меня представляютъ самодовлѣющій интересъ, а не подчинены, какъ средство, инымъ интересамъ; они встрѣчаютъ также и препятствія самостоятельныя, а не только связанныя съ экономическимъ господствомъ буржуазіи. Подчинить всѣ интересы понятію salus revolutiae — свойственно какъ разъ школѣ, къ которой принадлежитъ Ленинъ. Поэтому, критикуя резолюціи Союза, Ленинъ не только ошибался по существу, но и былъ непослѣдовательнымъ.

классовое движеніе, т. е. въ борьбу за классовые интересы всего пролетаріата (въ противоположность стачечной борьбѣ за интересы отдѣльныхъ группъ его), въ развитіи классоваго сознанія и организаціи россійскаго пролетаріата“ (Ib. стр. 2).

О какой партіи здѣсь шла рѣчь? Партія, какъ единая организація, тогда не существовала и не собственное имя Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи названо въ вышеприведенной цитатѣ. Очевидно, здѣсь имѣлось въ виду общественное движеніе, развивавшееся тогда подъ знаменемъ соціалдемократіи, и въ этомъ смыслѣ слово партія много разъ употреблялось въ литературѣ Союза прежде чѣмъ было ему дано формальное опредѣленіе. Организація же признавалась лишь въ высшей степени важнымъ органомъ партіи.

Поэтому самую дѣятельность революціонной организаціи Союзъ считалъ „цѣлесообразной лишь подъ условіемъ, если она во 1-хъ, руководится не только общими принципами научнаго соціализма, но и конкретнымъ соотношеніемъ общественныхъ классовъ въ Россіи и насущными потребностями русскаго рабочаго движенія на данной ступени его развитія; если она во 2-хъ, считается съ разнообразіемъ мѣстныхъ условій и уровнемъ развитія отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса“. (ibid)

Ложно, утвержденіе будто бы Союзъ велъ политическую пропаганду лишь на почвѣ экономической борьбы *). Но также невѣрно утвержденіе будто бы Союзъ отрицалъ необходимость существованія организаціи профессіональныхъ революціонеровъ; онъ только

---

*) Уже въ инструкціяхъ 1898 г. было сказано: „Кромѣ столкновеній рабочей массы съ правительственной властью на почвѣ экономической борьбы поводами къ политической агитаціи и пропагандѣ могутъ быть и всѣ крупные факты русской общественной жизни, затрагивающіе интересы широкихъ массъ рабочаго народа и показывающіе враждебность къ нему царскаго правительства; голодъ, новые законы и т. п“. — Въ книжкѣ „Что Дѣлать“ Ленинъ приводитъ заглавія статей непоявившагося въ свѣтъ номера газеты Петербургскаго Союзы Борьбы 1895 года, чтобы показать, какъ широко понималъ онъ политическія задачи. Я позволю себѣ привести здѣсь заглавія нѣсколькихъ статей изъ Раб. Дѣла, изъ которыхъ видно, какъ вздорно утвержденіе, что Союзъ дѣйствовалъ исключительно въ сферѣ экономическихъ интересовъ рабочаго класса. № 1. Тайный докладъ московскаго оберполиціймейстера; Борьба царскаго правительства съ „буйствомъ и своеволіемъ“ крестьянъ; Милитаризмъ въ Россіи и „мирное“ предложеніе царя; Какъ правительство борется съ рабочимъ движеніемъ; Правда и милость въ нашихъ судахъ. № 2-3. Новое преступленіе самодержавія (о Финляндіи); Майскій праздникъ въ Россіи; Голодъ, голодъ и снова голодъ; Что у насъ выдаютъ за крестьянскій бунтъ; Еврейскіе погромы на югѣ Россіи; Студенческіе безпорядки. № 4-5 Памяти Чернышевскаго; Фабричная инспекція въ Россіи; голодъ 98-99 год. Новое беззаконіе русскаго

настаивалъ, что всякая соціалдемократическая организація должна быть сознательной выразительницей классового движенія пролетарьята. Выписками изъ доклада администраціи Союза, третьему очередному съѣзду Союза, я докажу, какъ высоко цѣнилъ Союзъ организацію революціонеровъ вообще и общепартійную организацію въ частности. Вотъ что тамъ говорилось:

„Товарищи! Періодъ времени, за который администрація Союза должна теперь дать Вамъ отчетъ въ своей работѣ (мартъ 1900 — сентябрь 1901 г.) начался и оканчивается двумя событіями, одинаковыми по своей природѣ, но противоположными по своему к честву; второй съѣздъ нашъ окончился, а третій начинается обсужденіемъ вопроса объ отношеніи Союза Русскихъ Соціалдемократовъ къ другой организаціи, преслѣдующей тѣ же что и онъ цѣли. но враждебно къ нему относящейся. Вотъ что общаго въ жизни Союза въ настоящій моментъ и въ мартѣ прошлаго года. Но тогда шла рѣчь о томъ, чтобы раздѣлиться, а теперь о томъ, чтобы объединиться. Мы увѣрены, что и въ нынѣшнемъ году, какъ и въ прошломъ, мы найдемъ въ себѣ силы отстоять путемъ ли соединенія или путемъ разрыва, то, что намъ было дорого въ Союзѣ — его организаціонный принципъ — демократизмъ, признающій всѣхъ членовъ равноправными и въ то же время равно обязанными подчиняться организаціонной дисциплинѣ; его тактическій принципъ — руководясь общими положеніями научнаго соціализма, однако не уходить отъ массы борющагося подъ знаменемъ соціалдемократіи пролетарьята“.

„Событія въ Россіи не позволяли намъ всецѣло отдаться дѣлу организаціонной самозащиты. По вызову изъ Россіи на предполагавшійся организаціонный съѣздъ мы послали двухъ товарищей. Съѣздъ не состоялся. Мы продолжали усиленно сноситься съ Россіей, желая убѣдить товарищей воспользоваться международнымъ конгрессомъ въ Парижѣ для нашего свиданія; къ сожалѣнію, и эти хлопоты не увѣнчались успѣхомъ: только одна организація прислала своего делегата, другая была представлена случайно, отъ третьей хотя и былъ ея членъ, но не уполномоченный говорить ея именемъ“.

„Осенью 1900 г. положеніе Союза было очень тяжело. Представлялось невозможнымъ составить администрацію и редакцію, и поднимался даже вопросъ о возможности дальнѣйшаго существованія организаціи. При такихъ условіяхъ приходилось реорганизоваться, имѣя въ виду снова прежде всего не успѣшность работы организаціи, а самое ея существованіе. *Эта* задача была выполнена, и Союзъ не погибъ. Мы передаемъ товарищамъ нашу

правительства (временныя правила о сдачѣ студентовъ въ солдаты). № 6 Жизнь и смерть Лаврова; Борьба царскаго правительства противъ земства и народнаго образованія; О чемъ запрещается писать въ Россіи; Адресъ СПБ. студенчества уволеннымъ профессорамъ. № 7. Экономическая и политическая борьба въ русскомъ рабочемъ движеніи; Крестьянскія волненія и проч. и проч.

демократическую организацію не разрушенной, а, какъ намъ кажется, окрѣпшей: и намъ думается, что теперь мы имѣемъ достаточно силъ, чтобы поставить на первый планъ то, что всегда должно быть самымъ важнымъ въ революціонной организаціи — революціонную дѣятельность, а не организаціонную самозащиту".

„Наша цѣль была — *организовать* работу Союза, т. е. передать отдѣльнымъ членамъ отдѣльныя функціи и объединить ихъ работу; но достигнуть этой цѣли намъ не удалось... Эта цѣль — организовать работу членовъ Союза — должна быть достигнута: если это не удалось администраціи, то съѣздъ долженъ изыскать къ тому средства".

„Вынужденные всѣ силы отдавать только своей организаціи, мы тѣмъ болѣе чувствовали отсутствіе связующей центральной организаціи въ нашей партіи. Поэтому мы сдѣлали третью попытку созвать партійный съѣздъ. Мы обратились съ круговымъ письмомъ къ нѣсколькимъ организаціямъ въ Россіи, но почти не нашли поддержки"!*)

„Желая сговориться съ организаціями въ Россіи относительно празднованія перваго мая, а также подготовить возможность созыва второго съѣзда нашей партіи, мы въ январѣ 1901 года снова послали товарища въ Россію. Къ идеѣ съѣзда всѣ отнеслись на этотъ разъ сочувственно. Но въ то время какъ намъ приходилось среди массы повседневной работы напряженно слѣдить изо дня въ день за развивавшимися съ невиданной быстротой событіями на нашей родинѣ, къ несчастію, не наши враги, а товарищи, не понимающіе всей важности въ нашемъ дѣлѣ партійной дисциплины, мѣшали намъ работать".

Весною 1902 года Союзъ еще разъ сдѣлалъ попытку созвать съѣздъ. Но „Искра" послала своего делегата, поручивъ ему помѣшать состояться съѣзду, какъ объ этомъ сообщаетъ Мартовъ („Борьба съ осаднымъ положеніемъ", стр. 85). Тов. Данъ получилъ это печальное порученіе. По мнѣнію „Искры", еще не все было готово для съѣзда, и она сознательно мѣшала его созыву. Это было реакціоннымъ элементомъ въ ея дѣятельности. Она, которая такъ много и такъ рѣзко говорила о „кустарничествѣ" въ нашей партіи, она сознательно мѣшала устраненію этого кустарничества, до тѣхъ поръ пока „кустъ", который она считала единственно достойнымъ, не сталъ достаточно сильнымъ, чтобы затѣнить всѣ другіе. И въ этомъ отношеніи къ вопросу о методахъ строительства нашей партіи опять таки сказалось глубокое различіе въ взглядахъ на партію у Союза и Искры. И именно это различіе заключалось въ слѣдующемъ.

Въ инструкціяхъ редакціи 1901 года Союзъ признаетъ своею „основною тенденціей — подчеркиваніе необходимости тѣсной связи соціалдемократіи съ широкимъ массовымъ движеніемъ про-

*) Это круговое письмо я привелъ въ докладѣ 2-му съѣзду, который напечатанъ въ моей брошюрѣ „Къ вопросу о работахъ 2-го съѣзда".

летарьята". Онъ полагаетъ, что „по мѣрѣ развитія и распространенія борьбы рабочихъ за сознанные ими интересы, массовое рабочее движеніе въ Россіи сливается съ соціалдемократіей". Эти взгляды такъ настойчиво, такъ послѣдовательно проводились Союзомъ, что многіе видѣли въ нихъ смѣшеніе понятій „классъ" и „партія", а Искра говорила объ отрицаніи Союзомъ необходимости партійной организаціи. Насколько неосновательенъ послѣдній упрекъ я уже доказалъ выписками, свидѣтельствующими, что Союзъ приложилъ много усилій къ созданію общепартійной организаціи. Но и въ смѣшеніи понятій партіи и класса Союзъ неповиненъ. Подъ соціалдемократической партіей Союзъ понималъ не классъ, но лишь сознательное движеніе подъ знаменемъ соціалдемократіи, которое совершается въ рабочемъ классѣ.

Изъ этого взгляда вытекала потребность строить партію не сверху, а снизу; и такъ какъ „внизу" партіи уже существовалъ ея базисъ въ видѣ мѣстныхъ организацій, то объединеніе партіи должно было начаться съ созыва съѣзда представителей этихъ организацій. Искра же въ своей статьѣ „Съ чего начать" (№ 4), наоборотъ, считала необходимымъ начать строительство „сверху", создать прежде всего верхнюю инстанцію партіи, „центръ", и затѣмъ расширять его вліяніе, создавая сѣть агентовъ. Союзъ видѣлъ въ этомъ „разрушеніе того, что добыто было съ такими трудностями прошлой дѣятельностью соціалдемократіи" (Два съѣзда, стр. 32).

Взглядъ Союза на партію, какъ на общественное движеніе, проявляющійся многократно въ его статьяхъ и заявленіяхъ, однако, долго оставался не формулированнымъ. Первая попытка была сдѣлана, кажется, раньше всего въ отчетѣ объ „объединительномъ съѣздѣ". Тамъ взглядъ Союза былъ противопоставленъ взгляду Искры: „Искра понимаетъ подъ соціалдемократіей извѣстную группу лицъ, вполнѣ усвоившихъ теорію марксизма, группу, составляющую квинтэссенцію партіи. Союзъ же понимаетъ подъ соціалдемократіей активную общественную силу, ядромъ которой является борющійся подъ соціалдемократическимъ знаменемъ пролетарьятъ" (Два съѣзда, стр. 23).

Ноокончательную формулировку этотъ взглядъ получилъ въ рефератахъ тов. Мартынова, прочитанныхъ имъ по порученію Союза послѣ неудачнаго исхода „объединительнаго" съѣзда осенью 1901 года. Этотъ рефератъ былъ позже изданъ отдѣльной брошюркой подъ именемъ: „Соціалдемократія и Рабочій классъ". Тамъ мы находимъ слѣдующее опредѣленіе: „Мы признаемъ партіей пролетарьятъ, борющійся подъ знаменемъ соціалдемократіи и руководимый демократически организованнымъ, революціоннымъ авангардомъ".

И опять таки, это были взгляды не данной организаціи, а цѣлаго теченія. Они сквозятъ въ программѣ 1901 года С. Петербургскаго Союза Борьбы, и въ Profession de foi Кіевскаго Комитета, и въ рѣчи предсѣдателя „Съѣзда Южныхъ комитовъ и Организацій".

Эта рѣчь характерна и интересна и въ другомъ отношеніи: она намѣчала еще одно звено въ системѣ организаціи нашей партіи. Я приведу соотвѣтственное мѣсто для того, чтобы съ одной стороны отмѣтить методъ аргументаціи, характерный для этого теченія, и съ другой стороны, чтобы напомнить тотъ путь, по которому строилась наша партія, развивалась ея организація*).

„Если лѣтъ десять тому назадъ проповѣдь, съ которой соціалдемократы обращались къ рабочимъ, начиналась и кончалась призывомъ: организуйтесь! то теперь этотъ призывъ неизбѣжно отступаетъ на задній планъ, когда его объектомъ являются не сотни развивающихся въ кружкахъ рабочихъ, а десятки тысячъ пролетаріевъ, вовлеченныхъ въ активную борьбу при условіяхъ деспотическаго режима. Если, такимъ образомъ, до крайности затруднена задача организаціи борющихся *массъ*, то тѣмъ болѣе насущной становится задача планомѣрнаго организованнаго объединенія *руководящихъ* борьбой соціалдемократическихъ *комитетовъ*; при громадномъ территоріальномъ распространеніи русскаго движенія, при большомъ разнообразіи промышленности, культурныхъ и бытовыхъ условій различныхъ частей Россіи, образованіе въ отдѣльныхъ районахъ объединеныхъ организацій настойчиво диктуется жизнью, притомъ, конечно, не въ ущербъ дѣлу общепартійнаго объединенія всего соціалдемократическаго движенія въ Россіи. До какой степени назрѣло сознаніе необходимости районнаго объединенія, прекрасно показываетъ фактъ возникновенія уже за послѣднее время ряда районныхъ соціалдемократическихъ союзовъ, каковы Поволжскій, Сибирскій, Сѣвернорусскій. Южный районъ имѣетъ для этого по крайней мѣрѣ, столько же данныхъ сколько перечисленные районы. Ужъ не говорю о томъ, что въ него входятъ нѣкоторые изъ *наиболѣе сильныхъ* у насъ пунктовъ со всѣми признаками преемственнаго массового политическаго движенія; этотъ районъ обнаруживаетъ достаточную степень *однородности* въ своей промышленной структурѣ (отсутствіе текстильной промышленности, сильное развитіе механическихъ производствъ, наличность замѣтнаго контингента „ремесленныхъ“ рабочихъ), а также въ культурныхъ условіяхъ жизни рабочихъ массъ. Изъ этихъ соображеній и фактовъ слѣдуетъ сдѣлать заключеніе, что занятія съѣзда должны и съумѣютъ рѣшить одну изъ *насущныхъ задачъ* революціоннаго соціалдемократическаго движенія; можно надѣяться, что съѣздъ создастъ жизнеспособную южнорайонную объединенную организацію, которая вмѣстѣ съ другими послужитъ переходной ступенью къ созданію общепартійнаго объединенія, что такимъ образомъ Р. С.-Д. Р. П. въ скоромъ времени будетъ имѣть не только моральное значеніе момента духовной связи дѣйствующихъ соціалдемократическихъ комитетовъ, но

*) Всѣ резолюціи этого съѣзда носятъ ясныя слѣды „третьяго“ періода“, такъ называемаго экономизма. Главная резолюцію объ экономической борьбѣ цѣликомъ заимствована изъ резолюцій Союза Русскихъ Соціалдемократовъ.

сдѣлается вѣскимъ факторомъ широко организованной борьбы и побѣды россійской соціалдемократіи*.

Такъ подготовлялась въ нашей партіи такая организація, которая одна только могла бы явиться выразительницей и руководительницей сознательныхъ элементовъ пролетарьята. Оставалось только увѣнчать ее центральною партійною организаціей, но этого не случилось и потому эта задача остается и теперь очередною, не смотря на то, что второй съѣздъ нашей партіи *формально* разрѣшилъ ее: въ этой формѣ существованіе центральной организаціи имѣетъ лишь значеніе опыта, который самою своею неудачею послужитъ дѣлу правильной организаціи.

* * *

Я очень далекъ отъ мысли, что только одинъ фактъ передачи комитетовъ въ руки рабочихъ исцѣлитъ нашу партію отъ всѣхъ золъ, но измѣненіе организаціонныхъ принциповъ поведетъ за собою неизбѣжно — сознаютъ ли это люди становящіеся на „новый путь" или не сознаютъ — поведетъ къ пересмотру всего міросозерцанія*). Организаціонные споры, которые теперь раздѣляютъ „большинство" и „меньшинство" нашей партіи будутъ разрѣшены, я въ этомъ глубоко убѣжденъ, на основѣ тѣхъ организаціонныхъ принциповъ, которые защищалъ Союзъ и его теченіе, но тогда не должно и не можетъ остаться міровоззрѣніе, которое сдѣлало возможнымъ событія послѣднихъ лѣтъ въ нашей партіи. Адепты этого міровоззрѣнія считаютъ себя „ортодоксальными" соціалдемократами; они считаютъ свое теченіе самымъ революціоннымъ въ соціалдемократіи. Ошибка! Оно было таковымъ когда то, но въ своемъ консерватизмѣ оно все болѣе и болѣе становится отжившимъ, отсталымъ, а мы, чтобы оставаться впереди, всегда должны идти впередъ. Критика ортодоксіи и дальнѣйшее развитіе идей научнаго соціализма въ литературѣ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи являются необходимыми и ложатся обязанностью на людей „третьяго періода". Я принадлежалъ по моему міровоззрѣнію къ этому періоду и я хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ тѣмъ, кто былъ со мною въ одномъ теченіи соціалдемократическаго движенія въ Россіи.

Товарищи! Мы заявляли, что у насъ нѣтъ принципіальныхъ разногласій съ Гр. Осв. Труда. И дѣйствительно, тѣхъ разно-

---

*) Въ только что вышедшемъ приложеніи къ № 86 „Искры" тов. Рабочій пишетъ: „... гдѣ-то, когда-то въ свое время говорилъ тов. же Акимовъ и Раб. Дѣло, Правда, Раб. Дѣло и Акимовъ не ставили самодѣятельности рабочихъ тѣхъ широкихъ задачъ, которыя мы ей теперь ставимъ, правда, задачи, которыя Раб. Д. ставило нашей партіи, не обезпечивали еще самодѣятельности рабочаго класса по отношенію къ другимъ общественнымъ классамъ..." Рабочій думалъ, что расходится съ Раб. Дѣломъ. Что изъ того! Онъ — нашъ, онъ дѣлаетъ наше дѣло, онъ повторяетъ наши слова, хотя и не сознаетъ этого.

гласій, которыя намъ приписывали наши товарищи по партіи, наши фракціонные противники, этихъ разногласій у насъ не было съ ними. Но постепенно въ области тактики, въ теоріи и въ философіи обнаружились такія разногласія между нами и ими, которыхъ не видѣли три года тому назадъ ни мы ни они.

Говорили, что мы экономисты, что мы не признаемъ политики; это была неправда. Уже Союзъ, приступая къ работѣ въ 1898 году, заявилъ, что завоеваніе демократической конституціи онъ считаетъ своею задачею; съ перваго номера своего журнала онъ сдѣлалъ своимъ девизомъ слова Маркса: „соціальное освобожденіе рабочаго класса невозможно безъ его политическаго освобожденія"; мы первые стали призывать пролетарьятъ къ политическимъ дѣйствіямъ, къ демонстраціямъ; мы отводили въ нашихъ изданіяхъ скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало мѣста вопросу о царизмѣ. Но правда то, что къ обыденной жизни пролетарьята, къ его повседневнымъ интересамъ мы относились совершенно иначе, чѣмъ ортодоксы. Борьбу за эти интересы мы включили въ задачи нашей партіи.

Говорили, что мы „кустари", что мы мѣшали объединенію партіи, созданію организаціи профессіональныхъ революціонеровъ. Это была неправда. Мы сами представляли собою организацію профессіональныхъ революціонеровъ, упорно, долго и сознательно работали надъ созданіемъ централизованной партійной организаціи, надъ созывомъ съѣзда. Но правда то, что мы совершенно иначе чѣмъ ортодоксы представляемъ себѣ роль центральной организаціи: въ профессіональныхъ революціонерахъ мы видѣли слугъ движенія и потому особеннымъ образомъ —на демократическихъ началахъ — строили нашу партію.

Насъ называли „хвостистами", плетущимися за массовымъ движеніемъ. Это была неправда. Мы, наоборотъ, были новаторами, которые упорною борьбой съ авторитетными теоретиками нашей партіи и со старшими товарищами проводили въ жизнь свои идеи; даже и спропагандированные рабочіе первоначально не были на нашей сторонѣ; по отношенію же къ массовому движенію мы всегда ставили себѣ цѣлью идти впереди его, и — какъ показали позднѣйшія событія — дѣйствительно шли впереди. Но вѣрно то, что къ массовому движенію рабочихъ мы относились не такъ какъ ортодоксы, мы видѣли въ немъ стихійный порывъ, съ которымъ мы сознательно хотѣли слиться. Мы, слѣдовательно, самую сущность общественной жизни и дѣятельности понимаемъ иначе. Мы не могли и не хотѣли противополагать инстинктъ, стихійность — сознательности, потому что въ самой теоріи познанія мы расходимся съ ортодоксами.

Насъ называли оппортунистами — это была неправда. Мы имѣемъ наши принципы, принципы научнаго соціализма, программу международной соціалдемократіи и ни ради какихъ бы то ни было цѣлей не хотимъ поступиться ими. Но ту схоластическую, доктринерскую вульгаризацію марксизма, которую намъ подносятъ подъ именемъ ортодоксіи, подъ именемъ — за-

чѣмъ не перевести этого греческаго термина на русскій языкъ— православія, мы дѣйствительно не хотимъ признать правильнымъ выраженіемъ научнаго соціализма. Ортодоксъ разсматриваетъ всякую работу критической мысли, отъ Бернштейна до Богданова, лишь какъ разновидности ревизіонизма во всѣхъ своихъ проявленіяхъ одинаково ненавистнаго. Поэтому всѣмъ сознательнымъ членамъ партіи становится душно въ атмосферѣ соціалдемократическаго православія!

Намъ необходимо абстрагировать въ событіяхъ изъ жизни нашей партіи ихъ общія черты и такимъ образомъ формулировать міросозерцаніе ихъ отражающее для того, чтобы противопоставить ему міросозерцаніе наше, съ точки зрѣнія котораго представляется вреднымъ, ложнымъ, дурнымъ, нестерпимымъ то самое, чѣмъ довольны и горды наши фракціонные противники.

Но все это послѣ, не теперь. Дни, когда я заканчиваю эту работу, февраль 1905 года, ставятъ передъ нами непосредственныя задачи, которыя приходится разрѣшать съ тѣми наличными силами, съ которыми застали нашу партію событія въ Россіи.

И прежде всего — организаціонныя задачи. Ихъ намъ приходится теперь разрѣшать въ буквальномъ смыслѣ слова подъ выстрѣлами враговъ, но мы не можемъ отложить ихъ разрѣшеніе.

Вотъ уже тридцать лѣтъ русскіе соціалисты вели пропаганду своихъ идей въ рабочемъ классѣ; десятки тысячъ жизней были отданы этому дѣлу; сотни тысячъ лѣтъ тюрьмы, ссылки, каторги „искупили цѣну“ тѣхъ историческихъ перемѣнъ, предъ которыми теперь стоитъ наша родина. Вотъ уже два цать лѣтъ, какъ русскіе соціалисты, въ лицѣ соціалдемократовъ, слили свое дѣло съ дѣломъ рабочаго класса. Теперь уже повсюду есть наши единомышленники, наши испытанные товарищи. Пора подвести итогъ.

На всѣхъ фабрикахъ, заводахъ, во всѣхъ ремеслахъ, гдѣ только есть у нашей партіи связи, необходимо немедленно сгруппировать сознательныхъ рабочихъ, соціалдемократовъ. Этимъ группамъ— какъ фаховымъ сходкамъ Бунда, какъ заводскимъ организаціямъ Петербурга, какъ кассами Кіева — мы должны поручить и довѣрить веденіе нашего дѣла въ ихъ заводахъ, на ихъ фабрикахъ въ ихъ ремеслахъ. Эти группы мы должны сдѣлать базисомъ нашей партіи.

Далѣе мы должны объединить эти ячейки, собравъ ихъ представителей на „агитаторскія сходки“, какъ у Бунда, или въ „районныя организаціи“, какъ было въ Петербургѣ, или въ „заводскіе“, „ремесленные“ комитеты, какъ было въ Кіевѣ. При этихъ организаціяхъ должны быть организаціи профессіональныхъ революціонеровъ, чтобы служить имъ своимъ опытомъ, своими знаніями, конспиративнымъ навыкомъ и силою интеллектуальнаго вліянія.

Далѣе, для объединенія и руководства дѣятельностью всѣхъ организацій въ данной мѣстности необходимо, чтобы соотвѣт-

ственныя полномочія были даны выбраннымъ этими организаціями лицамъ, комитету.

„При громадномъ территоріальномъ распространеніи движенія образованіе въ отдѣльныхъ районахъ объединенныхъ организацій настойчиво диктуется жизнью". Поэтому комитеты должны быть соединены въ союзы комитетовъ. Эти союзы должны пользоваться самою широкою самостоятельностью въ своихъ дѣйствіяхъ.

Наконецъ центральная организація партіи должна быть перестроена, чтобы соотвѣтствовать демократическому строю всей партіи. По примѣру Бельгійской Рабочей Партіи необходимо чтобы и у насъ делегаты отъ союзовъ комитетовъ стали членами центральнаго комитета партіи. Тогда на правахъ союза комитетовъ нашелъ бы себѣ мѣсто снова въ нашей партіи и неограниченный районными рамками представитель еврейскаго пролетарьята — Бундъ, и организаціи пролетарьята другихъ націй Россіи.

Теперешній нашъ Ц. К. построенъ по типу министерскаго кабинета. Ц. К. Бельгійской партіи построенъ по типу швейцарскаго министерства, Союзнаго Совѣта. Здѣсь, въ этой брошюрѣ, не мѣсто защищать эти принципы организаціи; здѣсь умѣстно было лишь отмѣтить ихъ. Замѣчу только, что для защиты ихъ можно привести всѣ тѣ неопровержимые доводы, которые приводитъ наша партія для защиты демократическихъ принциповъ въ дѣлѣ политической организаціи государства: если мы признаемъ, что демократическая политическая организація можетъ наилучшимъ образомъ руководить развитіемъ націи со всѣми ея классовыми противорѣчіями, то тѣмъ болѣе она можетъ явиться руководительницей политической партіи. Что же касается русскихъ полицейскихъ условій, то опытъ „третьяго періода" показалъ, что демократическая организація является не менѣе конспиративной, чѣмъ заговорщицкая.

Во внутренней жизни нашей партіи, не смотря на всю интенсивность внѣшней борьбы, есть своя очередная задача; это именно организаціонная задача.

Въ разсказѣ Андреева Стѣна раздѣлила и небо и землю на двѣ части и оставила по сю сторону человѣчеству одни лишь жестокія и ненужныя страданія. Люди сходятся и расходятся въ безумномъ танцѣ, и отвратительные. какъ проказа, они отравляютъ другъ другу существованіе. Они томятся этой жизнью и хотятъ лбомъ своимъ прошибить Стѣну — *придумать* способъ ея разрушенія; но разумъ безсиленъ предъ роковою преградою и непокорные судьбѣ гибнутъ у неподвижной Стѣны.

Французскій скульпторъ, создавшій символическую Стѣну по поводу одного опредѣленнаго историческаго событія далъ однако же, быть можетъ, только изображеніе конкретнаго проявленія той же самой общей идеи.

„Отдай мнѣ мое дитя, моего сына, моего брата, мою дочь... Убійца! отдай мнѣ самого меня!.." кричали прокаженные люди

предъ Стѣною Андреева, поглотившей столько жизней. И на Стѣнѣ Моро-Вотье вырисовываются разорванныя части тѣла погибшихъ защитниковъ коммуны.

Стѣна, какъ символъ преграды къ свободѣ, къ радости только потому не соотвѣтствуетъ истинной природѣ этой преграды, что сложена она изъ мертвыхъ камней; преградой же къ прогрессу человѣчества служатъ эти самые люди, страдающіе, несчастные, жалкіе и однако неподвижные въ своей косности. Эту то стѣну инертной людской массы мы должны разрушить.

Мы, соціалисты, должны быть людьми будущаго. Мы должны провидѣть это будущее и руководствоваться имъ, какъ своимъ идеаломъ, въ нашей настоящей жизни и дѣятельности!

Согласно нашему ученію если у каждой современной цивилизованной націи слой живой, революціонный, созидающій будущее. Это именно самый нижній слой, самое основаніе стѣны, пролетарьятъ. Когда онъ прійдетъ въ движеніе, тогда съ силой геологическихъ переворотовъ — говоритъ коммунистическій манифестъ — разрушитъ онъ все, что надъ нимъ покоится, всю эту стѣну.

И вотъ краеугольные камни стѣны уже вопіютъ, пролетаріатъ уже началъ свое освободительное движеніе. Пусть же мы будемъ голосомъ фундамента стѣны! И тогда, подобно тому какъ въ древней легендѣ стѣны Іерихона пали отъ звука трубъ и открыли израильтянамъ обѣтованную землю, подобно этому твердыни враговъ пролетарьята, гнетущія его и съ нимъ весь трудовой народъ, падутъ отъ звука нашего голоса...

Такъ понималъ я основную идею теченія „третьяго періода".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

